This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DS
328.4
S35G7
1871

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ГАТЧИНСК. НИКОЛАЕВСК. СИРОТСК.
ИНСТИТУТА
Шкапъ II
Полка 6
№ 22.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

7932.

О

СКИѲСКОМЪ НАРОДѢ

САКАХЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

НАПИСАННАЯ

КЪ ДВАДЦАТИ-ПЯТИЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

В. В. Григорьевымъ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ ЭТОГО ОБЩЕСТВА И УПРАВЛЯЮЩИМЪ ВЪ ОНОМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ ВОСТОЧНОЙ АРХЕОЛОГІИ

ДУБЛЕТЪ ИМПЕРАТОР. ПУБЛИЧ. БИБЛІОТЕКИ ПРОДАНЪ

ИМПЕР: ГАТЧИНС: БИБЛІОТЕКИ 630. НИКОЛ: СИР: ИНСТ:

1871

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Императорской Академіи Наукъ

(Вас. Остр. 9 линія № 12)

Printed in Russia.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

КАЭТАНУ АНДРЕЕВИЧУ

КОССОВИЧУ

ПЕРВОМУ ВЪ РОССІИ ИЗСЛѢДОВАТЕЛЮ

АРІЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ

ВЪ ЕЯ

СТАРО-БАКТРІЙСКИХЪ И СТАРО-ПЕРССКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ

посвящаетъ авторъ

какъ дань глубокаго уваженія

къ его

УЧЕНОСТИ ТАЛАНТАМЪ И ХАРАКТЕРУ

настоящій трудъ свой

ОБЪ ОДНОМЪ ИЗЪ АРІЙСКИХЪ НАРОДОВЪ

ДРЕВНЯГО ВОСТОКА

I.

Говоря о завоевательныхъ замыслахъ Кира послѣ покоренія имъ Лидійскаго Царства, Геродотъ указываетъ, какъ на важнѣйшіе въ то время народы (которыхъ предстояло побѣдить Киру прежде чѣмъ обратиться противу Грековъ), на Вавилонянъ, Бактрійцевъ, Саковъ и Египтянъ (I, 153). Первый и послѣдній изъ четырехъ помянутыхъ народовъ не нуждаются въ оправданіи мнѣнія высказаннаго о нихъ Геродотомъ. Значеніе Бактрійцевъ какъ одного изъ древнѣйшихъ культурныхъ народовъ Азіи, славившагося вмѣстѣ и военнымъ могуществомъ, если и не выяснено еще достаточнымъ образомъ, пользуется тѣмъ-не-менѣе всеобщимъ признаніемъ. Но что̀ такое *Саки*, чтобы занимать въ исторіи мѣсто на ряду съ Бактрійцами, Вавилонянами и Египтянами?

Самъ Геродотъ объясняетъ далѣе (VII, 64) что *Саками* звались у Персовъ *Скиѳы*, т. е. другими словами, *Саки* у Персовъ было такимъ же собирательнымъ именемъ для малоизвѣстныхъ имъ народовъ Сред-

ней-Азіи какимъ, для тѣхъ же народовъ, было у Грековъ имя *Скиѳы*.

Объясненіе это даетъ Геродотъ по поводу Саковъ входившихъ въ составъ Ксерксовой рати собранной для похода на Грецію, описывая тутъ же одѣяніе ихъ и вооруженіе. Именно сказываетъ онъ что Саки эти имѣли на головахъ высокіе и острые кверху калпаки (κυρβασία), носили штаны (ἀναξυρίδες), вооружены были луками, кинжалами (ἐγχειριδιον) и особаго рода топорами (ἀξίνη) которые назывались *сагара*'ми (σάγαρις). Описавъ такимъ образомъ сакскій контингентъ Ксерксова войска, Геродотъ вслѣдъ затѣмъ и замѣчаетъ что Саки эти были собственно Скиѳы-*Амюргійцы* (т. е. одинъ изъ скиѳскихъ народовъ звавшійся Амюргійцами); «звали-же ихъ Саками потому что такъ Персы зовутъ всѣхъ Скиѳовъ» (VII, 64). На флотѣ Ксерксовомъ Саки помѣщены были вмѣстѣ съ Персами и Мидянами (VII, 96), а въ сраженіи при Платеяхъ первое мѣсто по оказанной храбрости отводитъ Геродотъ сакской конницѣ[1] вмѣстѣ съ персскою пѣхотою (IX, 70). Равнымъ образомъ упоминаетъ о Сакахъ вмѣстѣ съ Киссійцами, какъ объ отличившихся воинскою доблестію, и Діодоръ Сицилійскій, повѣствуя о Ѳермопильской битвѣ (XI, 7).

Итакъ, по Геродоту, въ числѣ Скиѳовъ, иначе Саковъ, былъ одинъ народъ, по-имени *Амюргійцы* (Ἀμυρ-

[1] Между-тѣмъ, въ перечисленіи конныхъ войскъ Ксерксовой рати (VII, 84 - 86), Геродотъ не упоминаетъ чтобы въ составѣ ихъ находилась и сакская конница.

γίοι), который подчинялся Персамъ при Ксерксѣ въ качествѣ данника или, по-крайней-мѣрѣ, состоялъ съ ними въ союзѣ: иначе, зачѣмъ-же было воинамъ его входить въ составъ Ксерксовой рати?

Имя Саковъ упоминается еще у Геродота и по другому случаю, именно при перечисленіи Даріевыхъ сатрапій: тутъ сказываетъ онъ что Саки входили въ составъ XV-й сатрапіи, вносившей въ казну Дарія 250 талантовъ (III, 93). Въ этомъ случаѣ Саки, ясно, упоминаются не какъ Скиѳы вообще, а какъ извѣстный скиѳскій народъ называвшійся по-преимуществу Саками, и вполнѣ подчинявшійся Персамъ — можетъ быть тѣ же самые Амюргійцы которые посылали воиновъ своихъ въ рать Ксеркса, а быть можетъ и не они. Наконецъ, по Геродоту, Саки входили также и въ составъ Даріевыхъ войскъ сражавшихся при Мараѳонѣ: въ этой битвѣ занимали они, вмѣстѣ съ Персами, центръ, и сначала поразили-было Аѳинянъ (VI, 113). Объ участіи Саковъ въ европейскомъ походѣ Дарія узнаёмъ и отъ поэта Хэрила, который (перечисляя вѣроятно разные народы переходившіе съ Даріемъ черезъ Геллеспонтъ) характеризуетъ Саковъ такимъ образомъ:

«И *Саки*, пастыри овчіи, скиѳскаго рода, но обитатели
Богатой пшеницею Азіи, высланцы тѣхъ кочевыхъ
Что̀ самые между людей справедливые» [1].

---

[1] Эта цитата изъ Хэрила, сдѣланная Эѳоромъ, сохранилась для насъ у Страбона (VII, 3). Вотъ греческій подлинникъ:
μηλονόμοι τε Σάκαι, γενεᾷ Σκύθαι, ἀυτὰρ ἔναιον

Хэрилъ, старшій современникъ Эсхиловъ, писалъ, полагается, между 64 и 74-ю олимпіадами: стало-быть это древнѣйшій изъ извѣстныхъ греческихъ писателей упоминающій о Сакахъ.

Но когда-же Саки входившіе въ составъ XV-й сатрапіи, и Саки-Амюргійцы, если они не тождественны съ первыми, покорены были персскимъ оружіемъ? Прямаго отвѣта на это у Геродота не находимъ[1], да и самое имя Амюргійцевъ нигдѣ у него, кромѣ указаннаго мѣста, не встрѣчается болѣе, почему нельзя составить себѣ никакого понятія и о томъ гдѣ обитали они. Нѣкоторымъ указаніемъ на обиталища Саковъ XV-й сатрапіи могло-бы служить имя народа о которомъ говоритъ Геродотъ что онъ, вмѣстѣ съ Саками, входилъ въ составъ этой сатрапіи; но, къ-сожалѣнію, въ имени этого народа нельзя не признать описки, хотя оно во всѣхъ извѣстныхъ рукописяхъ Геродотовыхъ

Ἀσίδα πυροφόρον. Νομάδων γε μὲν ἦσαν ἄποικοι,
ἀνθρώπων νομίμων.

Мы перевели эти стихи слово-въ-слово. Смыслъ ихъ совершенно ясенъ. Не понимаемъ поэтому какимъ образомъ можно было дать имъ то значеніе съ какимъ являются они у новѣйшаго писателя о Скиѳахъ, І. Г. Куно (Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. Erster Theil: Die Skyten, Berlin, 1871, s. 76), видящаго въ нихъ свидѣтельство что «Саки выселились въ Азію изъ Европы».

[1] Должно полагать что покорены они были Киромъ въ-продолженіе того какъ военачальникъ его Гарпагъ опустошалъ Малую-Азію, ибо къ этому періоду времени относитъ Геродотъ (I, 177) покореніе Киромъ всѣхъ, безъ изъятія, народовъ Верхней-Азіи.

«Исторій» написано одинаково[1], именно *Каспіи* (Κάσπιοι). Описку бо́льшая часть комментаторовъ и переводчиковъ Геродота находитъ тутъ потому что Каспіи упомянуты уже у Геродота передъ тѣмъ, какъ входившіе въ составъ XI-й сатрапіи. Признаніе описки въ имени народа показаннаго у Геродота входившимъ, вмѣстѣ съ Саками, въ составъ XV-й сатрапіи, повело, разумѣется, къ гипотезамъ объ исправленіи этого имени, удовлетворительнѣйщею между коими представляется намъ гипотеза высказанная впервые Реннелемъ, и поддержанная Ларшѐ, что вмѣсто Κάσπιοι слѣдуетъ читать въ означенномъ мѣстѣ Κάσιοι, разумѣя подъ *Касіями* обитателей страны именуемой у Птоломея (VI, 15) Κασία χώρα, страны соотвѣтствующей нынѣшней Кашгаріи въ Восточномъ, или Китайскомъ, Туркестанѣ[2]. Но ка́къ-бы, по нашимъ соображеніямъ,

---

[1] Histoire d'Hérodote, traduite du grec par Larcher, t. III, p. 80 (édition de 1802, Paris); Herodoti Halicarnassensis musae, edid. J. C. F. Baehr, II, 184 (editio altera, Lipsiae, 1857).

[2] Rennell: The geographical system of Herodotus examined and explained (London, 1800), p. 302; Larcher, l. c. VIII, 99-100. — Предположеніе Бера (l. c.) будто въ составъ XI-й сатрапіи могли входить Каспіи обитавшіе въ юго-западномъ углу Каспійскаго-Моря, тогда-какъ въ составъ XV-й могли входить Каспіи кочевавшіе по восточному побережью того же моря и въ низовьяхъ Окса — не имѣетъ никакого основанія, такъ-какъ о Каспіяхъ которые-бы обитали на восточномъ берегу Каспійскаго-Моря и въ нынѣшнемъ Хивинскомъ-Ханствѣ, не упоминается ни у кого изъ древнихъ писателей. — Едва-ли состоятельно, равнымъ образомъ, и предположеніе Лассена будто половина Каспіевъ могла быть соединена въ одну сатрапію съ Саками, въ видахъ финансовыхъ (Die altpersischen Keilinschriften von Persepolis, Bonn,

ни была умѣстна эта гипотеза, мы, на томъ основаніи что это все-таки не болѣе какъ гипотеза, не считаемъ позволительнымъ выводить изъ нея какихъ-либо заключеній по пріуроченію Саковъ къ той-или-другой странѣ.

Относительно-же происхожденія имени Амюргійцевъ узнаёмъ отъ современнаго Геродоту греческаго историка Гелланика что такъ назывались они по имени мѣстности которую занимали, ибо, по свидѣтельству Стефана Византійскаго, Ἀμύργιον у Гелланика, въ его «Трактатѣ о Скиѳахъ», значится объясненнымъ какъ πεδίον Σακῶν, «равнина въ сакійскихъ земляхъ»[1]. У предшественника-же Геродотова, Гекатея, тѣже Амюргіи упоминаются, быть можетъ, подъ именемъ *Мюрге-т*'овъ[2].

Замѣчаніе Геродота что *Саки* у Персовъ было такимъ же собирательнымъ именемъ какъ *Скиѳы* у Грековъ, и обозначало тѣ самые народы къ которымъ

1836, s. 114), такъ-какъ съ этою-послѣднею цѣлію соединяемы были, по замѣчанію Геродота (III, 79), въ одну сатрапію народы иногда отдаленные другъ отъ друга, а не части одного народа разбрасываемы по разнымъ сатрапіямъ (чему, впрочемъ, тоже имѣемъ примѣръ въ Париканійцахъ, причисленныхъ и къ X-й, и къ XVII-й сатрапіи).

[1] См. 171-й отрывокъ изъ Гелланика въ Fragmenta historicorum Graecorum edita a C. et Th. Müller, Parisiis, 1841, t. I.

[2] См. тамъ же 155-й отрывокъ изъ Гекатея. А очень можетъ быть и то что Myrgetae у Стефана Византійскаго есть описка вмѣсто Tyrregetae о которыхъ упоминаетъ Страбонъ, или Tyragetae о которыхъ говоритъ Плиній — какъ замѣчаютъ Мюллеры.

Греки прилагали наименованіе Скиѳовъ — подтверждается и одною изъ клинчатыхъ надписей временъ Дарія-Гистаспа, именно тою которая извѣстна подъ именемъ Накши-Рустемской. Въ этой надписи, Дарій, перечисляя страны и народы ему подвластные, упоминаетъ о трехъ разныхъ видахъ Саковъ: Çakâ-haumavargâ, Çakâ-tigrakhuda и Çakâ-tyaiy-taradaraya. Первые два вида Саковъ упоминаются въ перечисленіи вслѣдъ за Индѣйцами (Hindus), послѣдній — вслѣдъ за Іонійцами (Yaunâ). Выраженіе *Сака-тьяій-парадарая* (или *парадарая*) всѣ объяснители персскихъ гвоздеобразныхъ надписей переводятъ одинаково: «Саки, тѣ-что-за-моремъ», или «Саки-заморскіе»[1], и всѣ полагаютъ согласно что подъ этими Саками разумѣются въ надписи Черноморскіе Скиѳы противу которыхъ предпринималъ Дарій неудачный походъ свой за Дунай[2]. — Менѣе согласія между кунеологами встрѣчается на счетъ *Сака-гаумаварга*. Въ надписи послѣднее слово сохранилось не вполнѣ, именно въ такомъ видѣ: haumav . . â (или humav . . â). Дополняя недостающій слогъ, каждый по своимъ соображеніямъ, Лассенъ читаетъ humavargâ, Ролинсонъ — humavadâ,

---

[1] За исключеніемъ Гицига, который ухитрился перевести неразобранное и непонятное имъ *парадарая* безтолковымъ «welche arm gar sehr». См. Die Grabschrift des Darius zu Nakschi-Rustam, erläutert von Dr. Ferdinand Hitzig. Zürich, 1847, ss. 67-68 u. 83.

[2] Всѣ за исключеніемъ Мордтмана, который полагаетъ что «заморскіе Саки» означаютъ не Скиѳовъ, а Ѳракійцевъ. См. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, B. XVI, s. 110, и B. XXIV, s. 49.

Бенфей — humavatyâ, Оппертъ — haumavaidâ и humargâ, Боллензенъ — humargâ, Шпигель — humavarkâ, Юсти — haumavarkâ. Читая humavadâ, Ролинсонъ полагаетъ что это значитъ «Саки-что̀-на-Эмодѣ»[1]; читая humavatyâ, Бенфей находилъ что это значитъ «Саки-что̀-на-Гимаватѣ»[2]; читая haumavaidâ, Оппертъ переводилъ «Саки поклонники-Гаомы»[3]. Всѣ прочіе кунеологи[4], расходясь нѣсколько въ чтеніи слова haumavargâ, полагаютъ одинаково что это персская транскрипція имени Ἀμύργιοι у Геродота; при чемъ Оппертъ (когда, вмѣсто haumavaidâ, сталъ читать humargâ), а за нимъ и Юсти, подтвержденіе означенному толкованію находятъ въ томъ что ассирійскій переводъ Накши-Рустемской надписи передаетъ humargâ или haumavarkâ словомъ umarga, а такъ-называемый скиѳскій — словомъ umuvarkap[5]. Относительно происхожденія и значенія самаго имени *Гаумаварга*, или

---

[1] Journal of the Royal Asiatic Society, vol. X, p. 294.

[2] Die persischen Keilinschriften (Leipzig, 1847), s. 59.

[3] Journal Asiatique, IV-e serie, vol. XIX (1852), p. 158. Такое объясненіе дано было Оппертомъ не иначе, впрочемъ, какъ sous une réserve extrême, и впослѣдствіи онъ отказался отъ него.

[4] Опять за исключеніемъ Гицига, по которому *Сака-гумав..â* значитъ «Саки поклоняющіеся лунѣ» (l. c. pp. 64-65 и 83).

[5] Оппертъ — въ Zeitschrift d. D. M. G., B. XI, s. 135, и въ Expédition scientifique en Mésopotamie (Paris, 1859), vol. II, p. 174; Юсти — въ Beiträge zur alten Geographie Persiens, II, 22. Боллензенъ увѣренность свою въ тождествѣ Humargâ съ Ἀμύργιοι Геродота простираетъ до такой степени что даже въ текстѣ надписи, вмѣсто Humargâ, предлагаетъ читать Hamurgâ. См. Mélanges Asiatiques de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pétersbourg, vol. III, livraison 3-e (1859), p. 329.

Амюргіи, Оппертъ выразилъ что оно можетъ находиться въ связи съ санскритскимъ sumriga, «обладатели хорошаго скота»[1], а Шпигель припоминаетъ что въ Шахъ-Намѐ есть извѣстіе о походѣ царя Кей-Кауса въ *Гамавѐранъ*[2]. Одинъ изъ позднѣйшихъ кунеологовъ, Мордтманъ, читая въ скиѳскомъ переводѣ *Сакка-омуваргафа*, толкуетъ что проще всего понимать это: «Саки Омарговы», «Саки подчиняющіеся-царю-Омаргу» (тому о которомъ упоминается у Поліэна — см. объ этомъ ниже); а черезъ нѣсколько страницъ далѣе говоритъ что это значитъ «Саки на-Оксѣ-живущіе»[3]. — Еще бо́льшую разноголосицу находимъ у кунеологовъ относительно *Сака-тиграхуда*. Большинство ихъ видитъ въ *тигра* знаменитую рѣку этого имени, и объясняетъ различно только послѣднюю часть слова — *худа*. По Ролинсону, *Сака-тиграхуда* значитъ «Саки что̀-въ-долинѣ-Тигра»; по Бенфею — «Саки Тигръ-пьющіе», т. е. «живущіе по р. Тигру»[4]; для прочихъ это, такъ-или-иначе, значитъ «Саки что̀-на-Тигрѣ». Шпигель признаетъ эти объясненія неудовлетворительными, но своего не даетъ[5]. Между-тѣмъ въ ассирійскомъ переводѣ надписи о которой идетъ рѣчь, *тиграхуда* передано прилагательнымъ «стрѣлометатели»; почему Оппертъ положительно отвергаетъ всякую связь слова

---

[1] Zeitschrift d. D. M. G. XI, 135.
[2] Die altpersischen Keilinschriften (Leipzig, 1862), s. 223.
[3] Zeitschrift d. D. M. G., B. XXIV, ss. 42 u. 61.
[4] Обое ll. cc.
[5] L. c. p. 199.

тиграхуда съ рѣкою Тигромъ, и переводитъ *Сака-тиграхуда* «Саки-стрѣлки» (sagittaires, sagittarum periti, pfeilkundig); по Керну *тиграхуда* можетъ быть переведено scharfschiessend, Scharfschütze[1], а Мордтманъ и тутъ отличается своеобразнымъ толкованіемъ, объясняя что *Сакка-тигракодапъ* (въ скиѳскомъ переводѣ) значитъ «Саки живущіе-на-Яксартѣ»[2].

Напротивъ того, въ другихъ клинчатыхъ перскихъ надписяхъ гдѣ упоминается имя Саковъ, упоминается оно безо всякихъ къ нему объяснительныхъ въ родѣ тиграхуда и т. д., какъ имя народа которому принадлежитъ оно исключительно или, по-крайней-мѣрѣ, преимущественно. Въ одной изъ персепольскихъ надписей Дарія-Гистаспа, заключающей въ себѣ единственно перечисленіе областей которыя были ему подвластны, *Сака*, въ перечисленіи этомъ, слѣдуютъ послѣ *Гандара*, а за собою вслѣдъ имѣютъ *Мака*. Въ Бисютунской-же (или Багастанской) надписи, *Сака*, при такомъ же перечисленіи, поставлены между *Суда* спереди и *Сатагусъ* сзади. Далѣе въ той же надписи имя Са-

---

[1] Оппертъ — въ Journal Asiatique, IV-e serie, vol. XIX, pp. 158-159, и въ Expédition en Mésopotamie, II, 174; Кернъ — въ Zeitschrift d. D. M. G., B. XXIII, s. 216. Гицигъ объяснялъ что *Сака-тиграхуда* значитъ «Саки поклоняющіеся мечу», или «Саки-мечепоклонники» (l. c. pp. 66 et 83).

[2] Zeitschrift d. D. M. G., B. XXIV, s. 61. Впрочемъ, по его же объясненію въ XVI-мъ томѣ того же изданія (s. 111), Сака-тиграхуда жили на Оксѣ, а не на Яксартѣ: на Яксартъ понадобилось Мордтману перевести ихъ когда онъ, черезъ восемь лѣтъ позже, нашелъ нужнымъ поселить на Оксѣ Саковъ-омуваграфа.

ковъ встрѣчается между народами возстававшими противу Дарія и имъ укрощенными. Наконецъ, въ пятомъ столбцѣ надписи, описывается походъ на этихъ Саковъ. Время и дождевые потоки уничтожили столбецъ этотъ наполовину, такъ-что читаются въ немъ лишь отдѣльныя слова, изъ коихъ можно заключать что Дарій, въ этомъ походѣ, «перешелъ» черезъ что-то, «убилъ» по видимому одного изъ предводителей возстанія, а другого, «Сакуку (или Саруку) по-имени, захватилъ». Кромѣ того, въ двухъ смежныхъ строкахъ встрѣчаются слова *тиграмъ* и *дараямъ*. Изъ этого полусохранившагося текста, Юсти, слѣдуя Ролинсону, нетолько выводитъ что Саки о которыхъ идетъ тутъ рѣчь — тѣ же самые *тиграхуда* что въ Накши-Рустемской надписи, но что и предводитель ихъ Сакука взятъ былъ въ плѣнъ по сосѣдству съ рѣкою Тигромъ, въ Элимаидѣ, на берегу Персидскаго-Залива: послѣднее — на томъ основаніи что *дараямъ*, «море», встрѣчается вслѣдъ за *тиграмъ*. Оппертъ, находя что *тиграмъ* означаетъ тутъ дѣйствительно рѣку Тигръ, подъ *дараямъ* разумѣетъ однакоже не Персидскій-Заливъ, а Черное-Море; описываемая экспедиція Дарія тождественна, по его мнѣнію, съ походомъ Дарія за Дунай противу Скиѳовъ черноморскихъ[1].

Такимъ образомъ, если изъ Накши-Рустемской надписи выводится что *Сака* у Персовъ было, какъ утвер-

---

[1] Юсти — въ Beiträge zur alten Geographie Persiens, I, 25; Оппертъ — въ Journal Asiatique, IV-e série, t. XVIII, p. 364-365.

ждаетъ Геродотъ, собирательнымъ именемъ для обозначенія извѣстнаго отдѣла народовъ, то изъ Бисютунской и помянутой Персепольской видно что въ отдѣлѣ этомъ былъ одинъ которому имя *Сака* давалось по-преимуществу, какъ собственное его имя.

Трудно предположить чтобы эти «настоящіе» Саки не были упомянуты въ Накши-Рустемской надписи: подъ которымъ-же изъ трехъ видовъ Саковъ въ ней обозначенныхъ должно признать «настоящихъ»?

Въ указанной выше Персепольской надписи, равно-какъ и въ Бисютунской, Сака поминаются, въ первой — послѣ Гандаровъ, въ послѣдней — послѣ Согдійцевъ. Гдѣ жили тѣ и другіе извѣстно несомнѣннымъ образомъ: первые — около Кабулъ-Дарьи въ нынѣшнемъ Восточномъ-Кабулистанѣ, и, частію, въ противуположномъ Панджабѣ[1]; послѣдніе — въ долинѣ р. Зерэфшана, отъ Бухары на западѣ до р. Сыръ-Дарьи на востокѣ. Что касается до Мака и Сатагусъ, упоминаемыхъ вслѣдъ за Саками, то подъ Маками разумѣютъ обыкновенно жителей нынѣшняго Мекрана[2], а Сатагусовъ, отождествляя ихъ съ Саттагидами Геродота, помѣщаютъ въ нынѣшнемъ Гезареджатѣ и Западномъ-

[1] На означенныя мѣста жительства Гандаровъ указываютъ положительно, съ одной стороны, Птоломей, въ своей Географіи (VII, 1), съ другой — Сюань-Цзанъ (Mémoires sur les contrées occidentales etc. Paris, 1858, vol. I, p. 83, 115; II, 42, 103, 172). См. также объ этомъ предметѣ высказанное мною въ дополненіяхъ къ Риттерову «Кабулистану» (Спб. 1867), стрн. 768.

[2] См. на-примѣръ, Лассена, въ Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, VI, 63-64.

Кабулистанѣ[1]. Относительно обиталищь Мака и Сатагусъ имѣемъ только предположенія; относительно географическаго положенія Гандаровъ и Согдійцевъ существуетъ полная достовѣрность. Остается, въ настоящемъ случаѣ, принимать къ соображенію только послѣднее, и заключать что «настоящіе» Саки жили въ Даріево время гдѣ-нибудь по сосѣдству съ Согдійцами и Гандарами, или, по-крайней-мѣрѣ, не вдалекѣ отъ нихъ, что, во всякомъ случаѣ, указываетъ на страны къ сѣверу или сѣверо-востоку отъ собственной Персіи, свидѣтельствуя въ тоже время что «Саки-по-преимуществу», о которыхъ идетъ рѣчь въ Бисютунской надписи, не могли обитать гдѣ-либо по р. Тигру, т. е. на сѣверо-западъ отъ Персіи. Позволимъ себѣ замѣтить также по этому поводу что слово *дараямъ*, «море» (въ винит. падежѣ), въ цитированномъ столбцѣ Бисютунской надписи, заставившее Ролинсона и Юсти толковать о Персидскомъ-Заливѣ, а Опперта — предполагать тутъ Черное-Море, могло означать въ древне-персскомъ, точно такъ же какъ видимъ это въ ново-персидскомъ, не только «море», но

---

[1] Лассенъ, l. c. p. 60. Изъ предшествовавшихъ изслѣдователей, нѣкоторые сажали Саттагидовъ гораздо далѣе на востокъ: Гаттереръ — въ верховья Яксарта и Окса, Биллербекъ — за Согдіаною, къ источникамъ Инда и по верховьямъ этой рѣки (см. Беровъ комментарій къ Геродоту, т. II, стр. 178). Вильсонъ (Asiatic Researches, XV, 104) считалъ возможнымъ признать Саттагидовъ въ народѣ Sataca, о которомъ упоминается въ Брахманта-Пуранѣ, на ряду съ Гандарами, какъ о народахъ живущихъ на сѣверъ отъ Индіи (см. у Вильфорда въ Asiatic Researches, VIII, 346).

и «большую рѣку» (подобно слову *бахръ* у Арабовъ); а въ такомъ случаѣ подъ *дараямъ*, въ указанномъ мѣстѣ надписи, могла разумѣться всякая большая рѣка въ земляхъ тѣхъ Саковъ о походѣ противу которыхъ идетъ тамъ рѣчь, или по сосѣдству съ тѣми землями, на-примѣръ Яксартъ, Оксъ (который у новыхъ персидскихъ писателей и не называется иначе какъ *Дерья-и-Аму*) и т. д.

При такомъ значеніи слова *дарая*, весьма-бы можно было усомниться и относительно вѣрности перевода *Сака тьяій-тарадарая* — «заморскими Саками», т. е. Черноморскими Скиѳами: можно было-бы переводить съ одинаковою достовѣрностію «Саки зарѣчные», разумѣя тутъ подъ рѣкою опять Оксъ или Яксартъ; но указаніемъ на то что подъ *Сака тьяій-тарадарая* въ Накши-Рустемской надписи разумѣлись дѣйствительно «заморскіе», т. е. Черноморскіе, Скиѳы, служитъ для насъ то обстоятельство что въ означенной надписи этотъ видъ Саковъ упоминается непосредственно за *Яуна*, «Іонійцами», т. е. Греками. Во всякомъ случаѣ, не этимъ «заморскимъ», изъ трехъ видовъ Саковъ обозначенныхъ въ Накши-Рустемской надписи, могло принадлежать по-преимуществу имя Саковъ, такъ-какъ «настоящіе» Саки, видѣли мы, должны быть помѣщаемы на востокъ или сѣверо-востокъ отъ собственной Персіи. Остается, засимъ, выбирать между Сака-*гаумаварга* и Сака-*тиграхуда*. Объ этомъ поговоримъ мы ниже, но замѣтимъ теперь же что нѣтъ никакой необходимости предполагать чтобы это были два отдѣльные на-

рода, изъ коихъ одному только имя *Сака* могло принадлежать по-преимуществу: это могли быть и два отдѣла одного и того же Сакскаго Народа, жившіе только въ разныхъ мѣстахъ, и потому обозначавшіеся особыми прозвищами.

Оказывается что изъ данныхъ о Сакахъ заключающихся въ памятникахъ персской клинописи могутъ быть выведены покуда, съ полною основательностію, лишь слѣдующія заключенія: а) *Сака* было у Персовъ собирательнымъ именемъ для обозначенія извѣстнаго отдѣла народовъ; б) собирательнымъ должно оно было сдѣлаться впослѣдствіи, первоначально же означало одинъ опредѣленный народъ; в) народъ этотъ обиталъ на сѣверъ или сѣверо-востокъ отъ Персиды; г) народъ этотъ возмущался противу Дарія-Гистаспа, стало-быть подпалъ власти Персовъ при предшественникахъ Дарія; д) Дарій предпринималъ походъ для его укрощенія, и успѣлъ въ этомъ, причемъ одного изъ вождей возстанія лишилъ жизни, а другаго взялъ въ плѣнъ.

Бисютунская надпись сопровождается, какъ извѣстно, изображеніемъ самого царя Дарія-Гистаспа и, вмѣстѣ съ нимъ, девятерыхъ бунтовщиковъ имъ уничтоженныхъ. Надъ фигурою одного изъ послѣднихъ читается указаніе: «Се есть Сакука, сакіецъ». И мы видимъ что Сакука представленъ точно въ такомъ высокомъ и остромъ калпакѣ какіе, по Геродоту, носили Саки въ Ксерксовомъ войскѣ (Скиѳы-Амюргійцы): новое указаніе на то что Саки о которыхъ идетъ рѣчь

въ Бисютунской надписи должны быть принимаемы за родственныхъ съ Амюргійцами Геродота, и обитали не на рѣкѣ Тигрѣ.

Изъ исторіи Даріева похода противу Саковъ, о которомъ упоминается въ Бисютунской надписи, но ни слова не находимъ, ни у Геродота, ни у другихъ древнѣйшихъ греческихъ историковъ, сохранилось для насъ два событія, разсказываемыхъ писателемъ II-го уже вѣка по Р. Х., Поліэномъ. Въ «Стратагемахъ» своихъ (кн. VII, гл. XI, 6, 8) повѣствуетъ онъ, во-первыхъ, что воюя съ Саками (Σάκκαι), которые дѣйствовали противу него тремя отрядами, Дарій, разбивши первый отрядъ, взялъ у побѣжденныхъ Саковъ ихъ одежду и оружіе, и этимъ платьемъ и оружіемъ одѣлъ и вооружилъ своихъ Персовъ, которыхъ и повелъ въ такомъ видѣ противу втораго отряда Саковъ. Эти-послѣдніе, обманутые наружностію приближающагося войска, приняли его за своихъ, и потому подпустили къ себѣ безо всякой осторожности; Персы-же, ринувшись на обманутыхъ, всѣхъ ихъ перебили. Послѣ пораженія такимъ образомъ двухъ сакскихъ отрядовъ, третій покорился Персамъ безъ сопротивленія. — Далѣе повѣствуется Поліэномъ что когда Дарій предпринялъ походъ на Саковъ, а цари сакскіе, Сакесфаръ, Омаргъ и Θамиръ, удалились для совѣщанія по этому дѣлу въ пустынное мѣсто, является вдругъ къ нимъ табунщикъ (ἱππεφορβός), Сиракъ по-имени, и берется

уничтожить все войско персское, если цари обѣщаютъ ему клятвенно что дѣтей и потомство его наградятъ конями и деньгами. Цари поклялись. Тогда онъ, обрѣзавши себѣ ножемъ ноздри и уши, и изранивъ все тѣло, явился къ Дарію въ видѣ перебѣжчика, сказывая что такъ изуродовали его сакскіе цари. Дарій былъ тронутъ и повѣрилъ, а Сиракъ, призывая въ свидѣтели вѣчный огонь и воду святую, сталъ клясться что отомститъ обидчикамъ своимъ руками Персовъ, такимъ способомъ: «слѣдующею ночью Саки — говоритъ онъ — рѣшились передвинуться лагеремъ въ другое мѣсто: если мы инымъ, кратчайшимъ, путемъ успѣемъ пробраться туда прежде, то заберемъ ихъ тамъ всѣхъ какъ въ сѣть. Я, будучи табунщикомъ, знаю хорошо всѣ здѣшнія мѣста, и могу показать такую дорогу; только надо взять съ собою про запасъ, и съѣстнаго, и питейнаго на семь дней». И пошелъ онъ вожакомъ, а за нимъ Персы, и черезъ семь дней, когда они всѣ запасы свои потребили, завелъ ихъ въ такую безплодную сушь гдѣ нельзя было достать ни пищи, ни воды. «Съ какою цѣлію — сказалъ ему тогда тысячникъ Ранобатъ — задумалъ ты обмануть такого великаго царя и такое множество Персовъ, заведя ихъ въ безводный пустырь гдѣ ни птицъ не видать, ни звѣря, откуда ни дальше нѣтъ хода, ни назадъ возврата?» «Побѣда» — отвѣчалъ Сирякъ съ хохотомъ и рукоплеща себѣ — побѣда за мною. Я задумалъ отвратить бѣду отъ соотечественниковъ моихъ, Саковъ, и вотъ мнѣ удалось извести васъ Персовъ жаждою и голодомъ». Голова

Сирака слетѣла тутъ же по приказанію Раносбата, а Дарій, взойдя на высокій холмъ, обернулъ скипетръ свой въ царское облаченіе свое и тіару, обвязалъ его царскою своею діадимою, и, вонзивъ въ землю, взмолился Аполлону, чтобы онъ, если не хочетъ погубить Персовъ, сейчасъ же послалъ-бы имъ воду съ небесъ. Внялъ Богъ этой мольбѣ, дождь пролился въ обиліи, и Персы, набравши воды въ кожухи и сосуды, успѣли дотащиться до рѣки Бактра, восхваляя Бога за спасеніе свое. —

Сколько исторической дѣйствительности заключается въ обѣихъ этихъ «стратагемахъ» Поліэна, и насколько эта дѣйствительность относится къ Дарію и Сакамъ — сказать трудно. Но въ обоихъ разсказахъ есть нѣкоторыя черты свидѣтельствующія что разсказы не выдуманы, а взяты изъ какого-либо древнѣйшаго, погибшаго для насъ, источника, и что разсказываемое дѣйствительно можетъ относиться къ «настоящимъ» Сакамъ. Анекдотъ съ табунщикомъ Сиракомъ, конечно, можно счесть за повтореніе Зопирова подвига при осадѣ Вавилона, о которомъ разсказывается у Геродота (III, 122 и слѣд.); но Поліэнъ самъ, въ-заключеніе, обращаетъ вниманіе на это обстоятельство, и замѣчаетъ что не Сиракъ былъ подражателемъ Зопира, а Зопиръ повторилъ, впослѣдствіи, то что прежде его придумалъ сдѣлать Сиракъ.

У Поліэна же (кн. VIII, гл. 26) находимъ и древнѣйшій, подложный, конечно, документъ въ которомъ упоминается имя Саковъ — знаменитую надпись начер-

танную будто-бы Семирамидою, въ память о ней потомству. Въ надписи этой Семирамида говоритъ о себѣ: «Природа создала меня женщиною, а я сравняла себя подвигами съ храбрѣйшими изъ мужей. Царствомъ Нина правила я отъ рѣки Гинамам'а (Гиндменд'а) на востокѣ, до странъ производящихъ ладонъ и мирру на югѣ, до *Саковъ* (Σάκκας) и Согдовъ на сѣверѣ. До меня никто изъ Ассиріянъ не видывалъ моря: я видѣла ихъ четыре, столь далекихъ что никто не доходилъ туда. Я заставляла рѣки течь по волѣ моей; волею-же моей я устремляла ихъ туда гдѣ-бы приносили онѣ пользу: безводныя дотолѣ мѣста оросила я ими и сдѣлала плодородными. Неодолимыя крѣпости воздвигла я, и силою желѣза камень непокорный преодолѣвала: колесницами моими проѣхала по путямъ гдѣ и звѣри не пролагали слѣда. И, несмотря на столько дѣлъ, умѣла я находить досугъ и для любви, и для друзей».

Гораздо болѣе, чѣмъ у Геродота и въ клинчатыхъ надписяхъ, находимъ мы извѣстій о Сакахъ у Ктесія, несмотря на то что историкъ этотъ дошелъ до насъ лишь въ отрывкахъ и извлеченіяхъ у другихъ, позднѣйшихъ, писателей.

У Ктесія Саки являются на историческую сцену ранѣе Кира, еще при мидійскихъ царяхъ. Въ царствованіе царя мидійскаго Астибара — читаемъ у него — Пароянe, дотолѣ покорные Мидійцамъ, отложились отъ нихъ и перешли добровольно подъ власть

Саковъ, вслѣдствіе чего между Саками и Мидянами возгорѣлась долголѣтняя и кровопролитная война, окончившаяся затѣмъ миромъ. «Надъ Саками въ это время — продолжаемъ разсказъ собственными словами Ктесія (по Діодору) — царствовала Зарина, женщина воинственная, и далеко превосходившая смѣлостію и дѣловыми способностями всѣхъ прочихъ сакскихъ женщинъ. Въ народѣ этомъ вообще женщины отважны и помогаютъ мужьямъ своимъ въ военныхъ опасностяхъ; Зарина-же, всѣхъ красотою превосходя, дивила какъ предпріимчивостію, такъ и удачею въ своихъ дѣйствіяхъ. Варваровъ сосѣднихъ, которые, возгордясь, хотѣли подчинить себѣ Саковъ, покорила она силою оружія, значительную часть страны привела въ воздѣланный видъ, не мало городовъ выстроила, и вообще своему народу создала счастливую жизнь. Поэтому, подданные, по кончинѣ Зарины, въ знакъ признательности за благодѣянія ея и въ память ея добродѣтелей, соорудили ей гробницу далеко превосходившую прочія, именно — остроконечную трехстороннюю пирамиду въ 9 стадій объемомъ и высотою въ 3 стадіи, на вершинѣ которой поставили колосальную золотую статую покойной, и воздали ей почести несравненно большія чѣмъ всѣмъ ея предкамъ». Далѣе читаемъ у Ктесія что Зарина, по смерти перваго мужа своего и брата, Кидрея, царя Саковъ, вышла замужъ за Мермера, князя пареянскаго (это, должно полагать и было причиною отложенія Пареянъ отъ Мидянъ, и соединенія ихъ подъ одну власть съ Саками). Когда-же пошелъ войною на

Мермера царь персидскій (читай — мидійскій), Зарина, принимая участіе въ битвѣ, была ранена и обратилась въ бѣгство. Бѣгущую настигъ ее мидянинъ Стріангей и совлекъ съ коня, но, тронутый мольбами ея, молодостію и красотою[1], отпустилъ ее. Черезъ нѣсколько времени послѣ того Стріангей этотъ попался въ руки мужу Зарины, и тотъ обрекъ его на смерть. Зарина стала просить пощады для плѣнника, а когда мужъ не обратилъ вниманія на ея просьбы, она, освободивъ нѣсколько другихъ плѣнниковъ, съ помощію ихъ убила самого Мермера, и вслѣдъ затѣмъ, уступивъ Парѳію обратно Персамъ (читай: Мидянамъ), заключила съ ними дружественный союзъ[2]. — Продолженіе этого романа Зарины съ Стріангеемъ, тоже по-видимому заимствованное изъ Ктесія, находимъ у позднѣйшаго греческаго писателя, I-го вѣка до Р. Х., Николая-Дамаскинца: «По убіеніи Мармара (sic), царя Саковъ, Стріангей, который и прежде уже любилъ втайнѣ Заринаю (sic), воспылялъ тутъ еще вящею къ ней страстью. Влюбилась въ него, съ своей стороны, и Зариная. Поэтому, когда Стріангей находился уже недалеко отъ города Роксанаки, столицы Сакскаго Царства, Зариная выѣхала къ нему на встрѣчу, приняла его съ величайшею радостію, обняла и поцѣловала его при всѣхъ,

---

[1] Эту вставку въ разсказъ Ктесія по Діодору сдѣлали мы изъ того же разсказа по Димитрію Ѳаларейскому. См. Ктесія въ изданіи К. Мюллера (при Геродотѣ по изд. Диндорфа, Parisiis, 1844) стр. 44.

[2] См. отрывки изъ Ктесія собранные К. Мюллеромъ при указанномъ изданіи Геродота, стрн. 42-43.

пересѣла изъ своей къ нему въ колесницу. Такъ въ пріятныхъ разговорахъ и пріѣхали они во дворецъ. Роскошнѣйшій пріемъ сдѣлала Зариная и дружинѣ Стріангея. Въ отведенные ему покои Стріангей отправился опьяненный любовію къ Заринаѣ; страдая отъ невозможности удовлетворить своей страсти, онъ открылся въ ней довѣреннѣйшему изъ находившихся при немъ евнуховъ. Тотъ, утѣшая, посовѣтовалъ Стріангею, откинувъ застѣнчивость, признаться въ любви самой Заринаѣ. Слѣдуя этому совѣту, Стріангей отправился къ Заринаѣ немедленно. Та приняла его ласково, и, ободренный этимъ пріемомъ, Стріангей, послѣ долгой нерѣшимости и немалыхъ воздыханій, измѣнившись въ лицѣ, открывается наконецъ царицѣ что онъ чуть живъ отъ любви и страсти къ ней. На это объясненіе Зариная отвѣтила ему кротко и любовно что войти съ нимъ въ связь было-бы для нея дѣломъ предосудительнымъ и позорнымъ; для него-же было-бы это еще хуже и опаснѣе, такъ-какъ онъ женатъ на Рэтѣ, дочери царя Астибара, женщинѣ, какъ слышала она, красивѣе не только ея, Заринаи, но и многихъ извѣстныхъ красавицъ; что слѣдуетъ быть крѣпку духомъ не только въ бою противу врага, но и противу подобныхъ вожделѣній, и, ради минутнаго наслажденія, какое, если хочетъ, можетъ найти въ объятіяхъ продажныхъ женщинъ, не навлекать на себя долгихъ бѣдъ, неминуемыхъ если дойдетъ что-либо до слуха Рэты. Затѣмъ стала умолять Стріангея чтобы онъ, забывъ о своей страсти, просилъ ее о чемъ хочетъ другомъ,

съ тѣмъ что ни въ чемъ отказа не получитъ. Долго молчалъ послѣ этого Стріангей, потомъ, простившись съ царицею, вышелъ. Страданія его усилились еще болѣе прежняго, онъ не могъ удержаться отъ стоновъ и воплей даже въ присутствіи евнуха, наконецъ написалъ письмо къ Заринаѣ, и уговорилъ евнуха чтобы тотъ доставилъ къ ней это письмо тотчасъ послѣ того какъ онъ, Стріангей, убьетъ себя, никому о томъ прежде не объявляя. Въ письмѣ значилось: «Отъ Стріангея Заринаѣ. Я сохранилъ жизнь твою, и тѣмъ далъ тебѣ возможность наслаждаться настоящимъ твоимъ положеніемъ, а ты — убиваешь меня забывая чѣмъ одолжена мнѣ. Если то какъ поступаешь ты со мною — дѣло хорошее, доживай жизнь свою въ радости и счастіи; если-же поступокъ твой небезупреченъ — да испытаешь ты тоже что я испытываю по твоей милости». Положивъ это письмо подъ изголовье, Стріангей рѣшился умертвить себя и потребовалъ мечь. Но евнухъ[1] . . . . . » Тутъ, къ-сожалѣнію, въ рукописи утраченъ листокъ, и мы остаемся въ неизвѣстности какой эффетъ произвело на Зарину письмо Стріангея, и убилъ онъ себя или смилостивилась царица.

У Ктесія же повѣствуется еще о Сакахъ что воевалъ съ ними и Киръ послѣ того какъ поддались ему Бактрійцы, причемъ взялъ въ плѣнъ царя Саковъ, Аморга; жена Аморгова, Спаретра по-имени, чтобы

[1] Fragmenta historicorum Graecorum, collecta a C. Müllero, vol. III (Parisiis, 1846), p. 364-365.

[illegible] чука, собрала противу Кира войско изъ [illegible]00 мужчинъ и 200,000 женщинъ, съ которымъ [illegible]сла пораженіе Киру, захвативъ при этомъ въ [illegible] кромѣ многихъ другихъ, Пармиса, брата Ами[illegible]ны Кировой, дочери Астіаговой) и трехъ его [illegible] освобожденіемъ ихъ и пріобрѣтена была сво[illegible] Аморга. Затѣмъ, съ помощію Аморга, Киръ от[illegible] воевать Креза Лидійскаго, и, наконецъ, [illegible] Аморгъ спѣшитъ, съ 20,000 всадниковъ, на [illegible] Киру когда тотъ былъ раненъ въ битвѣ съ [illegible] (которымъ помогали Индѣйцы), и содѣй[illegible] къ пораженію и покоренію ихъ[1].

Некоторыя подробности о Сакахъ встрѣчаются и у [illegible]. Саки упоминаются у него какъ сосѣди [illegible], много терпѣвшіе отъ насилія Ассиріянъ [illegible] подчинить ихъ своей власти (Кироп. V, 2); [illegible] и пристаютъ къ Киру, въ войнѣ его противъ [illegible], вмѣстѣ съ Гирканцами и Кадусіями, вы[illegible] 10,000 пѣшихъ и 2000 конныхъ стрѣлковъ (ibid. V, 3); затѣмъ участвуютъ въ торжественномъ выходѣ Кира въ Вавилонѣ (ibid. VIII, 3). На конской-же скачкѣ устроенной послѣ этого торжества обскакиваетъ всѣхъ молодой сакіецъ, благодаря необыкновенному превосходству своей лошади, и сакіецъ этотъ, дари лошадь свою Фераулѣ, вельможѣ Кирову, вступаетъ съ нимъ въ дружбу (ibid.). Упоминается еще у

[1] См. Отрывки изъ Ктесія въ указанномъ Мюллеровомъ изданіи, стр. 46-47.

Ксенофонта Сака (Σακας) виночерпій Астіага, съ которымъ, въ дѣтствѣ своемъ, ссорился Киръ (ibid. I, 3-4).

Эфоръ, говоря о кочевыхъ народахъ около Меотиды, и восхваляя кротость ихъ нравовъ, замѣчаетъ что «нѣкоторые изъ этихъ кочевниковъ переселились въ Азію, и зовутся тамъ *Сака*'ми»[1].

Изъ греческихъ писателей позднѣйшихъ Александрова времени узнаёмъ о Сакахъ наиболѣе отъ Страбона; но, слѣдуя въ извлеченіяхъ нашихъ хронологической послѣдовательности писателей, отмѣтимъ предварительно что по Мегасѳену Индія отграничивается съ сѣвера отъ Скиѳіи, «обитаемой тѣми изъ Скиѳовъ которые зовутся *Саками*», горами Эмодскими (Ἡμῶδόν ὄρος); и что такимъ же образомъ и Эратосѳенъ заставляетъ граничить Индію къ сѣверу съ *Саками*, Согдійцами и частію Бактрійцами; границею-же между *Саками* и Согдійцами ставитъ Яксартъ[2]. Отъ Діодора-Сицилійскаго, узнаёмъ о Сакахъ не болѣе того, что они, какъ и Массагеты, принадлежали къ великому Скиѳскому Народу, и имена свои получили отъ знаменитыхъ царей надъ ними властвовавшихъ, причемъ колыбелью Скиѳскаго Народа, откуда распространился

---

[1] Это сказаніе Эѳора сохранено для насъ въ «Періегесис'ѣ» приписываемомъ Скимну Хійскому. См. Geographi Graeci Minores ex recensione C. Mülleri (Parisiis, 1855), vol. I, p. 232.

[2] Мегасѳеново показаніе извѣстно изъ Діодора-Сицилійскаго (кн. II, гл. 35), Эратосѳеново — изъ Страбона (кн. XI, гл. 8, § 8).

[illegible]дѣ, считаетъ Діо-
[illegible] кн. II, гл. XLIII).
[illegible]ствовавшіе ему древ-
[illegible] Скиѳами и Кельтоски-
[illegible]ды; тѣ-же писатели
[illegible]личать эти народы, на-
[illegible] за Каспійскимъ-Моремъ
[illegible]каго-Моря) частію *Са-*
[illegible] сообщая объ нихъ, впро-
[illegible] XI, гл. 7, § 2). Повторяя
[illegible] своихъ, мало точнаго,
[illegible] объ этихъ народахъ и самъ
[illegible] Скиѳовъ за Каспіемъ име-
[illegible] — Даями (Δαάι); тѣ которые
[illegible]—Массагетами и *Саками.*
[illegible] общимъ именемъ Скиѳовъ,
[illegible] народовъ имѣетъ свое собствен-
[illegible] ихъ ведетъ кочевую жизнь.
[illegible] сдѣлались изъ нихъ тѣ которые
[illegible]трiану, то-есть Асіи, Пасіаны,
[illegible] выселившіеся изъ странъ за-
[illegible] съ *сакскими* и согдійскими,
[illegible] владѣли *Саки*» (кн. XI, гл. 8,
[illegible] къ Сакамъ въ-особенности,

[illegible] намъ указать на неправильное тол-
[illegible] Страбона — знаменитымъ Лассеномъ.
[illegible] ἀπὸ τῆς περαίας τοῦ Ἰαξάρτου, τῆς κατα
[illegible] κατεῖχον Σάκαι понимаетъ Лассенъ (Zur
[illegible] 244-245) такимъ образомъ будто Саки вла-

Страбонъ сказываетъ что «*Саки*, подобно Киммерійцамъ и Трерамъ, производили вторженія, какъ въ дальнія, такъ и въ сосѣднія страны, ибо и Бактріану заняли, и лучшею частію Арменіи, которая, по имени ихъ, и прозвалась *Сакасеною*, овладѣли, и доходили даже до Каппадоковъ при Понтѣ-Эвксинскомъ живущихъ. Этихъ-послѣднихъ Саковъ, въ то время какъ пировали они послѣ раздѣла добычи, истребили въ-конецъ персидскіе военачальники, находившіеся тогда около тѣхъ мѣстъ, напавъ на Саковъ въ ночную пору. Затѣмъ навалили Персы огромную кучу каменьевъ, въ видѣ круглаго холма, обвели его стѣною, построили тамъ храмъ богинѣ Анаитѣ и богамъ-покровителямъ Персовъ, Оману и Анадату, и установили сходиться туда ежегодно на празднество подъ именемъ «сакейщины» (Σάκαια). Празднуется оно и до сихъ поръ жителями Зелы, какъ именуется это мѣсто» (ibid. § 4). «Такъ по сказаніямъ однихъ — продолжаетъ затѣмъ Страбонъ — другіе-же повѣствуютъ что Киръ, когда пошелъ войною на Саковъ, былъ разбитъ ими, обратилъ тылъ и бѣжалъ до того мѣста гдѣ оставался его обозъ обильно снабженный всякими припасами и въ-особенности виномъ. Когда войско его отдохнуло здѣсь немного, подъ вечеръ отправился онъ далѣе, притворяясь что продолжаетъ утекать отъ непріятеля налегкѣ, оставивъ ему лагерь полный всякаго добра; въ-дѣйствительно-

---

дѣли не тою страною изъ которой выселились Асіи, Пасіаны и т. д., а владѣли Согдіаною, относя ἣν не къ περαίας, а къ Σογδιανοὺς. Этого никоимъ образомъ нельзя допустить.

выручить мужа, собрала противу Кира войско изъ 300,000 мужчинъ и 200,000 женщинъ, съ которымъ и нанесла пораженіе Киру, захвативъ при этомъ въ плѣнъ, кромѣ многихъ другихъ, Пармиса, брата Амиты (жены Кировой, дочери Астіаговой) и трехъ его сыновей: освобожденіемъ ихъ и пріобрѣтена была свобода Аморга. Затѣмъ, съ помощію Аморга, Киръ отправляетя воевать Креза Лидійскаго, и, наконецъ, тотъ же Аморгъ спѣшитъ, съ 20,000 всадниковъ, на помощь Киру когда тотъ былъ раненъ въ битвѣ съ Дербиками (которымъ помогали Индѣйцы), и содѣйствуетъ ему къ пораженію и покоренію ихъ[1].

Нѣкоторыя подробности о Сакахъ встрѣчаются и у Ксенофонта. Саки упоминаются у него какъ сосѣди Гирканцевъ, много терпѣвшіе отъ насилія Ассиріянъ старавшихся подчинить ихъ своей власти (Кироп. V, 2); почему и пристаютъ къ Киру, въ войнѣ его противъ Ассирійцевъ, вмѣстѣ съ Гирканцами и Кадусіями, выставивъ 10,000 пѣшихъ и 2000 конныхъ стрѣлковъ (ibid. V, 3); затѣмъ участвуютъ въ торжественномъ выходѣ Кира въ Вавилонѣ (ibid. VIII, 3). На конской-же скачкѣ устроенной послѣ этого торжества обскакиваетъ всѣхъ молодой сакіецъ, благодаря необыкновенному превосходству своей лошади, и сакіецъ этотъ, даря лошадь свою Фераулѣ, вельможѣ Кирову, вступаетъ съ нимъ въ дружбу (ibid.). Упоминается еще у

---

[1] См. Отрывки изъ Ктесія въ указанномъ Мюллеровомъ изданіи, стр. 46-47.

Ксенофонта Сака (Σακας) виночерпій Астіага, съ которымъ, въ дѣтствѣ своемъ, ссорился Киръ (ibid. I, 3-4).

Эфоръ, говоря о кочевыхъ народахъ около Меотиды, и восхваляя кротость ихъ нравовъ, замѣчаетъ что «нѣкоторые изъ этихъ кочевниковъ переселились въ Азію, и зовутся тамъ *Сака*'ми»[1].

Изъ греческихъ писателей позднѣйшихъ Александрова времени узнаёмъ о Сакахъ наиболѣе отъ Страбона; но, слѣдуя въ извлеченіяхъ нашихъ хронологической послѣдовательности писателей, отмѣтимъ предварительно что по Мегасѳену Индія отграничивается съ сѣвера отъ Скиѳіи, «обитаемой тѣми изъ Скиѳовъ которые зовутся *Саками*», горами Эмодскими (Ἡμῶδόν ὄρος); и что такимъ же образомъ и Эратосѳенъ заставляетъ граничить Индію къ сѣверу съ *Саками*, Согдійцами и частію Бактрійцами; границею-же между *Саками* и Согдійцами ставитъ Яксартъ[2]. Отъ Діодора-Сицилійскаго, узнаёмъ о Сакахъ не болѣе того, что они, какъ и Массагеты, принадлежали къ великому Скиѳскому Народу, и имена свои получили отъ знаменитыхъ царей надъ ними властвовавшихъ, причемъ колыбелью Скиѳскаго Народа, откуда распространился

---

[1] Это сказаніе Эѳора сохранено для насъ въ «Періегесис'ѣ» приписываемомъ Скимну Хійскому. См. Geographi Graeci Minores ex recensione C. Mülleri (Parisiis, 1855), vol. I, p. 232.

[2] Мегасѳеново показаніе извѣстно изъ Діодора-Сицилійскаго (кн. II, гл. 35), Эратосѳеново — изъ Страбона (кн. XI, гл. 8, § 8).

сти-же отойдя отъ лагеря насколько считалъ нужнымъ, остановился. Саки, когда устремились по слѣдамъ бѣжавшихъ Персовъ, и наткнулись на этотъ лагерь, безлюдный но обильный съѣдобнымъ и питейнымъ, бросились съ жадностію на то и другое, такъ-что Киръ, вернувшись изъ притворнаго бѣгства своего, нашелъ ихъ пьяными и безумствующими, вслѣдствіе чего одни изъ Саковъ побиты были Персами находясь отъ обжорства въ глубокомъ снѣ, другіе пали подъ ударами ихъ, предаваясь, нагіе, пляскѣ и вакхическимъ неистовствамъ, и почти всѣ цѣликомъ были истреблены. Приписывая побѣду надъ Саками заступничеству небесъ, Киръ посвятилъ этотъ день отечественной богинѣ своей, и празднованіе его назвалъ «Сакейщиной»: гдѣ-бы ни находился храмъ этой богинѣ, вездѣ положено праздновать тамъ «Сакейщину» вакханаліями, день и ночь, по обычаю Скиѳовъ, проводя въ общемъ между мужчинами и женщинами пьянствѣ и всякомъ веселіи» (ibid. § 5). За этимъ Страбонъ объясняетъ что Аттасіи и Хоразмійцы, у которыхъ искалъ убѣжища Спитаменъ, гонимый Александромъ-Великимъ, суть тоже изъ народовъ массагетскихъ и сакскихъ[1]; и, въ заключеніе извѣстій своихъ о Сакахъ, дѣлаетъ выписку изъ Эратосѳена касательно мѣстъ ихъ житель-

[1] У Пинкертона (Recherches sur l'origine des Scythes ou Goths, Paris, 1804, p. 59) читаемъ будто Страбонъ (XI, 511) говоритъ что «Бактрійцы были изъ Саковъ». Ни въ указанномъ Пинкертономъ, и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, Страбонъ этого не говоритъ.

ства (ibid. § 8), выше уже нами приведенную. О Сакасенѣ-же находимъ у него, сверхъ того, въ описаніи Арменіи, что область эта, «одна изъ плодороднѣйшихъ въ странѣ, смежна съ Албаніею и рѣкою Куромъ» (кн. XI, гл. 14, § 4).

Въ разъясненіе нѣкоторыхъ изъ изложенныхъ у Страбона извѣстій, слѣдуетъ замѣтить: 1) что вторженіе въ Арменію приписываемое имъ Сакамъ тождественно по-видимому со вторженіемъ Скиѳовъ въ Мидію о которомъ разсказывается у Геродота. Скиѳы, по Геродоту (I, 103-106), проникли въ Мидію преслѣдуя Киммеріянъ, уходившихъ отъ нихъ въ Малую-Азію. Изъ Мидіи, разбивъ Мидянъ, Скиѳы направились-было въ Египетъ; но въ Сиріи встрѣтилъ ихъ Псамметихъ, царь египетскій, и помощію даровъ убѣдилъ ихъ возвратиться вспять (т. е. въ Мидію). Двадцать-восемь лѣтъ владычествовали Скиѳы надъ Азіею — говоритъ Геродотъ — разоряя ее тяжелыми налогами и грабежами. Мидяне истребили ихъ, зазвавъ на пиръ и опоивъ. Какъ вторженіе, такъ и истребленіе Скиѳовъ, имѣло мѣсто въ правленіе царя мидійскаго Кіаксара, отца Астіагова. 2) Стратагема посредствомъ которой Киръ, по Страбону, истребилъ войско Саковъ — т. е. оставленіе имъ лагеря съ виномъ и съѣстными припасами, чтобы они могли опиться и обожраться — была, по Геродоту, употреблена Киромъ въ походѣ противу Массагетовъ (I, 211). 3) О «Сакейщинѣ» у Геродота нѣтъ ни слова, ни въ разсказѣ объ истребленіи Скиѳовъ Кіаксаромъ, ни по какому-либо другому случаю. Изъ

позднѣйшихъ греческихъ писателей, находимъ извѣстія объ этомъ предметѣ у слѣдующихъ. У Аѳинея (кн. XIV, гл. 10) читаемъ о Σακέα что «праздникъ этотъ, по Берозу, праздновался въ Вавилонѣ; начинался въ 16-й день мѣсяца лоя и продолжался пять дней: въ-теченіе этого времени господа повиновались слугамъ, одинъ изъ коихъ одѣвался по-царски и хозяйничалъ въ домѣ, называясь *зоган*'омъ (ζωγάν)». Объ этомъ же праздникѣ упоминается, по Аѳинею, и у Ктесія, во второй книгѣ его «Персидчины» (περσικῶν). О «празднествѣ Саковъ» (τῶν Σακκῶν ἑορτὴ), которое «имѣетъ также мѣсто и у Персовъ», заставляетъ бесѣдовать Діогена съ Александромъ-Великимъ и Діонъ-Хрисостомъ въ рѣчи своей «О царскомъ достоинствѣ», причемъ, на вопросъ Александра: что̀ это за празднество? Діогенъ объясняетъ: «взявши кого-либо изъ узниковъ осужденныхъ на смерть, сажаютъ его на царскій престолъ, облекаютъ его въ царскую одежду, позволяютъ ему роскошествовать всячески, позволяютъ пользоваться царскими наложницами, не мѣшаютъ, словомъ, дѣлать все что̀ ему вздумается; послѣ-же этого раздѣваютъ, и, отбичевавъ, вѣшаютъ»[1]. Въ Гезихіевомъ «Словарѣ» Σακαία объясняется «скиѳскій праздникъ», на томъ по-видимому единственномъ основаніи (какъ справедливо замѣчаетъ издатель Гезихія, Альберти) что непосредственно передъ тѣмъ *Саки* (Σακαιοί) истолкованы у Гезихія

---

[1] Dionis Chrysostomi Orationes, ex recensione Jo. Jac. Reiske (Lipsiae, 1784), vol. I, p. 161-162.

Скиѳами[1]. У комментатора Гомерова, Евстаѳія, находимъ о Сакейщинѣ повтореніе сказаннаго Аѳинеемъ, съ тѣмъ лишь добавленіемъ что такой же праздникъ у Ѳессалійцевъ звался *пелоріасъ*[2]. — Что-же касается до толковъ о «Сакейщинѣ» въ новыя уже времена, то этимъ занимались и Vossius (De idolatria, II, 22, 416-418), и Сельденъ (De diis Syr. II, 13), и Бохартъ (Geographia Sacra, 113-114), и Казаубонъ (въ примѣчаніяхъ къ Аѳинею), и многіе другіе. Бохартъ производилъ названіе «сакейя» отъ новоперсидскаго *шахъ*, объясняя что это былъ «царскій праздникъ»; Бернаръ, въ комментаріяхъ своихъ на Гезихія, объяснялъ Ζαγανης у Аѳинея еврейскимъ סגן (vicarius regis veri)[3]; Хаммеръ полагалъ что Аѳиней смѣшалъ «Сакейщину», о которой говоритъ Страбонъ, съ персидскими сатурналіями извѣстными подъ именемъ *хурремъ-руз*'а[4]; Тодъ спрашиваетъ, не имѣла-ли «Сакейщина» чего общаго съ тѣмъ что̀ извѣстно у Раджпутовъ подъ именемъ *сака*, т. е. торжественное обрѣченіе себя и семействъ своихъ на гибель, въ извѣстномъ отчаянномъ положеніи[5] и т. д.; но ни происхожденія, ни значенія, ни даже этнографической принадлежности этого празд-

---

[1] Hesychii Lexicon, ex recensione Joannes Alberti (Lugduni Batavorum, 1776), vol. II, p. 1139.

[2] Eustathii Commentarii ad Homeri Iliadem. Ad fidem exempli Romani editi. Tom. III (Lipsiae, 1829), p. 129.

[3] См. указанную страницу въ вышеозначенномъ изданіи Гезихія.

[4] Wiener Jahrbücher, t. IX, p. 18; t. X, p. 249.

[5] Annals and Antiquities of Rajasthan (London, 1829), I, 70.

нества, никто не объяснилъ. Въ послѣдніе годы, изъ клинописныхъ памятниковъ царей ассирійскихъ Сарыюкин'а и Асаргаддон'а сдѣлалось извѣстнымъ что у Вавилонянъ было дѣйствительно великое празднество, имѣвшее мѣсто въ мѣсяцѣ нисанѣ, которое въ памятникахъ тѣхъ зовется *Сакмуку*. Вѣроятно, это одно и тоже съ *Сакейя* греческихъ писателей. Такимъ образомъ, празднество это существовало уже задолго до Кира и Кіаксара, но имѣетъ-ли оно какое отношеніе къ Сакамъ, остается по-прежнему загадочнымъ.

Изъ греческихъ писателей послѣ Р. Х., встрѣчаются извѣстія о Сакахъ у Арріана, Діонисія-Періегета, Птоломея, Климента Александрійскаго и Эліана.

Отъ Арріана узнаёмъ что *Саки*, «изъ Скиѳовъ въ Азіи обитающихъ», находились, въ качествѣ союзниковъ, подъ начальствомъ вождя своего Мавак'а, въ войскѣ собранномъ противъ Александра-Великаго царемъ персидскимъ Даріемъ: всѣ они были конные стрѣлки, и въ битвѣ при Гавгамелѣ находились на правомъ крылѣ, вмѣстѣ съ Пареянами (Анавасисъ, III, 8, 11). Позже, въ знаменитой рѣчи которую влагаетъ Арріанъ въ уста Александру, въ Описѣ на Тигрѣ, заставляетъ онъ Александра хвалиться побѣдами своими, между прочими народами, и надъ *Саками*, поставляя ихъ въ этомъ перечисленіи послѣ Бактрійцевъ (ibid. VII, 10); о побѣдѣже надъ Скиѳами нигдѣ въ этой рѣчи не упоминается, тогда-какъ о дѣлахъ Александра со Скиѳами Арріанъ

излагаетъ весьма подробно въ IV-й книгѣ «Анавасиса», а о побѣжденіи Александромъ Саковъ нѣтъ нигдѣ въ означенномъ сочиненіи ни слова. Это показываетъ что Саки и Скиѳы азіатскіе были для Арріана, какъ Саки и Массагеты для Геродота, имена тождественныя.

Діонисій-Періегетъ, переписывая, въ «Періегесисѣ» своемъ, Страбона, толкуетъ что за Согдіаною, «по теченію Яксарта обитаютъ *Саки*, стрѣлами бьющіеся, изо всѣхъ стрѣлковъ въ мірѣ самые искусные, наудачу стрѣлы не пускающіе». За Саками вслѣдъ упоминаются Тохары, Фруны (или Фруры) и Серы[1].

Въ «Географіи» Птоломея Сакамъ посвящена цѣлая 13-я глава VI-й книги. Страну Саковъ представлялъ онъ себѣ лежащею за Яксартомъ, къ востоку отъ его истоковъ и меридіаннаго Комедскаго хребта изъ котораго берутъ они начало подъ 125° долготы и 43° широты, заставляя хребетъ этотъ отдѣляться на сѣверъ изъ высочайшаго горнаго узла подъ 125° долготы и 38° 30′ широты, къ западу отъ котораго ведетъ онъ хребетъ Индѣйскаго-Кавказа, а къ востоку — Имайскій (широтный). Западными сосѣдами Саковъ показываетъ

---

[1] Geographi Graeci Minores ex recensione C. Mülleri (Parisiis, 1861), vol. II, p. 151. Замѣтимъ при этомъ что изъ двухъ латинскихъ прелагателей Діонисіева «Періегесиса», позднѣйшій, Присціанъ (жившій при императора Юстиніанѣ), сохранилъ означенное извѣстіе о Сакахъ (ст. 725), тогда-какъ болѣе ранній, Орестъ Авіенъ (жившій при императорахъ Валентиніанѣ и Валентѣ (а быть можетъ при Констанціѣ и Юліанѣ), замѣнилъ уже тутъ имя Саковъ именемъ Яксартовъ (ст. 929). См. въ указ. изданіи т. II, стрн. 185 и 196.

онъ разные согдійскіе народы, а южнѣе, къ самому хребту Кавказа — страну по-имени Вандабанда. Южною окраиною страны Саковъ называетъ отъ широтный Имайскій хребетъ отъ выхода его изъ помянутаго узла подъ 125° долготы и 38° 30′ широты, до поворота на сѣверъ подъ 145° д. и 35° ш. Съ южныхъ скатовъ этого Имайскаго-Хребта, неизлишне замѣтить, заставляетъ Птоломей стекать: западнѣе — р. Индъ съ притоками ея, восточнѣе — р. Гангъ съ ея притоками. Восточною гранью Земли-Саковъ полагаетъ онъ тотъ же Имайскій-Хребетъ, отъ поворота его на сѣверъ въ указанной точкѣ до 140° д. и 43° ш., гдѣ отдѣляются отъ этого хребта на С.-З. гòры Аскатанскія и находится «убѣжище для отправляющихся торговать (далѣе на востокъ) къ Серамъ»; а отъ этого пункта — сейчасъ названныя гòры Аскатанскія на всемъ протяженіи ихъ до 130° д. и 49° ш. Къ сѣверу Землю-Саковъ ограничиваетъ онъ Скиѳіею, проводя границу между обѣими странами вдоль 49-й паралели. — Далѣе о странѣ Саковъ находимъ у Птоломея что она занята кочевниками, не знающими городовъ и живущими въ пещерахъ: тѣ изъ нихъ — говоритъ онъ — которые живутъ по Яксарту зовутся *Карат*'ами и *Комар*'ами, тѣ что въ горномъ углу къ Ю.-З. — *Комед*'ами, тѣ что подлѣ Аскатанскихъ-Горъ — *Массагет*'ами; тѣ что между Комедами и Массагетами — Скиѳами-*Грина*'ями и *Тоорн*'ами, а тѣ что подъ сими-послѣдними, прилегая къ Имайскому-Хребту — *Бильт*'ами. Что касается до горной страны занимаемой Комедами, то

простирается она отъ подъема туда со-стороны Согдійцевъ, подъ 125°,д. и 43° ш., до «тѣснины-Комедской» (которою спускаются оттуда) подъ 130° д. и 39° ш.; а такъ-называемая «каменная башня» находится — заключаетъ Птоломей — подъ 135° д. и 43° ш. Кромѣ того, въ главѣ 14-й VI-й книги, о Скиѳіи по-сю-сторону Имая, упоминаетъ Птоломей о народѣ *Тектосакахъ* (Τεκτοσάκες), помѣщая его на дальнемъ сѣверѣ къ востоку отъ горъ Сюэб'скихъ, и къ западу отъ верхней части меридіаннаго Имайскаго-Хребта[1].

Пространства къ сѣверу отъ Гиндукуша и Гималаевъ, гдѣ помѣщаетъ Птоломей страну Саковъ, и теперь, во второй половинѣ XIX вѣка, послѣ всего того что сдѣлано для географіи Средней-Азіи Русскими и Англичанами, представляются еще крайне-малоизвѣстными. Какъ-же ожидать чтобы могъ имѣть о нихъ какія-либо точныя свѣдѣнія александрійскій географъ въ половинѣ II-го вѣка нашей эры? Градусныя опредѣленія его, извѣстно, нельзя принимать за что-либо иное, какъ за опытъ пріуроченія къ картографической сѣти хорографическихъ и этнографическихъ данныхъ его времени, которыя между-тѣмъ далеко не представляли той опредѣленности какая нужна была-бы для этого. По отсутствію этой опредѣленности, Птоломей не могъ распредѣлить означенныхъ данныхъ въ воображеніи своемъ сообразно съ тѣмъ какъ распредѣ-

[1] Птоломеевою Географіею пользовались мы въ неоконченномъ изданіи Вильберга и Гросгофа, Essendiae, 1834-1845, p. 421-424 и 426.

лялись онѣ въ-дѣйствительности, распредѣлилъ ихъ потому болѣе-или-менѣе произвольно и ошибочно, и такое фантастическое построеніе перенесъ на карту: въ результатѣ вышло что фальшиво-точныя данныя Птоломея о Средней-Азіи имѣютъ для науки не бо́льшую цѣну, какъ и безобразный ворохъ данныхъ о той же части Азіи какой встрѣчаемъ у Плинія-натуралиста. Такимъ-образомъ, если-бы намъ и удалось даже разъяснить встрѣчаемую у Птоломея путаницу, и разъяснить какъ-нельзя удовлетворительнѣе для насъ самихъ, разъясненіе это все-таки не было-бы чистымъ историческимъ золотомъ, достоинство котораго непререкаемо и признается всѣми одинаково, а лишь векселемъ, цѣнность котораго находится въ полной зависимости отъ степени кредита какимъ пользуется лице его выдавшее. На основаніяхъ, излагать которыя въ-подробности было-бы неумѣстно въ настоящемъ случаѣ, мы полагаемъ что Ванбабанда Птоломея соотвѣтствуетъ Фергайской-Долинѣ или нынѣшнему Ханству Коканскому, что Земля-Комедовъ есть Памирская-Высь, а юго-восточный уголъ занимаемый Бильтами совпадаетъ съ нынѣшнимъ Гильгитомъ и Бальтистаномъ, вслѣдствіе чего остальная часть Земли-Саковъ должна отвѣчать пространству занимаемому горными скатами Памирской-Выси къ востоку до перехода этихъ скатовъ въ равнину Восточнаго-Туркестана въ 76-78-мъ меридіанахъ отъ Гринвича. «Каменная-Башня» при этомъ будетъ какъ-разъ приходиться на мѣстѣ нынѣшняго Кашгара, съ которымъ мы ее и отождествляемъ. Но — повто-

ряемъ — такое наше толкованіе Птоломея ни для кого не обязательно, какъ необязательны и для насъ совершенно-иныя его толкованія другими изслѣдователями.

Климентъ-Александрійскій упоминаетъ, мимоходомъ, лишь о томъ что «Сакскія женщины, когда обращались притворно въ бѣгство, стрѣляли съ коней оборачивась назадъ, какъ дѣлали это и мужчины» (Strom. l. IV).

Отъ Эліана узнаёмъ о слѣдующемъ обычаѣ существовавшемъ у Саковъ: «Кто изъ нихъ хочетъ жениться на дѣвушкѣ, долженъ вступить съ нею въ борьбу; если верхъ въ борьбѣ останется за дѣвушкою, побѣжденный борецъ становится ея плѣнникомъ и поступаетъ въ полное ея распоряженіе; только поборовъ дѣвушку, можетъ юноша взять ее въ свою власть. Для борьбы такого рода Саки удаляются въ подземныя храмины» (Variae historiae, XII, 38). У того же писателя встрѣчаемъ замѣчаніе что у Саковъ свой особый языкъ, отличный по звукамъ отъ языка Скиѳовъ (De natura animalium, V, 51). И онъ же приписываетъ Сакамъ обычай, обыкновенно присвояемый Парѳянамъ — стрѣлять въ непріятеля на бѣгствѣ, оборачиваясь назадъ (тамъ же, IV, 21).

Жатва свѣдѣній о Сакахъ какую можно собрать у римскихъ писателей — ничтожна, такъ-какъ они только повторяютъ извѣстія греческихъ.

Плиній, въ своей «Естественной Исторіи», обозрѣвая страны и народы Азіи, и дойдя, въ обозрѣніи этомъ,

до Яксарта, говоритъ (кн. VI, гл. 19) что «за этою рѣкою живутъ Скиѳскіе народы, которыхъ Персы, по имени ближайшаго къ нимъ народа, называли вообще *Саками*... Народовъ этихъ безъ числа, и образъ жизни ихъ такой же какъ у Пареянъ. Знаменитѣйшіе изъ нихъ суть: *Саки*, Массагеты, Даи» (слѣдуютъ имена еще 18-ти народовъ). Затѣмъ, Саки упоминаются еще у Плинія по поводу того что страна ихъ производитъ камень *callais*[1] свѣтло-зеленаго цвѣта; страна-же эта, вмѣстѣ съ другими мѣсторожденіями означеннаго камня — землями Фикаровъ и Даевъ — помѣщается имъ post aversa Indiae, «позади Индіи» (тамъ же, кн. XXXVII, гл. 33).

Отъ Помпонія Мелы узнаёмъ не болѣе того, что *Саки*, вмѣстѣ со Скиѳами-людоѣдами, составляютъ населеніе Средней-Азіи, по-видимому, къ сѣверу отъ горы, или горнаго хребта, *Табисъ*, о которомъ имѣлъ онъ самое темное представленіе (кн III, гл. 7).

Наконецъ, Амміанъ Марцеллинъ, слово-въ-слово копируя Птоломея, сказываетъ что «съ Согдійцами смежны *Саки*, народъ свирѣпый (natio fera), населяющій мѣста сухія (squalentia), годныя лишь для пастьбы скота, и потому лишенныя городовъ, мѣста простирающіяся подъ горами Асканим'скими (Ascanimia) и Комедскими, мимо подошвы которыхъ, и селенія называе-

---

[1] Камень этотъ Риттеръ (Erdkunde, VII, 671) считаетъ за бирюзу. Нельзя-ли видѣть въ немъ скорѣе знаменитый *юй* Китайцевъ? О послѣднемъ см. у Абель-Ремюза въ его Histoire de la ville de Khotan (Paris, 1820), pp. 119-239.

маго Lithinon pyrgon, тянется обычный длинный путь которымъ ходятъ торговцы направляющіеся далѣе къ Серамъ» (кн. XXIII). Сверхъ того, въ низовьяхъ Яксарта упоминаетъ Марцеллинъ о городѣ *Сага* (Saga), котораго у Птоломея не находимъ (ibid.).

Отъ греческихъ и римскихъ сказаній о Сакахъ, обращаясь къ сказаніямъ о нихъ древняго Востока, находимъ что имя Саковъ было весьма извѣстно въ древней Индіи. По разнымъ случаямъ упоминается оно въ самыхъ раннихъ памятникахъ Санскритской Литературы, въ Рамаянѣ, Магабаратѣ, Законахъ Ману, и упоминается постоянно какъ собственное имя отдѣльнаго народа, на ряду съ именами другихъ такихъ же народовъ извѣстныхъ Арійцамъ Индіи, каковы Парасика, Явана, Паглава, Тухара, Хаса и т. д.[1]. Поэтому мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Лассена будто-бы *Сака* у древнихъ Индѣйцевъ было, какъ и у древнихъ Персовъ, именемъ собирательнымъ для обозначенія «туранскихъ народовъ вообще»[2]. Болѣе чѣмъ вѣроятнымъ находитъ Лассенъ и то что колѣна сакскія въ весьма раннія уже времена (за много вѣковъ до Р. Х.) проникали въ Пенджабъ, и осѣдали тамъ.

---

[1] Въ «Законахъ Ману» (*Манава-д'армашастра*), напримѣръ (кн. X, § 43), Сака поименованы послѣ Камбоджа и Явана, а вслѣдъ за ними названы Парада и Паглава.

[2] Indische Alterthumskunde, I, 1024 (второе изданіе).

Это мнѣніе его основывается преимущественно на существованіи въ Пенджабѣ, упоминаемаго еще Магабаратою, города *Сакала*[1], имя коего значитъ «обита-

---

[1] О *Сакалѣ* упоминается въ Магабаратѣ въ отдѣлѣ Карнапарва, стихи 2032 и 2049 (въ французск. переводѣ Фоша, т. X, стрн. 119 и 121). Въ Арріановомъ повѣствованіи о походахъ Александра-Великаго говорится о взятіи и разрушеніи имъ большаго города *Сангалы* послѣ того какъ переправился онъ черезъ Гидраотъ (кн. V, гл. 22), нынѣ Рави. У Птоломея городъ по-имени *Сагала* (иначе *Эвеидемія*) помѣщается на правомъ берегу Гидаспа, нынѣ Джеламъ (Геогр. кн. VII, гл. 1). Въ буддійскихъ легендахъ встрѣчаемъ *Сагалъ* какъ столицу царя по-имени Мелинда, славнаго въ Буддизмѣ спорами своими съ знаменитымъ Нагасеною. Вельможи сопровождавшіе Мелинду называются въ этихъ легендахъ *Іона* или *Іоника* (какъ звались въ Индіи Греки), а самъ Мелинда сказываетъ что родомъ онъ изъ *Аласанды* (по всей вѣроятности изъ Александріи что̀ построена была въ Кабулистанѣ, Александріи-опійской); о городѣ же Сагалѣ сказывается что находился онъ въ 12-ти іо̀джанахъ отъ Кашмира, и въ 200-хъ отъ Аласанды (A manual of Budhism, by R. Spence Hardy, London, 1853, pp. 384, 453 и 513). Въ буддійскихъ же легендахъ упоминается о *Сагалѣ* какъ мѣстопребываніи царя Кусы, куда прибыло семь другихъ царей чтобъ похитить жену его Прабавати (ibid. p. 263, прим.). Наконецъ, въ VII столѣтіи по Р. Х. посѣщены были знаменитымъ Сюань-Цзаномъ развалины города She-ki-lo, въ царствѣ Tse-kia, граничившемъ къ востоку съ рѣкою Пи-поше (Випаса, т. е. Бія), а къ западу съ рѣкою Син-ту (Индъ), въ разстояніи 14 или 15 ли къ юго-западу отъ столицы этого царства, которою былъ въ прежнее время этотъ самый She-ki-lo. Тамъ, по словамъ Сюань-Цзана, за много столѣтій до его времени, царствовалъ царь Mo-hi-lo-kiu-lo (Магаракула), господствовавшій надъ всѣми пятью Индіями, пораженный и взятый въ плѣнъ царемъ Mo-kie-to (Магады) по-имени Po-lo-o-tie-to (Баладитья), но потомъ овладѣвшій Кашмиромъ и разорившій царство Гандарское (Mémoires sur les contrées occidentales, I, 189-197). — Изъ изслѣдователей прошлаго вѣка, Реннель (Memoir of a map of Hindostan, p. 122) и Вильфордъ (Asiatic Researches, v. V, p. 382) искали Сангалу въ направленіи къ Мультану, т. е. на юго-западъ отъ Лагора. Изъ путешественниковъ настоящаго столѣтія, Борнсъ отождествлялъ Сангалу Арріана съ Лагоромъ (Travels into Bokhara, III, 182), Массонъ — съ Гарипою, въ 60 съ не-

лище Саковъ»[1]. Что, вмѣстѣ съ толпами другихъ выходцевъ изъ-за Гиндукуша, забирались въ Пенджабъ,

---

большимъ англ. миляхъ къ юго-западу отъ Лагора (Journal of Bengal Asiatic Society, vol. VI, p. 57). Что *Сагала* и *Сангала* Грековъ должны быть тождественны съ *Сакала* Индѣйцевъ доказано еще Бюрнуфомъ (Introduction à l'histoire du Bouddhisme Indien, I, 201 и 431). Лассенъ Сагалу Птоломея считаетъ городомъ отдѣльнымъ отъ Сангалы Арріана, а послѣдней отводитъ мѣсто около нынѣшняго Амритсара (Ind. Alterthumskunde, I, 652, прим. и II, 159). Вивьенъ Сенъ-Мартенъ, посвятивъ нѣсколько страницъ разслѣдованію предмета, пришелъ къ заключенію что Сакала санскритскихъ книгъ, Сангала Арріана, Сагала Птоломея и Ше-ки-ло Сюань-Цзана — одинъ и тотъ же городъ, находившійся къ востоку отъ Лагора тамъ гдѣ помѣщаетъ Лассенъ Арріанову Сагалу, т. е. невдалекѣ отъ Амритсара (въ Mémoires sur les contrées occidentales, II, 325-329, и въ Mémoires presentés par divers savants à l'Academie des Inscriptions et Belles-lettres, vol. V, 2-me partie, p. 261-263). Конингэмъ, также разобравъ дѣло, рѣшилъ что Сангала Арріанова и Ше-ки-ло Сюань-Цзана должны были находиться въ нынѣшнемъ урочищѣ *Сангавала-Тиба*, отстоящемъ на 16 англ. миль отъ городка *Асарур*'а, что̀ въ 45 миляхъ отъ Лагора (The ancient geography of India, London, 1871, I, 179-191). — Какъ на географическій слѣдъ имени Саковъ въ формѣ *Сакала*, можно указать, пожалуй, и на Западѣ: на рѣку *Сакалу* въ Польшѣ (Карамзина И. Г. Рос. т. VI, пр 496); на селеніе *Сакалею* въ Курляндіи, называемую Нѣмцами Sackenhausen (Штендера Lettisches Lexicon, II, 380); на область *Саккаля* въ Ливоніи, около нынѣшняго Феллина, который былъ главнымъ въ ней пунктомъ (Chronicon Livonicum Vetus изд. Груберомъ, Francofurti, 1740, pp. 48, 72, 120 и друг.); кромѣ того, въ историческихъ памятникахъ нашихъ упоминаются *Саканскій* лѣсъ, *Саканское* городище и селеніе *Саканы*, въ Муромской области (Карамзина И. Г. Рос. т. VI, пр. 308, т. VIII, 93, Эйнерлингова изданія), да городъ *Саковъ* на восточномъ берегу Днѣпра (ibid. т. II, пр. 318).

Изъ мѣстностей напоминающихъ имя Саковъ, упоминаются еще въ буддійскихъ легендахъ: городъ *Сакаспура*, въ 30 іоджанахъ отъ города *Савет'а*, или *Савати* (вѣроятно нынѣшняго *Севад*'а въ Кабулистанѣ), и городъ *Сакату*, мѣстопребываніе Сакьямуни-Будды въ-теченіе 16-ти лѣтъ (Гарди: A manual of Buddhism, pp. 221, 300-301, 356 и др.).

[1] Indische Alterthumskunde, I, 801-802 и 1024 (второе изданіе).

въ глубочайшей еще древности, и сакскія колѣна, подобно тому какъ, съ другой стороны, вторгались онѣ изъ-за Кавказа въ Арменію, находимъ и мы вполнѣ возможнымъ; но что на нашъ взглядъ представляется уже несомнѣннымъ, это исконное знакомство и, по-видимому, непосредственное когда-то сосѣдство съ Саками тѣхъ Арійцевъ которые выселились потомъ въ Индію. Такое убѣжденіе наше основывается на существованіи въ древнѣйшей, принявшей въ-послѣдствіи миѳическій видъ, космографіи Пуранъ страны *Сака-двипа*[1].

Отзывы о Сакахъ, встрѣчающіеся въ Рамаянѣ и Магабаратѣ, какъ о народѣ весьма-храбромъ и трудно-побѣдимомъ[2], Лассенъ также считаетъ за указаніе на воинственныя столкновенія съ ними Индѣйцевъ въ глубокой древности[3]. Мы полагаемъ что такое выгодное мнѣніе о Сакахъ могло возникнуть у Индѣйцевъ и позже, вслѣдствіе вторженія Саковъ въ Индію, какъ увидимъ ниже, во II-мъ вѣкѣ до Р. Х., почему означенные отзывы готовы принимать за вставки сдѣланныя въ помянутыхъ памятникахъ уже во времена гос-

---

[1] О *Сака-двипа* см. въ Вишну-пуранѣ, кн. II, гл. IV; въ Вильсоновомъ переводѣ этой пураны (The wishnu Purana, translated by H. H. Wilson, London, 1840) стр. 199-200. Ср. также подробности о Сака-двипѣ изъ другихъ пуранъ собранныя Вильфордомъ въ статьѣ его On the sacred isles in the West (Asiatic Researches, vol. XI, p. 54 и слѣд.).

[2] Магабарата, отдѣлъ Дрона-парва, стихъ 4340 (въ Фошевомъ французскомъ переводѣ, т. VIII, стр. 446); Рамаяна (въ переводѣ того же Фоша, Paris, 1846), т. I, стр. 56-57.

[3] Ind. Alterth. I, 1024 (втор. изд.).

подства Саковъ въ Индіи. Что касается до заключеній которыя изъ упоминовенія о Сакахъ въ древнихъ памятникахъ Санскритской Литературы можно вывести относительно географическаго положенія страны гдѣ жилъ этотъ народъ, то имя Саковъ является въ означенныхъ памятникахъ обыкновенно на-ряду съ народами жившими на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Мадьядесы. Классическимъ въ этомъ отношеніи мѣстомъ въ Магабаратѣ служитъ разсказъ Дурьоданы о дарахъ отъ разныхъ народовъ доставленныхъ царю Юдиштирѣ по случаю задуманнаго имъ великаго жертвоприношенія (асвамеда). Тутъ *Сака* поименованы на ряду съ *Тухара* и *Канка*[1]. Послѣднихъ Лассенъ, объясняя это мѣсто, считаетъ за обитателей Восточнаго-Тибета, за *Кян*'овъ, или *Цян*'овъ китайскихъ писателей[2]. Можетъ быть и такъ, а быть можетъ и то что подъ *Канка* слѣдуетъ разумѣть здѣсь обитателей страны которая въ Бундегешѣ зовется Kanha, а въ Шахъ-Намэ — *Канкъ* или *Гангъ*, страны несомнѣнно находившейся въ предѣлахъ Восточнаго-Туркестана[3]. Относительно-же *Ту-*

---

[1] Магабарата, отдѣлъ Саб'а-парва, стихъ 1847 (въ Фошевомъ французскомъ переводѣ, т. II, стр. 512).

[2] Ind. Alterth. I, 1023 (втор. изд.).

[3] Юсти (Beiträge zur alten Geographie Persiens, II, 21) полагаетъ, правда, будто Kanha парсійскихъ писаній и *Гангъ* въ Шахъ-намэ соотвѣтствуютъ нынѣшнему Ташкенту, но тѣ самыя цитаты которыя приводитъ онъ въ пользу этого предположенія доказываютъ, напротивъ, что мѣстность о которой идетъ рѣчь никоимъ образомъ не можетъ быть Ташкентомъ, а должна находиться за Памиромъ.

хара, древнія мѣста жительства этого народа, до выселенія его въ Бактріану, указываетъ Сюань-Цзанъ тоже въ Восточномъ-Туркестанѣ, именно на югъ отъ р. Тарима, на востокъ отъ впаденія въ послѣднюю Хотанъ-Дарьи, и на юго-западъ отъ озера Лобъ[1]. Предположимъ даже что Саки жили къ сѣверу или западу отъ Тухарцевъ: и въ такомъ случаѣ означенное, капитальное, мѣсто Магабараты указываетъ на Саковъ какъ на обитателей страны по восточнымъ скатамъ Памира или южнымъ Тяньшаня, т. е. на западную или сѣверную часть Восточнаго-Туркестана. Къ тому же результату пришелъ и Лассенъ изъ разсмотрѣнія даровъ принесенныхъ Юдиштирѣ тремя означенными народами, т. е. онъ нашелъ что нѣкоторые изъ этихъ даровъ состояли въ произведеніяхъ которыя, по извѣстіямъ Древнихъ, получались изъ Серики[2]. Для нашего предмета было-бы въ высшей степени важно подвергнуть изслѣдованію что̀ это за дары, если-бы представлялась возможность опредѣлить какіе изъ нихъ доставлены были Саками, и какіе остальными двумя народами; но какъ возможности этой не представляется, а безъ того, разсмотрѣніе даровъ можетъ повести лишь къ произвольнымъ толкованіямъ и ошибочнымъ догадкамъ, то мы и отказываемся отъ этого разсмотрѣнія[3].

---

[1] Hiouen-Thsang: Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du Chinois par Stanislas Julien (Paris, 1858), vol. II, p. 247.

[2] Ind. Alterth. I, 1019 (втор. изд.).

[3] Вотъ, въ переводѣ Фоша (Le Maha-Bharata, traduit complè-

Единственныя имѣющіяся о Сакахъ китайскія извѣстія относятся къ I-му вѣку по Р. Х., а говорятъ онѣ о событіяхъ имѣвшихъ мѣсто въ послѣдней половинѣ II-го вѣка до нашей эры: разумѣемъ извѣстія исторіографа Баньгу, автора «Исторіи Старшихъ Ханей», о

---

tement pour la première fois du sanscrit en francais par Hypolyte Fauche, Paris, vol. II (1864), pp. 512 et 513) весь разсказъ Магабараты о дарахъ принесенныхъ Саками, Тухарцами и Канка:

«J'ai vu attendre à sa porte — сказываетъ Дурьодана — les Çakas, les Toukharas et les Kankas, hommes velus aux front armé de cornes, et les mains pleines de tributs: tissus en laine, en poil de rankou, en fils de soie, en fibres de l'arbre patta, étoffes crêpées à milliers, vétements à la trame déliée, en coton, en toison de brebis, pelleteries douces au toucher, longues épées au tranchant acéré, sabres, lances de fer, hachettes, autres haches aiguës, modification du genre, liqueurs, parfums divers, pierres fines par milliers (стихи 1847-1350),

«Monstrueux éléphants venus des pays éloignés, chevaux estimés de l'Arbouda, en grand nombre de centaines, de l'or en quantité égale à une miriade de millions (1851).

Слѣдующее за симъ непосредственно перечисленіе другихъ даровъ относится, быть можетъ, уже не къ однимъ Сакамъ, Тухарцамъ и Канка, а равно и къ другимъ народамъ передъ ними помянутымъ:

«Tous ils attendent à sa porte le moment d'être admis, chargés de tributs variés, siéges de grand valeurs, voitures, couches faites d'ivoire, incrustées d'or et de pierres fines, cuirasses damasquinées, projectiles de toute sorte (1852-1853),

«Chars aux formes diverses, embellis d'or, couverts avec des peaux de tigres, attelés de chevaux bien dressés (1854),

«Couvertures d'éléphants admirablement peintes, joyaux différents pour l'espèce, flèches de fer et demi-flèches de fer, et javelots divers (1355).

«Après qu'ils eurent deposé l'hommage de ces immenses richesses, l'entrée au temple, ou était celebré le sacrifice du magnanime fils de Pandou, fut accordé à ces rois qui tenaient sous leur puissances *les contrées du levant* (1756)».

среднеазіатскомъ народѣ по-имени *Се* или *Сай*, который въ означенное время выселился бо̀льшею частію изъ обиталищь своихъ далеко на югъ. Что эти *Се* или *Сай* Китайцевъ соотвѣтствуютъ *Сакамъ* греческихъ и римскихъ писателей, признано всѣми ново-европейскими изслѣдователями разбиравшими вопросъ о народахъ разрушившихъ Грекобактрійское Царство[1]. Обстоятель-

[1] Усомнился въ этомъ тождествѣ только Вивьенъ Сенъ-Мартенъ (Sur les Huns blancs ou Ephthalites, p. 263), на томъ лишь основаніи qu'il est plus que hasardeux de vouloir trouver dans le nom d'un *petit tribu jusqu'alors ignoré, arrivant du fond de la Mongolie*, l'origine d'une antique apellation qui parait s'être appliquée, chez les peuples ariens des deux côtés de l'Indus, à la généralité des populations de l'Asie interieure». Возразимъ противу этого, во-первыхъ, что никто не говоритъ чтобы въ имени *Се* надо было искать происхожденіе (origine) имени *Сака*: рѣчь идетъ лишь о томъ что *Се* есть китайская транскрипція имени *Сака*; во-вторыхъ, *Се* вовсе не являются въ Китайскихъ извѣстіяхъ «небольшимъ колѣномъ»: Китайцы говорятъ о *Се* какъ о народѣ весьма сильномъ; въ-третьихъ, являются *Се* вовсе не изъ «глубины Монголіи», а изъ тѣхъ самыхъ мѣстъ «за Яксартомъ», гдѣ помѣщаютъ Саковъ греческія извѣстія; наконецъ, кому это были «неизвѣстны» (ignoré) *Се?* Кромѣ Китайцевъ, всѣ знали ихъ подъ именемъ Саковъ; что-же касается до Китайцевъ, то ихъ незнакомство съ народомъ *Се* до послѣдней четверти II-го вѣка передъ Р. Х. нисколько не свидѣтельствуетъ противу значительности этого народа, ибо у Китайцевъ до означенной поры не находимъ, равнымъ образомъ, никакихъ извѣстій ни объ Индѣйцахъ, ни о Бактрійцахъ, ни о Грекахъ властвовавшихъ въ Бактріи, не говоря уже о Персахъ. Развѣ изъ молчанія китайскихъ источниковъ обо всѣхъ этихъ народахъ слѣдуетъ заключать что были они de petits tribus jusqu'alors ignorés? — Вслѣдъ за Вивьенъ Сенъ-Мартеномъ, сталъ отвергать тождество Саковъ съ Се и Лассенъ, прежде принимавшій оное (Zur Geschichte u. s. w. S. 250). Изъ его основаній противу этого тождества (изложенныхъ въ Ind. Alterth. II, 362-363) понятно для насъ лишь одно — что «Саки

ства выселенія народа Се изъ древнихъ его обиталищь разсмотримъ мы ниже, теперь-же отмѣтимъ только то что означенныя обиталища занимали горное пространство около озера Иссыкуля и равнины по р. Или и верховьямъ р. Чуя. Сверхъ того, небольшія части Се сидѣли еще въ нынѣшней Алайской-Степи на Памирѣ и въ долинѣ рѣки Аратюмень, стекающей оттуда на востокъ къ Кашгару[1]. На чемъ основывается такое пріуроченіе Баньгуевыхъ извѣстій о жилищахъ Се, изложено будетъ, равнымъ образомъ, ниже; здѣсь-же, принимая въ соображеніе что, какъ по греческимъ, такъ и по индѣйскимъ свѣдѣніямъ о Сакахъ должны были они занимать жилищами своими часть восточныхъ скатовъ Памирской-Выси, предложимъ, въ видѣ вопроса: нельзя-ли за слѣдъ пребыванія ихъ въ югозападной части Восточнаго-Туркестана принимать то названіе города Яркяни подъ которымъ сдѣлался онъ извѣстенъ впервые Китайцамъ, т. е. *Со-гюй*?[2]

Наконецъ, въ числѣ восточныхъ источниковъ древ-

по Птоломею сидѣли къ западу отъ Белуръ-Тага, а это очень далеко отъ вершинъ р. Хуанъ-Хэ (Hoangho), гдѣ, по Китайцамъ, находились древнія обиталища Саковъ». Но никакіе Китайцы не говорятъ о *Се* чтобы они сидѣли нѣкогда около Хуанъ-Хэ; это говорятъ Китайцы не о *Се*, а объ *Юети*: страна-же которую, по китайскимъ извѣстіямъ, занимали *Се* соотвѣтствуетъ нынѣшней нашей Семирѣченской-Области, лежащей «за Яксартомъ» гдѣ, какъ Птоломей, такъ и всѣ греческіе географы ему предшествовавшіе, помѣщали страну Саковъ.

[1] См. «Собраніе свѣдѣній о народахъ обитавшихъ въ Средней-Азіи» Іакинѳа Бичурина (Спб. 1851), ч. III, стр. 62 и 64-65.

[2] См. въ томъ же сборникѣ, ч. III, стр. 62.

нѣйшихъ свѣдѣній о Сакахъ считаемъ возможнымъ воспользоваться и «Бундегешемъ», на томъ основаніи что хотя редакція этой книги относится къ мусульманскимъ уже временамъ, въ основѣ ея лежатъ тѣмъ-не-менѣе древне-персскія воззрѣнія. Въ «Бундегешѣ»-же упоминается о странѣ *Саоковастан*'ѣ, гдѣ жилъ Аграерата, братъ Франграсіана (Афрасіаба), странѣ помѣщаемой «къ сѣверу отъ дороги изъ Туркистана въ Чинъ»[1]. Трансоксіана для «Бундегеша» была уже Туркестаномъ, стало быть *Саоковастанъ* ея приходится какъ-разъ къ сѣверу отъ торговаго и военнаго пути съ береговъ Аму въ Китай, черезъ Памирскую-Высь; слѣдовательно подъ означеннымъ именемъ «Бундегешъ» не могъ разумѣть ничего инаго кромѣ «Земли-Саковъ», среднеазіатскаго Сакестана[2].

---

[1] Der Bundehesh, zum ersten Male herausgegeben, transcribirt, übersetzt und mit Glossar versehen von Ferdinand Justi (Leipzig, 1868), cap. XXX, ss. 39-40.

[2] Юсти, въ своихъ Beiträge zur alten Geographie Persiens, II, 20, полагаетъ что Саокавастанъ «Бундегеша» соотвѣтствуетъ Монголамъ *Сокбо* на Хухунорѣ и китайскому городу Sok-tscheu въ Тангутѣ. Но, во-первыхъ, Монголы поселились около Хухунора не ранѣе какъ въ XVII вѣкѣ по Р. Х.: этого, по-видимому, Юсти не зналъ; во-вторыхъ, въ имени китайскаго города, имъ цитируемаго, звука *к* не имѣется: городъ этотъ зовется *Су*-чжеу; въ-третьихъ, ни хухунорскіе, и никакіе Монголы сами себѣ *Сокбо* не именуютъ: именемъ этимъ всѣ вообще Монголы обозначаются лишь у Тибетцевъ; въ-четвертыхъ, Хухуноръ и Су-чжеу никакъ не приходятся на сѣверъ отъ дороги изъ Туркестана въ Китай, что-бы ни разумѣлось подъ Туркистаномъ въ «Бундегешѣ». Такимъ образомъ, Саокавастанъ не имѣетъ, географически, ничего общаго съ Хухуноромъ и Су-чжеу. Но весьма быть можетъ что въ

II.

Остановимся пока на приведенныхъ извѣстіяхъ, и посмотримъ что̀ изъ сопоставленія и разсмотрѣнія ихъ можно вывести для возстановленія темнаго образа Саковъ въ болѣе ясныхъ чертахъ.

Прежде всего является несомнѣннымъ что хотя *Сака* и служило у Персовъ собирательнымъ именемъ для обозначенія извѣстнаго отдѣла народовъ, того самаго по-видимому который назывался у Грековъ *Скиѳами*, тѣмъ-не-менѣе Персы должны были первоначально знать подъ этимъ именемъ какой-либо одинъ опредѣленный народъ, съ котораго перенесли потомъ имя его и на другіе, по чему-либо съ нимъ схожіе[1], подобно

названіи *Сокбо* которымъ, какъ сказано, означаютъ нынѣ Тибетцы Монголовъ, пришедшихъ къ нимъ съ сѣвера, сохраняется память о могущественныхъ Сакахъ, которые жили древле къ сѣверу отъ Тибета; весьма быть можетъ что искони привыкши знать къ сѣверу отъ земли своей воинственный народъ Саковъ, Тибетцы перенесли потомъ имя этого народа и на другихъ кочевниковъ позже съ той же стороны на нихъ нахлынувшихъ. Дараната, въ своей «Исторіи Буддизма», не разъ говоритъ о Сокбо, сопоставляя ихъ съ Персами (въ переводѣ Васильева, стр. 91 и 135), изъ чего несомнѣнно что подъ *Сокбо* разумѣетъ онъ *Саковъ*, какъ принимаетъ это и Шифнеръ, допуская что *Сокбо* у Тибетцевъ означало первоначально Саковъ, а потомъ уже перенесено было на Монголовъ.

[1] Такъ думаетъ и Лассенъ. См. его Altpersischen Keilinschriften, s. 91, и Zur Geschichte der Griechischen und Indoskytischen Könige (Bonn, 1838), s. 245.

тому какъ тѣже Персы всѣ греческіе народы называли *Яуна*, по имени ближайшихъ къ предѣламъ Персіи, и прежде чѣмъ другіе Греки вступившихъ съ Персами въ столкновеніе, *Іонійцевъ* малоазійскихъ[1]; или подобно тому какъ по имени сосѣдственной имъ казачины нѣмецкой, *Аллемановъ*, стали жители Галліи называть этимъ именемъ всѣ народы Германскаго Племени; или подобно тому какъ у Латышей всѣ Русскіе зовутся *Кревами*[2], по имени *Кривичей*, сильнаго колѣна древней Руси, съ ними сосѣдившаго. Плиній, видѣли мы, говоритъ положительно что Саками звали Скиѳовъ Персы, по имени ближайшаго къ нимъ скиѳскаго народа.

А если такъ, то какой-же изъ скиѳскихъ народовъ былъ для Персовъ Саками по-преимуществу, «настоящими» Саками? Полагаемъ что таковыми были одинаково, какъ Саки-Амюргійцы и Саки входившіе въ составъ XV-й сатрапіи, о которыхъ говоритъ Геродотъ, такъ Сака-Гаумаварга и Сака-Тиграхуда, упоминаемые въ Накши-Рустемской надписи, т. е. что это были лишь отдѣлы одного и того же Сакскаго Народа, подобно тому какъ Русь Чермная, Русь Бѣлая, Русь Великая и Русь Малая суть отдѣлы одного и того же народа «Русь», только въ разныхъ краяхъ помѣщающіеся.

Главная масса Саковъ обитала, должно полагать,

---

[1] См. Опперта въ Journal Asiatique за 1852 годъ, t. XIX, p. 162.
[2] Штендера Lettisches Lexicon (Mitau, 1789), th. II, s. 117.

за Яксартомъ, т. е. на востокъ отъ Яксарта (какъ представляли себѣ древніе Европейцы теченіе этой рѣки) и на сѣверъ отъ Индіи (считая сѣверною границею Индіи Кхуньлуньскій или Наньшанскій хребетъ)— тамъ гдѣ помѣщаютъ Саковъ тѣ изъ греческихъ писателей которые говорятъ объ нихъ какъ объ особомъ народѣ, выдѣляя его изъ общей массы скиѳскихъ, Страбонъ съ Птоломеемъ. Послѣдній, насколько мы его понимаемъ, помѣщаетъ Саковъ именно въ западной части Восточнаго-Туркестана, на Памирской-Выси, и по Тяньшаню до сѣверныхъ его скатовъ. Тоже самое пространство должно было служить обиталищемъ для Саковъ и по китайскимъ извѣстіямъ «Исторіи Старшихъ Ханей», если притомъ не ошибаемся мы на-счетъ связи *Сака* съ *Согюй*. Къ Восточному-Туркестану пріурочиваются Саки и по темнымъ указаніямъ Магабараты. По всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ, выходитъ что главная масса Саковъ размѣщалась изстари, приблизительно, около истоковъ Аму-Дарьи и Яркянь-Дарьи, простираясь на сѣверъ отсюда черезъ Тяньшаньское-Нагорье до озера Балхаша, на сѣверо-востокъ — до вершины Илійской-Долины, на сѣверо-западъ — до низовья рѣки Чуя. Что нынѣшняя Ташкинія занята была Саками необходимо заключать изъ того что лежитъ она на востокъ отъ Яксарта, и что тутъ, на восточномъ берегу этой рѣки, воевалъ Александръ-Великій съ тѣми Скиѳами, побѣдою надъ которыми хвалился онъ потомъ въ Вавилонѣ, называя ихъ Саками. Обитавшій на означенномъ пространствѣ, а сверхъ-того,

быть можетъ, и въ части Ферганской-Долины[1], главный отдѣлъ Саковъ и обозначается, можно полагать, въ Накши-Рустемской надписи прозваніемъ *Тиграхуда*. Объ этомъ же собственно отдѣлѣ, по мнѣнію нашему, идетъ рѣчь и въ Бисютунской надписи.

Изъ означеннаго гнѣзда Саковъ за Яксартомъ часть этого народа должна была, не позже VII-го вѣка до Р. Х., откочевать на западъ къ сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго-Моря, ибо только отсюда могло быть произведено то вторженіе Саковъ въ Арменію о которомъ говорится у Страбона. Тѣ изъ прикаспійскихъ Саковъ которые въ этомъ вторженіи не участвовали двинулись, вѣроятно, раздѣляя общее стремленіе прикаспійскихъ племенъ на западъ, въ Восточную-Европу, вслѣдствіе чего оставленныя ими степи около Каспія заняты были другими кочевниками, слѣдовавшими за ними изъ Азіи, и имя Саковъ исчезло здѣсь естественнымъ образомъ.

Но дѣйствительно-ли вторгались Саки въ Арменію, какъ говоритъ Страбонъ? Геродотъ, вѣдь, видѣли мы, вторженіе это приписываетъ, неопредѣленно, Скиѳамъ.

---

[1] По Ренделю (The geographical system of Herodotus, London, 1800, p. 515), Саки входившіе въ составъ XV-й сатрапіи занимали страны между верховьями Окса и Яксарта около Имайскаго Хребта, гдѣ нынѣ Хотланъ и Шаганіянъ. По Маннерту (Geographie der Griechen und Römer, Leipzig, 1820, IV, 470, 474), Саки кочевали въ нынѣшней Малой-Бухаріи и нѣкоторыхъ сосѣднихъ киргизскихъ земляхъ, въ западной части песчаной степи Гоби, и въ Кашгаріи съ Малымъ-Тибетомъ, именно въ горахъ ближайшихъ къ истокамъ Инда и Ганга. По Вильсону (Ariana Antiqua, London, 1841, p. 140) сидѣли Саки къ востоку отъ Согдійцевъ, въ нынѣшнихъ Каратегинѣ, Хисарѣ, Хотланѣ и Дервазѣ.

Не заимствовалъ-ли Страбонъ извѣстія своего о сказанномъ вторженіи у Геродота, и зная что по Геродоту Скиѳы и Саки одно и тоже, не приписалъ-ли именно Сакамъ того что сдѣлано было какимъ-либо скиѳскимъ народомъ другаго имени? Нѣтъ. Страбоново сказаніе о вторженіи Саковъ въ Арменію и истребленіи ихъ тамъ Персами заключаетъ въ себѣ такія подробности какихъ у Геродота не находимъ; слѣдовательно заимствовано оно Страбономъ не изъ Геродота, а изъ какого-либо другаго источника, до насъ не дошедшаго. Что-же касается достовѣрности этого сказанія, и того что вторженіе дѣйствительно произведено было Саками, вслѣдствіе чего и край ими занятый получилъ имя *Сакасены*, то достовѣрность всего этого подтверждается тѣмъ что армянскіе писатели разнаго времени упоминаютъ объ особой въ отечествѣ ихъ землицѣ по-имени *Шакашенъ* или *Шикашенъ*[1], что̀, въ армянской формѣ, совершенно соотвѣтствуетъ *Сакасенѣ* Страбона. Землица эта, по географіи приписываемой Моисею Хоренскому, входила въ составъ области Уди, въ углу между Араксомъ и Куромъ[2]. Кромѣ того, означенная гео-

[1] По Моисею Хоренскому *Шикашенъ* или даже *Шигашенъ* (см. въ Сенъ-Мартеновыхъ Mémoires sur l'Arménie, Paris, 1819, II, 359 и 365); но Каганкатваци, самъ албанецъ, пишетъ *Шакашенъ* (см. «Исторія Агванъ» въ русскомъ переводѣ К. Патканова, Спб. 1861, стрн. 142). У Мамигоніана встрѣчаемъ даже *Сакастанъ*, такъ-какъ ясно что страна этого имени тамъ гдѣ она упоминается имъ (см. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, Paris, 1867, v. I, p. 362) означаетъ не Седжестанъ въ Персіи, какъ полагаетъ г. Эминъ, а Шакашенъ въ Арменіи.

[2] Сенъ-Мартенъ: Mémoires sur l'Arménie, II, 365. По Лагарду

графія упоминаетъ еще объ округѣ *Шакеосдан*'ѣ, уже въ Албаніи или Агованіи, на сѣверъ отъ рѣки Кура[1], память о которомъ сохраняется и до сихъ поръ въ имени бывшаго *Шакинскаго* или *Шекинскаго* Ханства, а потомъ уѣзда, и въ имени существующаго еще селенія *Шаки*, тамъ же, на рѣчкѣ Алчиган'ѣ[2]. Но слѣды пребыванія Саковъ въ Арменіи находимъ и у древнихъ классиковъ, кромѣ Страбона. Птоломей, въ описаніи Великой-Арменіи (кн. V, гл. 12), упоминаетъ что тамъ есть область *Сакапене* (Σακαπηνή), приходящаяся на Араксѣ (Сенъ-Мартенъ давно уже призналъ ее за тождественную съ Сакасеною Страбона[3]), и городъ *Сакальбина*, къ востоку отъ Аракса, близь впаденія послѣдняго въ Каспій, подъ 79° 10′ д. и 43° 15′ ш. Кромѣ того, слѣдомъ сакскаго владычества въ Арменіи слѣдуетъ, быть можетъ, признать и помѣщаемый Птоломеемъ южнѣе (подъ 75° 10′ д. и 40°

(Gesammelte Abhandlungen, Leipzig, 1866, s. 154-155), втѣсто Σακασηνή, слѣдуетъ читать у Страбона Σισακάνη, на томъ основаніи что *Сисакан*'омъ, по Моисею Хоренскому, звали Персы армянскую область *Сюникъ*, которая, по Лагардову толкованію Страбона, находилась какъ-разъ тамъ гдѣ послѣдній помѣщаетъ Сакасену. Не входя въ опроверженіе этого мнѣнія, замѣтимъ только что еслибы Лагардъ былъ даже правъ, то и въ такомъ случаѣ сущность дѣла не измѣняется: какъ *Сюникъ* армянское, такъ и *Сисаканъ* персидское, по его же объясненію, значитъ одинаково «Si der Saken», слѣдовательно указываетъ на пребываніе послѣднихъ въ Арменіи.

[1] Тамъ же, II, 359.

[2] См. С. Броневскаго: «Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ» (Москва, 1823), II, 440.

[3] Mémoires sur l'Arménie, I, 210.

45′ ш.) городъ *Сагавану* (Σαγαυάνα). Плиній знаетъ въ Арменіи, также между Куромъ и Араксомъ, народъ Sacassani (H. N. VI, 11), безъ сомнѣнія жителей Сакасены; а у Арріана этотъ же, конечно, народъ является, подъ именемъ *Сакесиновъ* (Σακεσίναι), въ числѣ войскъ пришедшихъ на помощь къ Дарію-Кодоману, вмѣстѣ съ Мидянами, Кадусіями и Албанцами, значитъ изъ Подкавказья (Анавасисъ, кн. III, гл. 8 и 11). Позже, сколько намъ извѣстно, о кавказскихъ Сакасинахъ этихъ не упоминается болѣе ни у кого изъ писателей; а черезъ тысячу слишкомъ лѣтъ встрѣчаемся мы опять, какъ съ народомъ *Саксинъ*, или *Сакасинъ*, такъ и съ городомъ того же имени, уже въ сказаніяхъ мусульманскихъ историковъ о походахъ Монголовъ въ Восточную-Европу въ первой половинѣ XIII-го вѣка. По этимъ сказаніямъ, и народъ, и городъ, должны были находиться гдѣ-либо на сѣверъ отъ Кавказа, по-видимому около низовьевъ Волги[1]; у арабскаго-же географа изъ конца XIV вѣка, Бакуви, находимъ что «Сакасинъ былъ большой торговый городъ въ Хазарской-Землѣ, но рѣка, на которой онъ стоялъ, затопила его такъ что и слѣдовъ никакихъ отъ него не осталось, а возникъ неподалеку отъ него, впослѣдствіи, городъ Сарай, столица золотоордынскихъ хановъ»[2]. Имѣли какую связь эти приволжскіе Сакасины

---

[1] Ибнъ-эль-Эсиръ, у Доссона въ Histoire des Mongols (La Haye, 1834), I, 446; Рашидъ-эд-Динъ, тамъ же, II, 113.

[2] См. въ Notices et extraits de la bibliothèque du Roi, vol. II, p. 536, и у Доссона, l. c. I, 346.

съ Сакасинами въ Арменіи, или нѣтъ, розыскивать мы не будемъ[1].

Тогда-какъ Саки вторгнувшіеся въ Арменію изъ-за Кавказа должны были жить гдѣ-нибудь около сѣверныхъ береговъ Каспійскаго Моря, другой изъ западныхъ отдѣловъ Сакскаго Народа могъ занимать также и нынѣшнюю Туркменскую Степь къ западу отъ нижняго, и юго-западу отъ средняго теченія Аму-Дарьи, владѣя оазисомъ по р. Мюргабу, и такимъ образомъ находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Гирканцами и Пареянами. Къ такому предположенію приводятъ тѣ отношенія Саковъ къ Пареянамъ, Гирканцамъ и Мидянамъ о которыхъ читаемъ у Ктесія. Изъ означенной степи Саки, позже, подвигаясь на сѣверо-западъ, могли откочевать къ родичамъ своимъ на восточный берегъ Каспія, и оттуда, вмѣстѣ съ ними, или вслѣдъ за ними, перебраться, черезъ Уралъ и Волгу, въ Восточную-Европу[2]. Такимъ же образомъ пере-

---

[1] Кромѣ Саковъ въ Арменіи, были, по Ф. Г. Бергману, еще Саки въ Каріи, по берегамъ рѣки Гарпаса, близь города Кноса, въ подтвержденіе чего ссылается онъ на «Анавасисъ» Ксенофонта (Les Scythes, les ancètres des peuples germaniques et slaves, Halle, 1860, p. 4). У Ксенофонта въ «Анавасисѣ» (кн. IV, гл. 7) дѣйствительно читаемъ что на пути отъ рѣки Гарпаса къ городу Гимніѣ (а не Кносу) проходилъ онъ, на протяженіи 20 парасангъ, землею народа *Скиѳиновъ* (Σκυθινῶν); но чтобы Скиѳины эти были именно *Саки*, объ этомъ, пожалуй, можно догадываться, утверждать-же это положительно — нельзя.

[2] Если Саки дѣйствительно занимали когда-либо оазисъ по Мюргабу и окольныя степи, то остаткомъ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ можно считать, пожалуй, небольшое колѣно нынѣшнихъ Туркменовъ по-имени *Сакаръ*, кочующее на лѣвомъ берегу Аму, въ

двигался позже и другой, родственный Сакамъ, скиѳскій народъ, Даи[1]. Въ пользу сказаннаго предположенія можно-бы привести и то обстоятельство что въ Геродотовомъ перечисленіи Даріевыхъ сатрапій о населеніи занимавшемъ Маргіану не упоминается, междутѣмъ страна эта должна была, по географическому положенію своему, входить въ составъ Даріевыхъ владѣній, а населеніе ея принадлежать къ которой-либо изъ сатрапій: тутъ, поэтому, и можно было-бы отвести жилище для тѣхъ Саковъ которые входили, по Геродоту, въ составъ XV-й сатрапіи, вмѣстѣ съ другимъ народомъ настоящее имя котораго остается, по винѣ переписчиковъ, неизвѣстнымъ. Но Геродотъ умолчалъ о жителяхъ Маргіаны при перечисленіи сатрапій по той причинѣ что страна эта входила въ составъ Бактріи, и жители ея причислялись къ Бактрійцамъ, какъ открывается это изъ Бисютунской надписи, гдѣ, послѣ описанія событій имѣвшихъ мѣсто въ Маргіанѣ (*Маргусъ*), говоритъ Дарій: «Вотъ что̀ совершено мною въ

предѣлахъ Бухаріи, колѣно о существованіи котораго узнаёмъ отъ А. Борнса (франц. перев его Travels into Bokhara, t. III, p. 198) и И. Ф. Бларамберга (въ «Запискахъ» И. Р. Геогр. Общ. ч. IV (1850), стрн. 108).

[1] Во время Александра-Великаго Даи, по Арріану («Анавасисъ», кн. III, гл. 28), жили на южной сторонѣ Яксарта; Птоломей помѣщаетъ ихъ въ Маргіанѣ («Географія», кн. VI, гл. 10), Страбонъ знаетъ ихъ уже на сѣверовосточномъ берегу Каспія (кн. XI, гл. 8); а въ IV-мъ вѣкѣ по Р. Х., у Амміана Марцеллина, являются Даи на восточномъ берегу Чернаго-Моря (кн. XXII, гл. 8).

Бактріанѣ» (*Бахтрайя*)?[1]. Принадлежность Маргіаны, въ Даріево время, къ Бактріанѣ нисколько, впрочемъ, не мѣшаетъ помѣщенію въ ней части Саковъ, какъ, позже, помѣщалась тамъ же часть Даевъ. Если-же допустимъ что дѣйствительно часть Саковъ жила по рѣкѣ Мюргабу и въ степяхъ къ сѣверу и сѣверо-западу отъ нея, то сюда именно пріурочиваются всего удобнѣе та часть этого народа которую Геродотъ, въ перечисленіи Ксерксовыхъ войскъ, назвалъ *Амюргіями* — по созвучію этого имени съ именемъ страны по *Мюрг*'абу, т. е. по «*Мюрг*'ской-рѣкѣ»; а въ такомъ случаѣ сюда же помѣщаются и Сака-*Гаумаварга* Накши-Рустемской надписи — опять по сходству звуковъ между *Гаумаварга* и *Амюргіями*. Другими словами, Скиѳовъ-Амюргіевъ Геродота приходится признать за тождественныхъ съ Сака-Гаумаварга означенной надписи. Принявши-же что часть Саковъ жила въ странѣ *Мюргъ*, найдемъ наконецъ объясненіе и Гелланикову извѣстію что Ἀμύργιον есть πεδίον Σακῶν: подъ *Амюргіонъ* извѣстна была ему Маргіана и окрестныя степи. Почти къ такому же, какъ и мы, заключенію относительно мѣстожительства Амюргіевъ Геродотовыхъ пришелъ и одинъ изъ новѣйшихъ писателей о Скиѳахъ, Ф. Г. Бергманъ; только, по его мнѣнію, Амюргіи жили не въ Маргіанѣ, а къ востоку отъ Маргіаны (которая, думаетъ онъ, звалась по-скиѳски *Маргава*, причемъ указываетъ, для сравненія, на славянскую

[1] Это замѣчено еще Оппертомъ, въ Journal Asiatique за 1851 годъ, II, 61.

Мораву), почему прикаспійскіе Саки или Скиѳы и звали этихъ сородичей своихъ «Саками по ту сторону Моравы», «За-моравянами», что̀ Греки, сообразно съ духомъ своего языка, и передали (измѣнивъ звукъ *з* въ придыханіе) Hamurgioi[1]. Мы, какъ изложено будетъ ниже, тоже признаемъ принадлежность Саковъ къ Славянскому Племени, но находимъ что г. Бергманъ изъ Страсбурга слишкомъ уже смѣлый славянофилъ. Кромѣ-того, для помѣщенія Саковъ къ востоку отъ Маргіаны не видимъ мы и свободнаго мѣста: пришлось-бы жить имъ въ такомъ случаѣ чуть не подъ самыми стѣнами Бактры: гдѣ-же тогда сами-то Бактрійцы помѣщались?

Что Саки, какъ восточные, такъ и западные, были народомъ значительнымъ по своей численности, это вытекаетъ изо всѣхъ о нихъ извѣстій; но какова была степень гражданственности и культурности этого сильнаго народа?

Птоломей, видѣли мы, говоритъ что «страна Саковъ занята кочевниками не знающими городовъ и живущими въ пещерахъ». Послѣднее обстоятельство въ особенности заставляетъ насъ представлять себѣ Саковъ если не совершенными дикарями, такъ племенемъ только-что переходившимъ отъ первобытной дикости бродячихъ звѣролововъ къ пастушескому быту. Заключеніе какое выводится изъ словъ Страбона о Сакахъ уже благопріятнѣе для нихъ: Страбонъ причис-

---

[1] Les Scythes etc. p. 4.

Бактріанѣ» (*Бахтрайя*)?[1]. Принадлежность Маргіаны, въ Даріево время, къ Бактріанѣ нисколько, впрочемъ, не мѣшаетъ помѣщенію въ ней части Саковъ, какъ, позже, помѣщалась тамъ же часть Даевъ. Если-же допустимъ что дѣйствительно часть Саковъ жила по рѣкѣ Мюргабу и въ степяхъ къ сѣверу и сѣверо-западу отъ нея, то сюда именно пріурочиваются всего удобнѣе та часть этого народа которую Геродотъ, въ перечисленіи Ксерксовыхъ войскъ, назвалъ *Амюргіями* — по созвучію этого имени съ именемъ страны по *Мюрг*'абу, т. е. по «*Мюрг*'ской-рѣкѣ»; а въ такомъ случаѣ сюда же помѣщаются и Сака-*Гаумаварга* Накши-Рустемской надписи — опять по сходству звуковъ между *Гаумаварга* и *Амюргіями*. Другими словами, Скиѳовъ-Амюргіевъ Геродота приходится признать за тождественныхъ съ Сака-Гаумаварга означенной надписи. Принявши-же что часть Саковъ жила въ странѣ *Мюргъ*, найдемъ наконецъ объясненіе и Гелланикову извѣстію что Ἀμύργιον есть πεδίον Σακῶν: подъ *Амюргіонъ* извѣстна была ему Маргіана и окрестныя степи. Почти къ такому же, какъ и мы, заключенію относительно мѣстожительства Амюргіевъ Геродотовыхъ пришелъ и одинъ изъ новѣйшихъ писателей о Скиѳахъ, Ф. Г. Бергманъ; только, по его мнѣнію, Амюргіи жили не въ Маргіанѣ, а къ востоку отъ Маргіаны (которая, думаетъ онъ, звалась по-скиѳски *Маргава*, причемъ указываетъ, для сравненія, на славянскую

[1] Это замѣчено еще Оппертомъ, въ Journal Asiatique за 1851 годъ, II, 61.

Мораву), почему прикаспійскіе Саки или Скиѳы и звали этихъ сородичей своихъ «Саками по ту сторону Моравы», «За-моравянами», что̀ Греки, сообразно съ духомъ своего языка, и передали (измѣнивъ звукъ *з* въ придыханіе) Hamurgioi[1]. Мы, какъ изложено будетъ ниже, тоже признаемъ принадлежность Саковъ къ Славянскому Племени, но находимъ что г. Бергманъ изъ Страсбурга слишкомъ уже смѣлый славянофилъ. Кромѣ-того, для помѣщенія Саковъ къ востоку отъ Маргіаны не видимъ мы и свободнаго мѣста: пришлось-бы жить имъ въ такомъ случаѣ чуть не подъ самыми стѣнами Бактры: гдѣ-же тогда сами-то Бактрійцы помѣщались?

Что Саки, какъ восточные, такъ и западные, были народомъ значительнымъ по своей численности, это вытекаетъ изо всѣхъ о нихъ извѣстій; но какова была степень гражданственности и культурности этого сильнаго народа?

Птоломей, видѣли мы, говоритъ что «страна Саковъ занята кочевниками не знающими городовъ и живущими въ пещерахъ». Послѣднее обстоятельство въ особенности заставляетъ насъ представлять себѣ Саковъ если не совершенными дикарями, такъ племенемъ только-что переходившимъ отъ первобытной дикости бродячихъ звѣролововъ къ пастушескому быту. Заключеніе какое выводится изъ словъ Страбона о Сакахъ уже благопріятнѣе для нихъ: Страбонъ причис-

---

[1] Les Scythes etc. p. 4.

ляетъ ихъ по-видимому къ народамъ отчасти кочевымъ, отчасти осѣдлымъ. Но, на нашъ взглядъ, не имѣютъ никакой цѣны отзывы древнихъ греческихъ писателей о гражданственности тѣхъ народовъ которыхъ знали они по разсказамъ изъ вторыхъ, изъ третьихъ рукъ, преимущественно-же отъ торговцевъ своей націи; собственныя выгоды всюду и всегда побуждали торговый классъ преувеличивать, въ глазахъ соотечественниковъ, тѣ трудности которымъ подвергается онъ странствуя по землямъ отдаленныхъ народовъ, а вслѣдствіе того преувеличивать и «варварство» этихъ народовъ; у Грековъ-же къ этому побужденію прибавлялось еще и особенно-презрительное отношеніе къ иноземцамъ, вытекавшее изъ ихъ чрезвычайно-высокаго мнѣніи о собственной гражданственности и культурности; самомнѣніе такого рода заставляло ихъ закрывать глаза̀ на окружающее даже въ странахъ куда греческіе писатели проникали лично. Арріанъ, на-примѣръ, въ своей «Исторіи о походахъ Александра-Великаго», видимо списывалъ дневники сопутниковъ Александровыхъ, а между-тѣмъ встрѣчается-ли у него хотя намёкъ на то чѣмъ въ Александрово время были въ культурномъ отношеніи та Бактріана, та Согдіана, та Хоразмія, которые такъ упорно отстаивали независимость свою противу македонскаго завоевателя: о населеніи этихъ странъ Арріанъ говоритъ какъ о «варварахъ», тѣмъ только и отличавшихся отъ кочевыхъ Скиѳовъ что имѣли города̀ и городки, тогда-какъ изъ другихъ источниковъ мы несомнѣнно знаемъ что означенныя стра-

ны были сѣдалищемъ одной изъ древнѣйшихъ въ мірѣ цивилизацій, владѣли замѣчательнымъ умственнымъ капиталомъ, славились промышленностію, и, еще болѣе, широкимъ развитіемъ торговой дѣятельности. Обо всемъ этомъ, точно также, ничего не узнаёмъ и отъ Геродота: сообщаемое имъ о Бактрійцахъ, Согдійцахъ и Хоразмійцахъ въ Ксерксовой рати нисколько не ставитъ ихъ выше Саковъ. Но такъ, быть можетъ, оно и было, чѣмъ нисколько не унижается высота цивилизаціи первыхъ, а значительно подымается лишь тотъ уровень на которомъ приходилось-бы представлять себѣ послѣднихъ въ случаѣ безусловнаго довѣрія къ отзыву о нихъ Птоломея, разсматриваемому притомъ подъ господствомъ ошибочнаго взгляда на пастушескій бытъ и кочеваніе какой сложился вообще у кабинетныхъ ученыхъ Западной-Европы вслѣдствіе незнакомства ихъ съ предметомъ въ-дѣйствительности.

Кочевой бытъ считаютъ обыкновенно несовмѣстнымъ съ какимъ-либо значительнымъ развитіемъ, экономическимъ или интеллектуальнымъ. Но это едва-ли основательно. Несомнѣнно что для упражненія мысли необходимы два условія: досугъ и общеніе; кочевникъ-же въ отношеніи къ тому и другому находится въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ чѣмъ землепашецъ. Относительно досуга это ясно: пастушескій трудъ далеко не обременяетъ кочевника на столько на сколько подавляетъ и заботитъ селянина трудъ земледѣльческій. Что-же касается до общенія, то число знакомствъ кочевника, по самому роду его жизни требующей пе-

ремѣны пастбищъ, всегда значительнѣе нежели у привязаннаго къ жилью своему осѣдлаго землепашца; причемъ, обладая досугомъ, и въ конѣ своемъ имѣя быстрое средство сообщенія, видится и бесѣдуетъ онъ съ родственниками и пріятелями несравненно чаще, чѣмъ заваленный домашними работами селянинъ. Новость интересующая кочевья распространяется въ нихъ съ быстротою какая невѣдома была осѣдлымъ до самаго изобрѣтенія телеграфовъ: всякій спѣшитъ передать ее знакомымъ и мчится для этого за сотни верстъ. Въ аулѣ своемъ кочевникъ имѣетъ такое же общество какъ и крестьянинъ въ своей деревнѣ; поводовъ къ сборищамъ между сосѣдями, каковы свадьбы, похороны, родины и празднества всякаго рода, у кочевыхъ столько же какъ и у осѣдлыхъ, только у первыхъ сборища эти, по возможности пріѣзда издалека, бываютъ многолюднѣе. Затѣмъ, крестьянинъ изъ деревни своей отлучается обыкновенно не далѣе сосѣднихъ базаровъ, которыми и ограничивается кругъ его географическихъ свѣдѣній, тогда-какъ у кочевниковъ кругъ этотъ несравненно шире, уже вслѣдствіе однѣхъ перекочевокъ между далеко разстоящими странами; значительная-же часть номадовъ, всюду и всегда занимавшихся извозомъ товаровъ, пріобрѣтаетъ возможность посѣщать чужіе края и большіе города, обогащая черезъ то умъ свой всѣмъ что даетъ зрѣлище цивилизованной жизни, и треніе съ людьми другихъ понятій и обычаевъ. Вслѣдствіе этого, при одинаковости круга хозяйственныхъ и связанныхъ съ хозяйствомъ обиходныхъ

метеорологическихъ, медицинскихъ и другихъ свѣдѣній, горизонтъ ума вообще у кочевника шире, чѣмъ у селянина, мыслительныя способности его гибче, сообразительность живѣе. Необходимость, нерѣдко встрѣчаемая имъ въ тѣхъ или другихъ трудныхъ обстоятельствахъ, изворачиваться, при совершенной невозможности достать нужныя пособія (за отдаленностію мѣста пріобрѣтенія ихъ), ничтожными подручными средствами, изощряетъ находчивость его иногда до предѣловъ геніальности. Наконецъ, по отношенію къ дѣятельности воображенія и поэтической производительности, кочевникъ всюду неизмѣримо превосходитъ осѣльца: импровизація — явленіе весьма обыкновенное въ степяхъ; касиды Бедуиновъ остались навсегда неподражаемыми образцами поэзіи для горожанъ-Арабовъ; миѳологія у всѣхъ народовъ ее имѣющихъ зародилась, извѣстно, еще въ періодѣ ихъ пастушескаго быта.

Тоже должно сказать и о существенныхъ основахъ права, семейнаго и общественнаго: вырабатываясь племенами еще въ дѣтскомъ ихъ возрастѣ, основы эти опредѣляютъ все дальнѣйшее затѣмъ юридическое развитіе племенъ по переходѣ въ осѣдлый бытъ, причемъ въ пастушескихъ еще обществахъ возникаютъ иногда, какъ видимъ у Киргизовъ, такое превосходное судоустройство и такіе порядки слѣдственнаго и судебнаго процесса, какимъ могутъ позавидовать многіе издавна цивилизовавшіеся народы; чувство-же законности охраняется и воспитывается въ степяхъ лучшею его гарантіею, которой весьма часто недостаетъ осѣдлымъ, имен-

но свободою, т. е. возможностію избѣгнуть насилія ушедши отъ притѣснителя. Тоже сознаніе свободности своей дѣлаетъ кочевника страстнымъ къ политической независимости, располагаетъ его къ активному участію въ общественныхъ дѣлахъ, питаетъ въ немъ чувство собственнаго достоинства, и вообще служитъ источникомъ многихъ благородныхъ качествъ, въ селянинѣ утрачивающихся нерѣдко подъ гнетомъ невозможности противустоять насилію.

Если прибавимъ къ сказанному что, при томъ участіи въ хозяйствѣ какое принимаютъ у кочевниковъ ихъ жены и дочери, и при невозможности затворничества въ степи, положеніе женщинъ у кочевыхъ всюду и всегда было несравненно независимѣе и почетнѣе чѣмъ у осѣдлыхъ народовъ Азіи, а съ другой стороны припомнимъ что кочевники и физически должны быть крѣпче и бодрѣе чѣмъ селяне и горожане, вслѣдствіе бо̀льшаго употребленія мясной пищи, нельзя не притти къ заключенію что если — какъ видимъ это постоянно въ исторіи — кочевыя племена являлись покорителями осѣдлыхъ населеній, то причина этому заключалась, между прочимъ, въ ихъ относительномъ превосходствѣ надъ послѣдними, какъ тѣлесномъ, такъ умственномъ и нравственномъ.

Съ кочевымъ бытомъ весьма совмѣстны также, какъ нѣкоторые успѣхи ремесленности, такъ и значительное развитіе торговой промышленности. Степняки и степнячки не только сами приготовляютъ матеріалъ для одежды своей, обуви, ложа и покрышки — кожи и пря-

жу, но сами-же выдѣлываютъ ихъ, красятъ, ткутъ и сшиваютъ. Ковры работы туркменскихъ женщинъ, по прочности приготовленія и окраски, заслуженно соперничаютъ, въ Азіи и у насъ, съ производимыми осѣдлымъ населеніемъ Бухаріи и Персіи, а киргизки едвали не превосходятъ всѣхъ другихъ азіатокъ въ умѣньѣ валять кошмы и вышивать золотомъ — дѣлѣ уже не первыхъ потребностей, а роскоши. Такимъ же образомъ сами степняки куютъ себѣ свое оружіе: острія стрѣлъ и копій, кожи, кольчуги, и конскій металлическій приборъ: удила, стремена, пряжки и разнаго вида бляхи къ сбруѣ; сами приготовляютъ изъ дерева арчаки для сѣделъ, рѣшетки для переносныхъ шатровъ своихъ, и другіе предметы домашней утвари, нерѣдко украшая произведенія свои — преимущественно оружіе и кожаныя вещи — довольною искусною обдѣлкою ихъ въ драгоцѣнные металлы. Словомъ, ремесла кожевенное, скорняжное, кузнечное, токарное и другія находятся у кочевниковъ на той же, или еще высшей, степени на какой видимъ ихъ обыкновенно въ осѣдломъ сельскомъ населеніи. Мало того: не уступаютъ кочевники поселянамъ и въ строительномъ искусствѣ, хотя и не возводятъ себѣ постоянныхъ жилищъ: объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя кладбища въ киргизскихъ степяхъ, издали представляющіяся красивыми городками, высокія, куполообразныя и другихъ формъ гробницы которыхъ, или, точнѣе сказать, надгробныя часовни, нерѣдко весьма обширныя, возведены всѣ и продолжаютъ возводиться, съ замѣчательною

прочностію постройки, руками самихъ Киргизовъ. Да и относительно торговаго промысла, участіе въ передвиженіи чужихъ товаровъ, въ качествѣ возчиковъ, и пріобрѣтаемыя при этомъ свѣдѣнія какъ о мѣстахъ закупки и сбыта произведеній, такъ о пріемахъ и выгодности самаго промысла, естественно побуждаютъ предпріимчивѣйшихъ и достаточнѣйшихъ изъ возчиковъ пускаться въ этотъ промыселъ на собственный рискъ и капиталъ, и, при успѣхѣ, доводить торговые обороты свои до значительныхъ размѣровъ[1]. Этотъ источникъ наживы, съ одной стороны, а съ другой — продажа осѣдлымъ сосѣдямъ излишняго приплода стадъ и табуновъ, образуютъ въ средѣ кочевниковъ классъ людей относительно весьма-достаточныхъ, а только существованіемъ такого класса обусловливается и у осѣдлыхъ возможность культурнаго развитія: бѣдное земледѣльческое населеніе является въ этомъ отношеніи почти столь же неподвижнымъ какъ и бродячіе звѣроловы.

Такимъ образомъ даже и чистые кочевники представляются занимающими далеко не ту низкую ступень гражданственности и культурности которую имъ обыкновенно отводятъ. Но едва-ли существовалъ когда-либо кочевой народъ, который, при удобствѣ мѣстностей ему принадлежащихъ къ воздѣлыванію, оставался-бы совершенно чуждъ земледѣлію. Кромѣ извѣст-

---

[1] Доказательства этому см. въ статьѣ моей: «Оренбургскіе Киргизы: ихъ честность и умѣнье въ торговомъ дѣлѣ», напечатанной въ журналѣ «Народная Бесѣда» за 1863 годъ.

ныхъ выгодъ отъ этого промысла, обращаться къ нему заставляетъ нерѣдко кочевниковъ и необходимость — невозможность продолжать пастушескій образъ жизни вслѣдствіе гибели стадъ и табуновъ отъ гололедицы, мятелей и другихъ бѣдствій постигающихъ скотъ въ открытыхъ степяхъ, гдѣ онъ питается исключительно подножнымъ кормомъ. И когда кочевникъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, становится, вполнѣ или отчасти, земледѣльцемъ, онъ быстро овладѣваетъ всѣми потребными для того пріемами, и не уступаетъ въ рабочести старому пахарю[1]. Наконецъ, кочевники, не оставляя въ массѣ пастушескаго образа жизни, могутъ строить, для защиты своей отъ сосѣдей, или для удобнѣйшаго производства торговыхъ съ ними сношеній, города или городки, селящаяся въ которыхъ часть кочеваго населенія обращается черезъ то уже исключительно въ ремесленниковъ или торговцевъ. Такъ извѣстно, между прочимъ, что въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х. Икюйскіе Жуны строили, на сѣверныхъ границахъ Китая, для защиты земель своихъ отъ нападеній изъ удѣла Цинь, города или городки, и что великому князю означеннаго удѣла, Хой-вану, приписывается завоеваніе у Икюйцевъ 25-ти такихъ городковъ[2].

Обращаясь за этою дисгрессіею о кочевникахъ во-

---

[1] Это видѣли мы собственными глазами во время разъѣздовъ по киргизскимъ степямъ Оренбургскаго Вѣдомства съ 1853 по 1861 годъ.

[2] Іакинѳа Бичурина: «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней-Азіи» (Спб. 1851), I, 8.

обще къ выясненію быта Саковъ, видимъ что, даже и по Птоломею, часть ихъ должна была заниматься извозомъ товаровъ, и, быть можетъ, даже производствомъ торговли. Это свидѣтельствуется существованіемъ въ землѣ ихъ, по словамъ Птоломея, «убѣжища для отправляющихся торговать къ Серамъ». Ясно что черезъ зѐмли Саковъ пролегалъ караванный путь которымъ торговцы изъ Трансоксіаны ходили далѣе на востокъ въ страну Серовъ съ товарами Запада, а оттуда возвращались во-свояси съ произведеніями пріобрѣтенными отъ Серовъ; движеніе-же такого рода черезъ зѐмли Саковъ не могло совершаться иначе какъ при помощи вьючнаго скота принадлежавшаго туземцамъ. Затѣмъ, допустимъ что «убѣжище» о которомъ говоритъ Птоломей, могло быть не болѣе какъ караван-серай въ степи или горныхъ мѣстахъ; надо-же однако чтобы оно было выстроено кѣмъ-нибудь; а кто-же въ землѣ Саковъ могъ построить его кромѣ самихъ Саковъ? Значитъ это былъ народъ не чуждый свѣдѣніямъ въ строительномъ дѣлѣ, что̀, впрочемъ, еще болѣе доказывалось-бы существованіемъ въ землѣ его «такъ-называемой», какъ выражается Птоломей, каменной башни, если вѣрить что она дѣйствительно тамъ существовала. Но, судя по выраженію Птоломея «ὁ καλούμενος», подъ «каменною башнею» извѣстна была, повидимому не собственно какая-либо башня изъ камня, а нѣчто другое что̀ только называлось «каменною башнею», быть можетъ укрѣпленіе, а быть можетъ и городъ. На основаніи того что въ имени нынѣшняго го-

рода Ташкента *таш* значитъ «камень» а *кентъ* — «городъ», полагаютъ что нынѣшній Ташкентъ и есть «каменная башня» Птоломея[1]. Если такъ, то, вотъ, мы не только получаемъ городъ въ землѣ Саковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и указаніе что земли Саковъ начинались съ поворота Яксарта на сѣверъ и заключали въ предѣлахъ своихъ между прочимъ и нынѣшній Ташкентскій Округъ. Такъ и было оно по всей вѣроятности, но «каменная башня», по нашему мнѣнію, соотвѣтствовала скорѣе Кашгару нежели Ташкенту.

Далѣе, по Страбону, Саки могутъ быть причислены къ народамъ которые вели не исключительно кочевую, а частію и осѣдлую жизнь. Но есть, на нашъ взглядъ, указаніе свидѣтельствующее что осѣдлость была принадлежностію, если не всѣхъ, то большинства Саковъ, по-крайней-мѣрѣ того отдѣла ихъ который входилъ въ составъ XV-й сатрапіи. Указаніе на осѣдлость Саковъ этой сатрапіи видимъ мы въ томъ обстоятельствѣ что они обложены были денежною податью, такъ-

---

[1] На-примѣръ Ренò въ Relations politiques et commerciales de l'Empire Romain avec l'Asie orientale, p. 189, и Юсти, въ Beiträge zur alten Geographie Persiens, II, 20-21. Замѣтимъ по этому случаю что *таш* значитъ «камень» по-тюркски, а *кентъ*, «городъ» есть слово таджикское, почему соединеніе ихъ въ одно имя представляется неестественнымъ и могло произойти лишь въ то время когда страна гдѣ лежитъ Ташкентъ занята была кочевниками тюркскаго языка, которые и обратили въ *таш* туземное имя этого города, *Чачъ*, подъ которымъ упоминается онъ въ Шахъ-Намѐ и, еще ранѣе, у путешественника VII вѣка Сюань-Цзана. У арабскихъ писателей *Чачъ*, по отсутствію звука ч въ арабскомъ языкѣ, обратился, какъ извѣстно, въ *Шашъ*.

какъ до послѣдняго времени, до дѣйствительнаго подчиненія Киргизовъ русской власти, Исторія едва-ли представляетъ примѣръ чтобы осѣдлый народъ когда-либо и гдѣ-либо могъ принудить кочевниковъ къ уплатѣ постоянной дани[1]. Отвергнуть значеніе этого указанія по отношенію къ осѣдлости Саковъ можно тогда лишь когда предположимъ что обложеніе ихъ податью со стороны Дарія было не болѣе какъ фикціею, что въ дѣйствительности никакой подати Персамъ они не платили; но имѣемъ-ли мы право на такое предположеніе когда видимъ что и въ войскахъ Ксеркса сакскій контингентъ помѣщенъ былъ значительною частію на флотъ, что̀ тоже едва-ли бы могло имѣть мѣсто еслибъ Саки состояли исключительно изъ кочевыхъ. По нашему мнѣнію, изъ совокупности всѣхъ свидѣтельствъ о Сакахъ вытекаетъ заключеніе что это былъ народъ

---

[1] У историка византійскаго Ѳеоѳилакта Симокатты читаемъ, правда, будто Персы, при царѣ Гормиздѣ (579-590), не только перестали платить дань Туркамъ въ 400,000 золотыхъ, которая была наложена на нихъ послѣдними, но самихъ Турокъ заставили выплачивать себѣ такую же сумму (Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo. Recognovit Imm. Bekkerus, Bonnae, 1834, p. 124-125 et 167). Это, однако, не болѣе какъ хвастовство Персовъ, которому повѣрили Греки; даже Мирхондъ, повѣствующій о страшномъ пораженіи нанесенномъ Туркамъ полководцемъ Го-муза, знаменитымъ Беграмъ-Чубиномъ, и о громадной добычѣ имъ при этомъ случаѣ полученной (см. въ Mémoires sur diverses antiquités de la Perse, par Silv. de Sacy, Paris, 1793, p. 394), ни слова не говоритъ о томъ чтобы Персы обязали Турокъ уплатою имъ дани. Да если-бы, наконецъ, это и дѣйствительно имѣло мѣсто, такъ дань уплачивали, навѣрное, не сами Турки, а подчинявшееся имъ осѣдлое населеніе Трансоксіаны.

полу-осѣдлый, полу-кочевой; что тогда-какъ одна часть Саковъ въ пространствахъ степныхъ, удобныхъ лишь для кочеванія, оставалась при пастушескихъ средствахъ существованія, другая, въ мѣстностяхъ способныхъ къ воздѣлыванію почвы, занималась земледѣліемъ, а третья, въ пунктахъ мѣстность которыхъ вызывала къ тому, скучивалась въ городскія поселенія промышляя ремеслами и торговлею. Выводъ этотъ представляется намъ тѣмъ основательнѣйшимъ что именно такой же, а не какой-либо другой, порядокъ вещей по отношенію къ распредѣленію населенія существовалъ и продолжаетъ существовать не только въ Средней-Азіи на югъ отъ Сыръ-Дарьи, но и повсюду почти на протяженіи Южной-Азіи. Относительно Трансоксіаны и странъ къ югу отъ нея до высотъ Эльбурза и Гиндукуша, мы знаемъ что господствующими, осѣдлыми, народами были тутъ въ-древности Бактрійцы, Согдійцы и Хоразмійцы, а между-тѣмъ видимъ тутъ же середи ихъ пастушескія и передвигающіяся съ мѣста на мѣсто колѣна Даевъ, Мардовъ и другія — колѣна, по свидѣтельству Древнихъ, родственныя Бактрійцамъ, Согдійцамъ и Хоразмійцамъ. Въ Бактріанѣ и Согдіанѣ Даи были племенемъ до такой степени значительнымъ что Китайцы узнали о существованіи этихъ странъ не иначе какъ подъ именемъ «Земли-Даевъ» (*Дахя*)[1], и мы полагаемъ что Бактрійцы и т. д. были, по крови, совершенно тождественны съ Даями и проч., только,

[1] См. объ этомъ ниже.

осѣвши, приняли названія хорографическія, мѣстныя, тогда-какъ Даи и проч. продолжали носить свои родовыя имена; или, другими словами, тогда-какъ часть Даевъ осѣла весями и завелась городами, другая часть продолжала вести пастушескую жизнь; раздѣленіе-же это произошло вслѣдствіе различнаго характера мѣстностей занятыхъ частями одного и того же народа: пастушествовавшіе по берегамъ рѣкъ перешли естественно къ земледѣлію, осѣвшіе въ пунктахъ около торговыхъ путей скучились въ города, а тѣ на долю которыхъ достались степи и горы — иначе и не могли существовать въ нихъ какъ продолжая оставаться кочевыми скотоводами. Такимъ же образомъ на Иранской-Выси однѣ изъ персскихъ колѣнъ перешли къ осѣдлой жизни и поселились въ городахъ по крайней мѣрѣ со временъ Ахеменидовъ, другіе-же съ тѣхъ поръ и донынѣ остаются пастухами и кочевниками[1]. Тоже видимъ на Аравійскомъ-Полуостровѣ, гдѣ всѣ слои его народонаселенія въ Іеменѣ, Хеджазѣ и другихъ частяхъ земледѣльчествовали искони, тогда-какъ въ Неджде и Сирійской-Пустынѣ искони же и доселѣ ведутъ неизмѣнно кочевую жизнь. И такъ далѣе, и т. д.

Полуосѣдлыми признаемъ мы не только Саковъ обитавшихъ «за Яксартомъ», а и ту отрасль этого народа

---

[1] О томъ что въ Кирово время часть Персовъ земледѣльчествовала, тогда-какъ другая вела кочевой образъ жизни, см. у Геродота, кн. I, гл. 25. Такимъ же образомъ, по Плинію (H. N. кн. VI, гл 29), и Пареяне частію жили въ городахъ, частію были кочевыми скотоводами.

которую, въ періодъ мидійскаго преобладанія, застаемъ живущею уже западнѣе, къ востоку отъ Каспія и въ Маргіанѣ. Полагаемъ такъ на основаніи Ктесіева упоминанія о городахъ построенныхъ Зариною, царствовавшею надъ этими Саками. Положимъ что города эти были не болѣе какъ городки въ родѣ тѣхъ, какіе были у Икюйскихъ Жуновъ; но вѣрноподобно-ли, затѣмъ, чтобы Саки — даже при томъ развитіи какое мы за ними признаёмъ — могли воздвигнуть такое огромное сооруженіе какимъ описываетъ Ктесій устроенную ими въ память Зарины гробницу въ видѣ пирамиды съ колосальною надъ ней статуею этой царицы? На нашъ взглядъ, сооруженіе подобнаго памятники не представляетъ ничего превосходящаго средства кочеваго народа: нужно было для этого только значительное число рукъ. Гораздо бо̀льшаго искусства требуется, по нашему мнѣнію, для постройки тѣхъ высокихъ съ куполами *там*'овъ, которые, какъ мы сказали уже, придаютъ такой красивый видъ киргизскимъ кладбищамъ; а эти кладбища разсѣяны въ обиліи всюду по присырскимъ и при-эмбенскимъ степямъ, и *там*'ы возводятся собственными руками мѣстнаго кочеваго народонаселенія. Притомъ же гробница Зарины могла быть просто огромнымъ землянымъ курганомъ съ каменною обкладкою основанія, а статуя царицы — походить на тѣ каменныя изваянія которыя, въ недавнее еще время, вѣнчали вершины кургановъ по новороссійскимъ степямъ, именуясь, у мѣстнаго русскаго населенія, «каменными бабами», а теперь хранятся, въ неболь-

шомъ числѣ, по музеямъ древностей въ Одессѣ и другихъ мѣстахъ.

Что касается, засимъ, до нравственнаго уровня Саковъ, то, независимо отъ высказаннаго нами выше о нравственномъ превосходствѣ кочевниковъ передъ осѣдлыми, весьма высокое мнѣніе объ этомъ уровнѣ даетъ намъ преимущественно образъ царицы ихъ Зарины, какимъ является онъ въ разсказѣ Ктесія. Трудно представить себѣ что-либо величественнѣе и вмѣстѣ привлекательнѣе этого образа, въ которомъ высшія государственныя способности, мужественная сила духа, рѣшительность характера и глубокое чувство собственнаго достоинства соединяются съ полнотою женственной нѣжности и высокою чистотою души. Съ оружіемъ въ рукахъ является она на полѣ битвы обокъ со вторымъ мужемъ своимъ, раздѣляя его опасности. По нашимъ нравамъ, это одно уже ставило-бы ее на степень героини; но такими героинями были у Саковъ, по Ктесію, всѣ вообще жены: сопровождая мужа въ бой, Зарина показывала себя этимъ только не ниже другихъ сакскихъ женщинъ. Затѣмъ, мужъ этотъ оскорбляетъ ее отказомъ даровать жизнь великодушному врагу пощадившему ея собственную — и оскорбленная не задумывается отмстить недостойному ея мужу собственною его смертію. Чтобы проникнуться до такой степени чувствомъ нанесенной обиды и исполнить замыселъ какъ исполнила его Зарина, надо было обладать и глубокимъ сознаніемъ собственнаго достоинства, и необыкновеннымъ умѣньемъ изыски-

вать средства для достиженія своихъ цѣлей, и рѣшительностію воли не знающею колебаній. Но — могутъ возразить намъ — въ этомъ поступкѣ Зарины главною дѣйствующею пружиною было не чувство оскорбленнаго достоинства, не презрѣніе къ жестокому мужу, жестокому быть можетъ лишь изъ затаенной ревности къ плѣннику, а страсть загорѣвшаяся въ сердцѣ Зарины къ этому плѣннику, и вслѣдствіе того низкое, своекорыстное желаніе избавиться отъ мужа какъ отъ препятствія къ удовлетворенію этой страсти. Мы не находимъ чтобы разсказъ Ктесія оправдывалъ такія предположенія. Зарина дѣйствительно неравнодушна къ Стріангею, но не дѣлаетъ ни шагу къ сближенію съ нимъ; она отпускаетъ его на родину, а сама удаляется въ свои владѣнія. Когда-же Стріангей, страстно влюбленный въ Зарину, самъ является къ ней въ качествѣ гостя, она не считаетъ позорнымъ обнаружить чувства свои къ нему открыто, торжественно, въ глазахъ всего народа своего, потому-что чувства эти чисты и святы, потому что она увѣрена въ себѣ. Увлекшійся обожатель говоритъ ей о своей страсти, умоляетъ о взаимности. Зарина и не думаетъ оскорбляться: это было-бы лицемѣріемъ съ ея стороны, такъ-какъ она раздѣляетъ муки своего возлюбленнаго, сердце ея рвется къ нему; но страсть обуздывается въ ней высшимъ началомъ, она помнить то что забываетъ Стріангей — что она не только женщина, но и царица, что честь ея связана съ честью народа, что послѣдней не властна она приносить въ жертву личнымъ своимъ

привязанностямъ, хотя-бы и могла сдѣлать это почти безнаказанно зная народную къ себѣ любовь, вполнѣ ею заслуженную. И какая благородная заботливость при этомъ, чтобы, уступивъ своей любви, не разбить тѣмъ сердца другой женщины, соперницы своей въ любви — жены Стріангея! И какія высокія понятія о нравственномъ самообладаніи въ бесѣдѣ ея съ этимъ-послѣднимъ![1]

Все это прекрасно — могутъ сказать скептики — но всѣ эти высокія чувства и благородныя рѣчи вложены въ Зарину историкомъ ея Ктесіемъ, а сама она въ-дѣйствительности была, можетъ статься, весьма не похожа на тотъ свѣтлый идеалъ который вздумалось олицетворить въ ней греческому писателю. При такомъ возраженіи, мы, въ свою очередь, спросимъ: почему-же ни этотъ лейбъ-медикъ персидскаго падишаха, ни Геродотъ и никто изъ Грековъ писавшихъ про Азіатцевъ, не рисуютъ намъ въ подобныхъ чертахъ никакой другой царицы, никакой другой женщины въ Передней-Азіи? Почему только сакская царица Зарина является такою исключительностію, и подходитъ къ ней

---

[1] Характеромъ Зарины, еще задолго до насъ, восхищался уже французскій академикъ Буавэнъ-старшій: Les sentiments héroïques de la reine Zarine sont quelque chose de si admirable, qu'ils donnent de la jalousie non seulement aux philosophes, mais aux chrétiens, читаемъ въ небольшомъ мемуарѣ его «Histoire de Zarine et de Stryangée», помѣщенномъ въ Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres, t. II (1736), p. 63-79. «Ce sujet — замѣчаетъ онъ въ духѣ своего времени — semble fait exprès pour être la matière d'une tragédie (ibid. p. 64).

по красотѣ образа, хотя и въ другомъ родѣ, также степная только женщина, царица массагетская Томирисъ? — Потому что это такъ и должно было быть, потому-что только при той свободѣ которою пользуются кочевники, при томъ духѣ независимости какимъ они проникнуты, и могли образоваться подобные характеры, подобныя понятія, почти-немыслимые при гаремномъ воспитаніи и гаремной жизни женщинъ Передней-Азіи. Ктесій не былъ въ положеніи Тацита, возвышавшаго Германцевъ въ пику Римлянамъ; у Ктесія нигдѣ не видно желанія возвышать кочевниковъ насчетъ осѣдлыхъ: стало-быть образъ Зарины у него — не идеалъ имъ созданный, а прекрасная дѣйствительность, молва о которой дошла до него такъ или иначе. Въ качествѣ комментарія на характеръ Зарины, можно замѣтить также что пріобрѣтеніе уваженія между своими и теперь у Киргизовъ первый стимулъ ихъ дѣйствій, а чувство стыда передъ своими — могущественнѣйшій рычагъ останавливающій ихъ страсти[1].

Но чтобы могли возникать между Саками женскія личности подобныя Заринѣ, надо чтобы и мужчины у нихъ были способны цѣнить подобные характеры, т. е. тоже стоять на значительной нравственной высотѣ. Одно безъ другаго немыслимо. И мы видимъ что

[1] Объ этихъ чертахъ киргизскаго характера едва-ли упоминается въ какихъ-либо сочиненіяхъ о Киргизахъ; тѣмъ-не-менѣе черты эти хорошо извѣстны всѣмъ имѣвшимъ случай близко ознакомиться съ этимъ народомъ.

блистательнѣйшій въ Азіи примѣръ патріотическаго самоотверженія приписывается греческимъ писателемъ Поліэномъ тоже никому иному какъ сакійцу, табунщику Сираку, добровольно подвергнувшему себя изувѣченію и потомъ радостно встрѣтившему смерть, чтобы только отвратить вторженіе грозившее его родинѣ. Свободные, Саки являются готовыми мужественно отстаивать независимость свою противу всякаго завоевателя, какъ-бы ни былъ онъ могуществен; сломленные превосходными силами, являются они въ войскахъ покорителей своихъ лучшими ихъ воинами: въ Мараѳонской битвѣ, по свидѣтельству Геродота, поразили они Аѳинянъ, въ сраженіи при Платеяхъ наибольшею храбростію отличилась, по тому же писателю, сакская конница, и особою доблестію ознаменовали себя Саки, по Діодору, также и въ бою при Ѳермопилахъ. Изъ Ктесія видимъ что разбитый и плѣненный Киромъ, царь Саковъ Аморгъ, помирившись съ персидскимъ завоевателемъ, искренно помогаетъ ему потомъ воевать Лидійцевъ, и спѣшитъ на выручку къ Киру когда пришлось ему плохо въ войнѣ противу Дербиковъ: значитъ и въ качествѣ союзниковъ, Саки показывали себя вѣрными и стойкими въ словѣ даже противу прежнихъ враговъ своихъ, и при возможности погубить этихъ враговъ — опять черта благородства, крайне рѣдко встрѣчающаяся въ Исторіи. Посмотрите, затѣмъ, какимъ славнымъ и честнымъ малымъ, настоящимъ бедуиномъ арабскихъ касидъ, выходитъ у Ксенофонта молодой сакіецъ, обскакавшій всѣхъ товарищей сво-

ихъ на конскомъ ристалищѣ устроенномъ въ Вавилонѣ Киромъ! Не кидаетъ, наконецъ, тѣни на нравственность Саковъ и Эліановъ разсказъ о борьбѣ у нихъ дѣвицъ съ юношами; напротивъ, по отношенію къ чувству скромности и стыдливости, онъ ставитъ Саковъ гораздо выше строгихъ Спартанцевъ, у которыхъ дѣлалось тоже самое, но открыто, тогда-какъ, по Эліану, борьба юноши съ дѣвушкою производилась у Саковъ въ подземельяхъ, и не служила позорищемъ для посторонней публики.

Такимъ образомъ историки классической Древности, сообщаютъ о Сакахъ лишь тѣ или другія черты рѣдкой чистоты и высоты душевной, и ни у одного изъ нихъ не встрѣчаемъ объ этомъ народѣ ничего такого что̀ могло-бы быть обращено ему въ укоризну: нельзяже считать этого чистою случайностію, тѣмъ болѣе что и о характерѣ Скиѳовъ вообще Древніе не отзываются иначе какъ съ уваженіемъ, упрекая ихъ лишь въ пристрастіи къ выпивкѣ. Выходитъ что Саки были народомъ изъ ряду вонъ по ихъ прекраснымъ нравственнымъ качествамъ.

Относительно политическаго устройства этого народа узнаёмъ изъ писателей объ немъ упоминающихъ не болѣе того что управлялся онъ властелинами которыхъ греческіе историки титулуютъ «царями» (Βασιλεύς), и что за плѣномъ или смертію царей, власть переходила въ руки къ ихъ женамъ и вдовамъ (Спаретра, Зарина). Такъ было у Саковъ западныхъ; что-же касается до восточныхъ, или «за-яксартскихъ», то

изъ сказанія Поліэнова о походѣ Дарія противу нихъ должно заключать что состояли они изъ нѣсколькихъ союзныхъ родовъ, каждый изъ коихъ управлялся своимъ особымъ царькомъ. Тоже слѣдуетъ и изъ полусохранившагося текста Бисютунской надписи. Такимъ образомъ той полной гинекократіи какую находитъ Бахофенъ почти у всѣхъ народовъ при переходѣ ихъ отъ первоначальной общности женщинъ къ семейному и общественному преобладанію мужчины[1], и какая, по Діодору (кн. II, гл. 44), существовала долгое время у Азіатскихъ Скиѳовъ, — у Саковъ не оказывается; но видно что женщина пользовалась у нихъ тою же самостоятельностію и уваженіемъ какія составляли и составляютъ удѣлъ женскаго пола у всѣхъ кочевыхъ народовъ Средней-Азіи[2]. Относительно именъ трехъ

---

[1] J. J. Bachofen: Das Mutterrecht (Stuttgart, 1861), s. 10-22 и все предисловіе.

[2] См. объ этомъ въ изслѣдованіи моемъ: «О достовѣрности ярлыковъ данныхъ ханами Золотой-Орды Русскому Духовенству» (Москва, 1842), стр. 65-73. — Уваженіе къ женщинѣ переносили съ собою среднеазійскіе кочевники и въ тѣ осѣдлыя страны гдѣ селились. Китайскій историкъ Баньгу сообщаетъ, со словъ соотечественниковъ своихъ ѣздившихъ въ западные края, что «отъ Давани (Ферганы) до Аньси (Пареянскаго Царства), жители всюду уважаютъ женщинъ: что̀ скажетъ жена, мужъ не смѣетъ не выполнить» (см. «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней-Азіи» отца Іакинѳа Бичурина, Спб. 1851, ч. III, стр. 22). Означеннымъ пространствомъ владѣлъ въ то время (въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х.) народъ Юети (Геты), вышедшій изъ глубины Средней-Азіи. Одинъ изъ родовъ юетійскихъ, Кушанцы, властвовали въ Бактріанѣ долгое время послѣ того, и вотъ, въ описаніи нравовъ этихъ Кушанцевъ у Псевдо-Бардесана читаемъ, между прочимъ: «Жены Кушанцевъ не имѣютъ никакого страха передъ мужьями своими,

царей упоминаемыхъ Поліэномъ (Сакесфаръ, Омаргъ, Ѳамиръ) замѣтимъ здѣсь кстати что имена эти представляются намъ вымышленными, а не дѣйствительными. Помня что во время похода Даріева на Саковъ управлялись они тремя царями, преданіе забыло ихъ имена, а Поліэнъ, или древнѣйшій источникъ изъ котораго черпалъ онъ свои анекдоты о Сакахъ, найдя по чему-либо нужнымъ поименовать означенныхъ царей, далъ имъ имена собственнаго изобрѣтенія, *Сакесфара* сочинивъ изъ народнаго имени *Саковъ*, *Омарга* передѣловъ изъ Ктесіева *Аморга* (мужа Спаретры), а *Ѳамира* образовавъ изъ Геродотой *Томирисъ*; царицы массагетской.

Переходя за симъ къ вопросу о происхожденіи Саковъ, т. е. о принадлежности ихъ къ той или другой изъ группъ на которыя этнографія, съ помощію лингвистики, дѣлитъ существующее человѣчество, мы, прежде всего, должны оговориться насчетъ одного обстоятельства. Стараясь выяснить бытъ и степень культурности Саковъ, мы, нѣсколько разъ, для наглядности дѣла, указывали на паралельныя явленія въ быту нынѣшнихъ обитателей тѣхъ степей которыя занимали нѣкогда Саки — въ быту Киргизовъ. Это нисколько не значитъ чтобы мы считали нынѣшнихъ Киргизовъ потомками Саковъ, или даже признавали между тѣми и другими хотя малѣйшее кровное сродство. Степь съ

ибо Кушанцы женъ своихъ считаютъ высшими себя» (см. въ Collection des historiens de l'Arménie, par Victor Langlois, vol. I p. 85).

вызываемыми ею условіями жизни кладетъ такую печать однообразія на своихъ обитателей, что какого-бы племени люди ни жили въ ней, какъ-бы различны ни были они по основнымъ началамъ своей природы — всѣ принимаютъ необходимо общую-степную или общекочевую физіономію. Читаешь довольно-обтоятельныя описанія которыя оставили намъ Китайцы о кочевникахъ тибетскаго, маньчжурскаго, монгольскаго и тюркскаго языка, имѣвшихъ дѣло съ Китаемъ въ разныя времена, и не замѣчаешь почти никакого различія въ этихъ описаніяхъ, какъ-будто объ одномъ и томъ же народѣ идетъ постоянно рѣчь. Рѣдко-рѣдко встрѣчается какая-нибудь отличительная черта въ родѣ того что, вотъ, такіе-то инородцы распускаютъ волосы, а такіе-то заплетаютъ ихъ въ косу. И происходитъ это вовсе не отъ того чтобы Китайцы не умѣли, или не хотѣли, подмѣчать отличій между кочевниками, а отъ того что крайне-трудно подмѣтить эти отличія, что онѣ весьма немногочисленны и малосущественны. Кочевники Средней-Азіи болѣе близкіе къ югу, находясь въ соприкосновеніи и сношеніяхъ съ народами болѣе ихъ подвинувшимися на пути промышленности, естественно заимствуютъ отъ послѣднихъ что̀ могутъ заимствовать: оружіе, одежду, утварь. Эти заимствованія отъ южнѣйшихъ кочевниковъ переходятъ мало-по-малу къ ихъ сѣвернымъ сосѣдямъ, и такимъ образомъ устанавливается незамѣтно между всѣми кочевниками одинаковость вооруженія, одѣянія, украшеній. Покрой одежды, форма обуви, типъ колпаковъ, разъ

установившіеся, остаются затѣмъ безъ измѣненія цѣлые ряды вѣковъ. Поэтому, когда южнѣйшіе кочевники уходятъ куда-либо съ тѣхъ земель которыя занимали, и зѐмли эти достаются ихъ сѣвернымъ сосѣдямъ, эти-послѣдніе являются, и по вооруженію, и по костюму, и по обуви, и по другимъ статьямъ, — совершенно-похожими на своихъ предмѣстниковъ. Сходство-же обычаевъ между тѣми и другими устанавливается, какъ сказано уже, одинаковостію условій степной природы, однѣми и тѣми же потребностями скотоводства и кочеваго образа жизни. Оттого между кочевниками принадлежащими по крови къ совершенно-различнымъ племенамъ можетъ оказываться, въ бытѣ ихъ, обычаяхъ и устройствѣ, гораздо болѣе общаго чѣмъ между соплеменниками изъ которыхъ одни осѣли, а другіе продолжаютъ еще кочевать. Такимъ же образомъ и условія городской жизни налагаютъ на горожанъ всѣхъ народовъ наружность которая рѣзко отдѣляетъ ихъ отъ поселянъ, такъ-что горожане чужеплеменники нерѣдко походятъ другъ на друга болѣе чѣмъ горожанинъ и селянинъ родственные по крови.

Вслѣдствіе изложенныхъ обстоятельствъ, Саки за пятьсотъ, за тысячу лѣтъ до Р. Х. могли весьма во многомъ сходствовать съ нынѣшними обитателями принадлежавшихъ имъ тогда степей, не имѣя ничего общаго съ ними въ племенномъ отношеніи. Къ какому-же племени принадлежали Саки?

Страбонъ одинаково причисляетъ къ скиѳскимъ народамъ, какъ Массагетовъ съ Саками, такъ и Даевъ

(кн. XI, гл. 8, § 2). Причисленіе къ Скиѳамъ покуда ничего не доказываетъ въ этнографическомъ отношеніи, такъ-какъ не разобрано еще достаточно-удовлетворительнымъ образомъ: къ какой изъ извѣстныхъ намъ зоологически и лингвистически породъ человѣчества принадлежали они, если считать ихъ за особое племя; ибо какъ азіатскихъ, такъ и европейскихъ Скиѳовъ можно считать за сбродъ народовъ разноплеменныхъ, имѣвшихъ въ глазахъ Грековъ только то общаго, что почти всѣ они не знали постоянной осѣдлости. Но указаніе на сродство Саковъ съ Даями весьма-важно, такъ-какъ Геродотъ считаетъ Даевъ персскимъ (I, 125), слѣдовательно арійскимъ родомъ. Кромѣ-того, за родственныхъ съ Саками и Массагетами признаётъ также Страбонъ и Хоразмійцевъ, народъ, какъ сдѣлалось недавно извѣстнымъ изъ многихъ словъ его языка, говорившій, какъ и Согдійцы, нарѣчіемъ близкимъ къ древне-персскому и зендскому (нынѣ называемому древне-бактрійскимъ), слѣдовательно тоже принадлежавшій къ вѣтвямъ арійскаго происхожденія. Изъ означенныхъ свидѣтельствъ Страбона выводится что Саки были родственны, какъ собственно Персамъ, такъ и другимъ населявшимъ Трансоксіану и Бактріану народомъ персскаго языка, были, значитъ, Арійцы — выводъ прямо-противуположный господствующему въ западно-европейской наукѣ мнѣнію будто Саки, какъ и всѣ другіе кочевники по Яксарту и за Яксартомъ, принадлежали къ числу Туранцевъ, разумѣя подъ Туранцами народы Средней и Сѣверной

Азіи чуждые арійскому племени: угорскіе, тюркскіе, монгольскіе и т. д.

Въ виду означеннаго мнѣнія, весьма естественно усомниться въ вѣрности нашего, противорѣчащаго ему, вывода: что̀ за авторитетъ Страбонъ въ дѣлѣ сродства среднеазіатскихъ народовъ, столь мало извѣстныхъ, и ему, и всей классической Древности, чтобы на показаніяхъ его, видимо поверхностныхъ, основывать заключеніе идущее въ разрѣзъ съ убѣжденіями огромнаго большинства ученыхъ Европы? Авторитетомъ Страбона мы, пожалуй, были-бы готовы поступиться, если-бы мнѣніе Западной Европы о туранизмѣ скиѳскихъ народовъ по Яксарту и за Яксартомъ опиралось на какія-либо уважительныя основанія; а то оно — смѣло утверждаемъ это — и возникло изъ недоразумѣній, и поддерживается лишь недоразумѣніями. Мало, вѣдь, того что мнѣніе это признаетъ Туранцами народы за-яксартскіе: за Туранцевъ же считаетъ оно даже населеніе Трансоксіаны, т. е. къ сѣверу отъ Окса, въ тоже время Бактріану и Согдіану принимая положительно за колыбель Арійцевъ! Какая именно часть земной поверхности послужила разсадникомъ для Арійскаго Племени — объ этомъ, въ настоящемъ положеніи нашихъ лингвистическихъ, археологическихъ и геологическихъ знаній, можно только гадать, точно такъ же какъ о колыбели Симитовъ, Хамитовъ, и прочихъ Яфетидовъ: положительнаго объ этомъ мы ничего не знаемъ, потому что еще знать не

можемъ[1]. Относительно-же Бактріаны, Согдіаны и смежной съ послѣднею Хоразміи извѣстно несомнѣннымъ образомъ что, съ тѣхъ поръ какъ начинаютъ упоминать объ этихъ странахъ историческіе документы, являются онѣ съ населеніемъ говорящимъ нарѣчіями персскаго отдѣла арійской семьи языковъ. Китайцы познакомились впервые съ означенными странами въ концѣ II-го вѣка до Р. Х., и китайскія извѣстія того времени гласятъ что «отъ Давани (Ферганская-Долина) на западъ до Аньси (Пароянское Царство) хотя говорятъ различными языками, но въ обыкновеніяхъ весьма сходствуютъ, и въ разговорахъ понимаютъ другъ друга; (что-же касается до наружности, то) жители (на помянутомъ протяженіи) вообще имѣютъ впалые глаза и густыя бороды»[2]. Впалые глаза и густыя бороды — развѣ это признаки кото-

---

[1] О первоначальныхъ гнѣздахъ племенъ человѣческихъ позволительно было толковать въ то время когда думали что земная поверхность не измѣнила своего вида съ тѣхъ поръ какъ явился на ней человѣкъ; теперь-же, когда извѣстно несомнѣннымъ образомъ что человѣчество существовало на землѣ уже въ ледниковый періодъ, послѣ чего конфигурація суши и климатъ въ разныхъ частяхъ земнаго шара измѣнялись существеннымъ образомъ, разсужденія о томъ гдѣ могло возникнуть первоначально то или другое племя — утрачиваютъ всякое основаніе. Поэтому представляются намъ одинаково неудовлетворительными, какъ соображенія тѣхъ которые находятъ гнѣздо Арійцевъ въ Бактріанѣ, такъ и недавно высказанное Бенфеемъ мнѣніе (въ предисловіи къ Фикову Wörterbuch der indogermanischen Grundsprache, Göttingen, 1868, s. IX) будто въ Азію могли выселиться они изъ Европы.

[2] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 22.

рыми можетъ быть охарактеризовано какое-либо изъ среднеазіатскихъ туранскихъ племенъ? И развѣ, наоборотъ, это не характеристическія черты наружности именно персскаго отдѣла арійской семьи народовъ? Такимъ образомъ, какъ дошедшіе до насъ слѣды языка Согдійцевъ и Хоразмійцевъ, такъ и древнѣйшія китайскія показанія о ихъ наружности, согласно свидѣтельствуютъ что народонаселеніе этихъ странъ было издревле арійское, персской отрасли. Таково же и нынѣшнее ихъ туземное населеніе, Таджики, или Сарты — народъ, и по облику, и по языку, тождественный съ нынѣшними Персіянами[1]. Гдѣ-же основанія полагать что обитатели этихъ странъ въ V-мъ, въ VI-мъ вѣкѣ до Р. Х. принадлежали къ туранскимъ племенамъ?

Посмотримъ теперь есть-ли основанія считать не арійскимъ, а туранскимъ, населеніе которое, въ ту же пору, занимало страны смежныя съ Трансоксіаною къ востоку и къ сѣверу.

Съ востока прилегаетъ къ Трансоксіанѣ Памирская-Высь или Цунлинъ Китайцевъ, съ бассейномъ рѣки Тарима — пространство о которомъ у

---

[1] См. Борнса (въ французскомъ переводѣ его Travels into Bokhara, vol. III, p. 209-210), Н. Ханыкова («Описаніе Бухарскаго Ханства». Спб. 1843, стр. 55), В. Радлова («Средняя Зерафшанская Долина», въ IV-мъ томѣ «Записокъ» Этнографическаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества, стрн. 59) и другихъ. Языкъ нынѣшнихъ Таджиковъ изслѣдованъ мною въ особомъ приложеніи къ изданнымъ мною же «Запискамъ Мирзы-Шемса Бухари» (Казань, 1861), писаннымъ на этомъ языкѣ, стрн. 111-125.

классиковъ Древности до эпохи Р. Х. не находимъ почти никакихъ извѣстій, да о которомъ и послѣ того, какъ видимъ изъ Птоломея, имѣли они весьма сбивчивыя свѣдѣнія. Китайцы, напротивъ того, весьма близко познакомились съ этимъ пространствомъ еще въ-теченіе I-го вѣка до Р. Х., вели съ тѣхъ поръ постоянныя сношенія съ его населеніемъ, бо̀льшею-частію даже подчинявшимся ихъ власти, и вотъ что̀ говорятъ они объ немъ: «Отъ Гао-чан'а (въ нынѣшнемъ Пичанскомъ Округѣ) къ западу все мѣстное населеніе имѣетъ глаза̀ впалые, а носъ выпуклый; одни только Хотанцы составляютъ исключеніе изъ этого, имѣя не такія странныя черты лица, а представляя въ этомъ отношеніи большое сходство съ жителями Срединнаго-Царства (Китая)»[1]. Люди съ глазами глубоко сидящими въ орбитахъ своихъ и съ рѣзко-выдающимся носомъ естественно должны казаться плосконосымъ и съ глазками на выкатѣ Китайцамъ имѣющими странную физіономію; но эта странность — лучшее свидѣтельство ка̀къ поразительно наружность обитателей Таримскаго-Бассейна отличалась отъ наружности свойственной Китайцамъ вмѣстѣ съ другими туранскими племенами. Такимъ образомъ, по китайскимъ показаніямъ, населеніе означеннаго бассейна, было, по чертамъ лица, однородно съ тѣмъ которое простиралось далѣе на западъ (въ Бактріану и Согдіану), принадлежало, слѣдовательно, къ арійской вѣтви человѣчества.

[1] Histoire de la ville de Khotan, par Abel-Rémusat (Paris, 1820), p. 20.

Одни только Хотанцы составляли исключеніе, наружностію своею подходя къ Китайцамъ — потому, быть-можетъ, что принадлежали уже не къ Арійцамъ, а къ Тибетцамъ, или по-крайней-мѣрѣ представляли помѣсь Арійцевъ съ Тибетцами. Предпочитать эту-послѣднюю гипотезу заставляетъ то обстоятельство что въ самой земли Хотанцевъ встрѣчаемъ нѣсколько мѣстностей съ названіями объясняющимися лишь изъ санскритскаго языка[1], а это приводитъ къ мысли что въ населеніи Хотана имѣлся, во всякомъ случаѣ, значительный процентъ арійской крови. Китайское свидѣтельство на которомъ преимущественно основывается убѣжденіе наше въ принадлежности древняго населенія Таримскаго-Бассейна къ арійской вѣтви народовъ, относится, правда, не ранѣе какъ къ V-му столѣтію по Р. Х.[2]; но если арійскимъ было населеніе страны о которой идетъ теперь рѣчь, еще черезъ пять вѣковъ по Р. Х., то подавно такимъ же было оно и за пять,

---

[1] На-примѣръ, самый городъ Хотанъ, собственно *Кустана*, гора *Гошрина* и т. д. См. Сюань-Цзановы «Записки», въ переводѣ Ст. Жюльена, II, 223 и 229.

[2] Позже, уже изъ временъ владычества Танской Династіи, имѣемъ мы свидѣтельство что часть жителей Восточнаго-Туркестана, именно населеніе Кашгарскаго-Владѣнія, было не только арійскаго происхожденія, но принадлежало къ сѣверной вѣтви Арійцевъ, ибо, при статномъ ростѣ, имѣло голубые глаза (« Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, 224). У Клапрота, въ Tableaux historiques de l'Asie, p. 166, находимъ китайское извѣстіе что жители Кашгара имѣли не только голубые глаза, но и волосы бѣлокурые. Откуда взялъ Клапротъ это извѣстіе, я не знаю, а не зная источника не считаю возможнымъ основываться и на самомъ показаніи.

за десять вѣковъ до этой эпохи, ибо не имѣется никакихъ указаній чтобы во весь періодъ этотъ бассейнъ Тарима подвергался какому-либо наплыву народовъ съ запада. Наконецъ, подтвержденіемъ стародавности арійскаго населенія въ бассейнѣ Тарима служитъ и то обстоятельство что остатки этого населенія сохраняются тамъ и доселѣ, скученные по городамъ, куда, какъ и въ Трансоксіанѣ, втиснули его позднѣйшія вторженія Туранцевъ (Турокъ и Калмыковъ).

Обращаемся къ пространствамъ сосѣднимъ съ Трансоксіаною на сѣверъ отъ нея — къ степямъ по правому берегу Яксарта, населяемымъ нынѣ Киргизами. Относительно занимающаго насъ вопроса, достаточно сказать что здѣсь во второмъ и въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., Китайцы собственными глазами видѣли обитающимъ народъ называемый ими *Яньцай*, иначе *Аланна* [1], народъ несомнѣнно тождественный съ *Асами* или *Аланами* греческихъ и римскихъ писателей, начавшими пробираться въ Восточную-Европу, вслѣдъ за Сарматами, около того же времени [2], и затѣмъ господствовавшими по низовьямъ Волги и Дона до самой половины IV-го вѣка по Р. Х.; Аланы-же, по тому описанію ихъ наружности которое находимъ у Амміана-Марцеллина (кн. XXXI), были несомнѣнно народомъ

---

[1] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 6 и 121.

[2] Объ Аланахъ см. у Zeuss'a (Die Deutschen und die Nachbarstämme, München, 1837, ss. 700-706) и Вивьенъ-Сенъ-Мартена (Etudes ethnographiques et historiques sur les peuples nomades qui se sont succédé au nord du Caucase dans les six premiers siècles de notre ère, отдѣлъ les Alains).

арійскаго происхожденія, что̀ доказывается и языкомъ потомковъ ихъ, Осетинъ[1], доселѣ существующихъ на Кавказѣ. Оказывается, такимъ образомъ, что хвосты Арійцевъ передвигавшихся изъ Средней-Азіи въ Восточную-Европу оставались въ первой еще около временъ рождества Христова (оставались и позже, но съ насъ достаточно пока и этого). Тѣмъ-болѣе могли и должны были сидѣть Арійцы на Яксартѣ за пять и болѣе вѣковъ до нашей эры, въ видѣ остатковъ тѣхъ Германцевъ, Славянъ, Литовцевъ, Эллиновъ, Ѳракійцевъ, Италійцевъ и Кельтовъ, которые давно уже передъ тѣмъ ушли изъ Азіи въ Европу и заняли ее вплоть до Геркулесовыхъ Столбовъ. Туранскія племена стали селиться сплошными массами[2] въ степяхъ при-яксартскихъ, лишь по мѣрѣ ухода въ Европу занимавшихъ эти степи разныхъ арійскихъ колѣнъ, должно полагать, не ранѣе III-го вѣка по Р. Х. До тѣхъ-же-поръ — утверждаемъ мы — ни по Яксарту, ни къ югу отъ этой рѣки никакихъ туранскихъ народовъ не жило[3]!

---

[1] Клапротъ (въ Tableaux historiques de l'Asie, p. 174-180), Вивьенъ-Сенъ-Мартенъ (l. c.), Шёгренъ (Осетинская Грамматика, Спб. 1844), Фридр. Мюллеръ (Ueber die Stellung des Ossetischen im iranischen Sprachkreise, въ Sitzungsberichten der Wiener Akad. XXXVI, 1).

[2] Спорадически, небольшими колѣнами, которыя, по тѣмъ-или-другимъ причинамъ, отрывались отъ родныхъ племенъ и увлекались вслѣдъ за уходившими сосѣдями-Арійцами, могли, конечно, проникать до Яксарта и народы туранскаго происхожденія. Противъ этого трудно было-бы спорить a priori, хотя въ-дѣйствительности не извѣстно мнѣ ни одного случая такого рода.

[3] Такимъ образомъ не открываю я ничего новаго, а лишь

Откуда возникло мнѣніе о туранизмѣ населенія на означенныхъ пространствахъ, равно-какъ и къ востоку отъ Согдіаны и Бактріаны, объяснено будетъ ниже; теперь-же, не довольствуясь несомнѣнною изъ вышеизложеннаго принадлежностію этого населенія къ арійской семьѣ, посмотримъ нельзя-ли узнать и того, къ какой именно изъ вѣтвей этой великой семьи принадлежали Саки, — такъ-какъ не подлежитъ сомнѣнію что за пять, за семь вѣковъ до Р. Х., семья арійскихъ народовъ являлась уже расчлененною на основныя

нѣкоторыми соображеніями подтверждаю мысль Клапрота горячо и рѣшительно высказанную этимъ орьенталистомъ уже около пятидесяти лѣтъ тому. Pour se faire une idée exacte de l'état ethnographique de ce vaste pays (l'Asie moyenne), depuis le temps d'Hérodote jusqu'à la naissance de J. C. — читаемъ въ его Tableaux historiques de l'Asie, p. 161 — il faut se pénétrer de cette *vérité*, que les nations de race turque ne s'etendaient alors à l'occident que jusqu'aux confluents supérieurs de l'Oxus et du Jaxartes. La contrée que nous sommes accoutumés d'appeler la petite Boukharie n'était pas entièrement occupée par les Turcs; elle se composait anciennement de plusieurs principautés, qui étaient tantôt libres, tantôt soumises à ce peuple, dont la véritable patrie se trouvait plus à l'orient, entre la Chine, l'Altaï et le lac Baïcal. La population de tous les pays situés au nord du Caucase, de la mer Caspienne, de l'Oxus et du Paropamise se composait presque entièrement de tribus d'origine indo-germanique, qui parlaient les langues dont la plupart des racines se retrouvent dans le sanscrit, le persan, les idiomes tudesques, slaves et autres appartenants à la même souche... Des tributs de cette même race étaient anciennement répandus jusqu'aux confins de la Chine et jusqu'aux monts Altaï; elles y étaient dispersées parmi les hordes turques et tubétaines; les Parthes, les Bactriens, les Sogdiens, les Khorasmiens, les Gètes et Massagètes, les Alains, les Aorses, les Roxolans, les Jazyges, et tant d'autres, appartenaient tous à cette grande souche de peuples. Абель-Ремюза говорилъ тоже самое еще ранѣе Клапрота, съ тою лишь разницею что въ арійскомъ населеніи Средней-Азіи видѣлъ

вѣтви свои: Индѣйцевъ-арійскихъ, Персовъ, Кельтовъ, Иллировъ, Ѳраковъ, Италійцевъ, Эллиновъ, Славянъ, Литовцевъ и Германцевъ. Если въ чемъ можно сомнѣваться по отношенію къ этому предмету, такъ единственно на счетъ того, были-ли уже тогда выдѣлившись, въ той группѣ Арійцевъ которая дала существованіе Германцамъ, Славянамъ и Литовцамъ, всѣ три отдѣла эти, или Германцы успѣли уже обособиться, тогда-какъ Литовцы сливались еще со Славянами. Поэтому, говоря «Славяне», мы будемъ понимать Славянъ въ нераздѣльности отъ Литовцевъ.

только предковъ Германцевъ, умалчивая о Славянахъ: Quelque paradoxale que paroisse cette assertion, je crois que la famille des nations Gothiques a jadis occupé de grands espaces en Tartarie; que plusieurs de ses branches ont habité dans la Transoxane, et jusque dans les montagnes d'Altaï, et qu'elles y ont été bien connues des peuples de l'Asie orientale, lesquels ne pouvaient manquer d'être frappés de la singularité de leurs langues, de leurs chevelures blondes, de leurs yeux bleux, de la blancheur de leur teint, signes si remarquables au milieu des hommes basanés, au yeux bruns et aux cheveux noirs, qui les ont définitement remplacés — говорилъ Абель-Ремюза въ первой части своихъ Recherches sur les langues Tartares (p. XLIV—XLV), обѣщаясь доказать эту тему во второй части того же труда, которая, къ-сожалѣнію, не явилась въ свѣтъ. — Стòитъ взглянуть на этнографическую карту Средней-Азіи по Птоломею, чтобы изъ однѣхъ народныхъ именъ къ сѣверу отъ Яксарта убѣдиться въ отсутствіи здѣсь всякаго туранскаго элемента. Въ одномъ только углу къ западу отъ сѣвернаго протяженія Имайскаго-Хребта, углу образуемомъ небольшою цѣпью горъ съ с.-з. упирающеюся въ этотъ хребетъ подъ 50° с. ш., видите вы, какъ-бы въ подтвержденіе общей темы путемъ единственнаго исключенія, что живутъ тутъ люди другаго, неарійскаго племени — Ἀναραῖοι, какъ это, весьма остроумно, по мнѣнію нашему, замѣчено уже Мюлленгофомъ (въ Monatsberichten der Kön. Akad. der Wissenschaften zu Berlin, 2 August 1866, s. 551).

По всѣмъ соображеніямъ лингвистическимъ, географическимъ и историческимъ, Германцы и Славяне были послѣдними изъ арійскихъ колѣнъ оставившихъ Среднюю-Азію на пути въ Европу; слѣдовательно въ арійскихъ племенахъ сидѣвшихъ около VI-го вѣка до Р. Х. по Яксарту, можемъ мы признавать лишь Германцевъ и Славянъ. Къ которому-же изъ двухъ племенъ этихъ принадлежали Саки?

Мы полагаемъ что скорѣе къ Славянамъ[1], и вотъ на какихъ основаніяхъ:

Саки (какъ и Массагеты) вооружены были, по Геродоту, между прочимъ, особаго вида топорами, носившими техническое названіе *сагаръ*. Топоры эти, весьма вѣроятно, были того же самаго вида какъ *ай-балта* у нынѣшнихъ Киргизовъ, т. е. маленькій топорикъ на тонкой и длинной рукояткѣ. Оружіе такого рода звалось у насъ встарину тѣмъ же самымъ именемъ какимъ называетъ Геродотъ военный топоръ Саковъ — *сѣкирою*. Въ лингвистическомъ тождествѣ *сагар*'а и *сѣкир*'ы не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Корень этого слова, *сѣк*, встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ[2]. Тотъ же корень, и въ томъ же значеніи «рубитъ», «дѣлить на части ударяя острымъ орудіемъ», существовалъ и въ латинскомъ — важнѣйшемъ для насъ представителѣ древне-италійскихъ языковъ (sec-

---

[1] И это нисколько не новость: Славянами были Саки, какъ по Ф. Г. Бергману, такъ по Маннерту и Линднеру, признающимъ всѣхъ Скиѳовъ за праотцевъ нынѣшнихъ славянскихъ народовъ.

[2] См. въ Словарѣ Линде, подъ корнями siec и siek.

аге, «сѣчь», «косить»), откуда перешелъ въ-послѣдствіи, какъ въ ново-итальянскій (segare, «раскалывать», «косить»), такъ и въ испанскій (segar, «косить»). Отъ этого же корня осталось для насъ въ латинскомъ securis, «сѣкира», «топоръ», свидѣтельствующее что «сѣкира» была кореннымъ и любимымъ оружіемъ Арійцевъ западнаго отдѣла[1] — любимымъ до того что и самый «бой» не назывался у Славянъ иначе какъ «сѣчью», чего не могло-бы быть если-бы они бились по-преимуществу копьями, стрѣлами или палицами. Наши предки даже на судебный поединокъ выходили съ сѣкирами или топорами[2]. Тождественность *сагар*'а и *сѣкир*'ы доказываетъ собственно только арійство, а не славянство Саковъ; но какъ за шесть вѣковъ до Р. Х. италійскіе Арійцы сидѣли уже на Апеннинскомъ-Полуостровѣ, а не на степяхъ при-яксартскихъ, гдѣ могли оставаться лишь предки Германцевъ да Славянъ, и какъ въ германскихъ языкахъ, ни корня *сѣк*, ни слова «*сѣкира*» не сохранилось[3], то означенная тождествен-

---

[1] По полигистору византійскому Цецесу (Tzetzes), Саки были изобрѣтателями и другаго оружія, именно щита («Хиліады», XII, 894). Къ такому заключенію привело его, по всей вѣроятности, греческое имя этого оборонительнаго оружія — σάκος.

[2] По словамъ Герберштейна (Rerum Moscoviticarum Commentarii, Basileae, 1556, p. 54).

[3] Въ языкахъ германской семьи славянскому корню *сѣк* соотвѣтствуетъ корень *hack*: нѣмецкое hacken, шведское hacka, англійскія hack и hash. Поэтому, еслибы Саки были народомъ германскаго племени, «сѣкира», называлась-бы у нихъ не *сѣкир*'ою, въ греческой передачѣ sagaris, а hacker'омъ, какъ слово hacke и существуетъ дѣйствительно въ нѣмецкомъ языкѣ. Производныя-же отъ корня *сѣк*, сохранившіеся въ германскихъ язы-

ность указываетъ въ Сакахъ — народъ славянскаго языка.

Другимъ указаніемъ на славянство Саковъ служитъ намъ имя царицы ихъ, *Зарины* (у Діодора) или *Заринеи* (у Николая-Дамаскина). И по звукамъ, и по формѣ, имя это — явно славянское, производное отъ слова *заря*. Слово это, общее всѣмъ славянскимъ языкамъ[1], не встрѣчается въ другихъ европейско-арійскихъ: у Эллиновъ тотъ же предсолнечный свѣтъ звался ἠώς, у Римлянъ — aurora, у Германцевъ — ostara[2]. Судя по строю имени *Зарина* или *Заринея*, можно полагать что царица Саковъ звалась у нихъ *Зорыня* (подобно тому какъ имѣются въ славянскихъ языкахъ имена *Борыня*, *Добрыня*, *Драгыня*, *Горыня*[3]), тѣмъ болѣе что у насъ было и мужское имя *Зорынь*[4], а у Сербовъ *Зо-*

кахъ съ удержаніемъ звука *с*, вмѣсто соотвѣтствующаго ему *h*, доказываютъ этимъ самымъ что онѣ у Германцевъ не исконныя, а заимствованныя отъ Славянъ. Таковы англосаксонское sahs (длинный ножъ), шведское skära (коса), нѣмецкія säge (пила) и sichel (серпъ). Въ англійскомъ языкѣ сохранилось даже (перешедшее и въ французскій) слово sack, въ смыслѣ нашей сѣчи, т. е. побіенія, повальной рѣзни.

[1] См. Словарь Линде, подъ словомъ Zorza, и Корнесловъ Шимхевича, подъ словомъ *Заря*.

[2] См. у Я. Гримма въ Deutsche Mythologie (Göttingen, 1844) I, 266.

[3] Указанія въ какихъ лѣтописяхъ, актахъ и другихъ славянскихъ памятникахъ встрѣчаются имена: *Борыня*, *Добрыня*, *Драгыня* см. въ Onomasticon Slavicum М. Морошкина (Спб. 1867). О существованіи имени *Горыня* заключаемъ по отечеству сказочнаго нашего Змѣя-*Горынича*.

[4] О кіевлянинѣ Давыдѣ *Зорыничѣ* см. въ прим. 417-мъ ко II-му тому «Исторіи» Карамзина.

ранъ[1]. Въ производствѣ имени *Зарина* отъ «зари»[2] служитъ намъ опорою и множество другихъ славянскихъ собственныхъ именъ, преимущественно женскаго рода, происходящихъ отъ того же слова. Такъ, у Сербовъ встрѣчаемъ мы: *Здра*, *Здрка* и *Здрька*, *З'рня* и *З'рнка*, *Здрица*, *Здрана*[3], а у Чеховъ — *Зорава*, *Зорена*, *Зорета*[4]. У Германцевъ-же, кромѣ отсутствія самого слова «заря», не встрѣчается и никакихъ отъ него производныхъ, ни собственныхъ, ни нарицательныхъ[5].

Указаніе на принадлежность Саковъ къ Славянскому Племени находимъ мы, далѣе, и въ имени перваго мужа и брата Зарины, царя *Кюдрая* (Κυδραίος): это чисто наше старорусское имя *Кудря*, въ смыслѣ «кудрявый»[6].

---

[1] Имя *Зоранъ* встрѣчается въ Monumenta Serbica, изданныхъ Миклошичемъ, подъ 1330 годомъ.

[2] Относительно значенія имени *Зорыня* можно думать что значило оно «дочь зари», метафорически-же — «прекрасная какъ заря».

[3] Имена эти значатся въ Сербскомъ Словарѣ Вука Караджича (Српски Рјечник, у Бечу, 1852), стрн. 213 и 214.

[4] Указаніе на памятники гдѣ встрѣчаются эти имена см. у Морошкина, l. c.

[5] Ф. Г. Бергманъ (l. c. p. 5) и Мюлленгофъ (l. c. pp. 562-563) объясняютъ имя *Зарина* изъ зендскаго zaranya, «золото», толкуя что значитъ оно «золотая», по-зендски zaranaêna, по-санскритски harini, по-новоперсидски *зеринэ*.

[6] Въ грамотѣ на латинскомъ языкѣ, писанной въ 1335 году, Георгіемъ Княземъ Галицкимъ къ Великому Магистру Нѣмецкаго Ордена упоминается дворцовый тіунъ Wasco Kudrynowicz (Василько *Кудриновичъ*). См. «Исторію» Карамзина, т. IV, прим. 276. Затѣмъ объ имени *Кудря* см. Onomasticon Морошкина, стр. 107.

Объ остальныхъ, изъ дошедшихъ до насъ, собственныхъ именахъ у Саковъ замѣтимъ: 1) относительно имени царицы *Спаретры*, которое Бергманъ объясняетъ изъ словъ svar, «солнце» и aithra, «огонь», почему значитъ оно, по его мнѣнію, «Солнечный-Блескъ» (Feu du Soleil)[1] — что первый слогъ въ этомъ имени соотвѣтствуетъ несомнѣнно санскритскому *сваръ*, такъ-какъ имя это имѣемъ мы въ персской его транскрипціи, а народы персской отрасли славянское *св* передавали постояно черезъ *сп* (на-примѣръ литовское svèntas, церковно-славянское *святый*, въ зендскомъ является какъ spenta); слово-же *сваръ*, по всей вѣроятности, было въ употребленіи и у Славянъ, ибо однокорненное съ нимъ *сварожичь* (отъ *сварга*, «небо») существовало у нихъ несомнѣнно. Что-же касается до второй половины имени Spar*ethra*, то ее можно, пожалуй, объяснять изъ церковно-славянскаго *ѩтрь* (санскритск. *антаръ*, ново-персидск. *эндеръ*), «нутро», «матка» (откуда и наше *утроба* и латинское uterus), вслѣдствіе чего *Спаретра* значило-бы «Солнцева-нутрь», или, еще правдоподобнѣе, «Солнцева-матка», — имя въ гинекократическомъ періодѣ развитія народовъ весьма-возможное и даже особенно-почетное, такъ-какъ оно могло быть однимъ изъ эпитетовъ Димитры, олицетворенія Земли и Ночи, изъ нѣдръ которой выходило Солнце въ началѣ дня, и въ нѣдра которой погружалось оно въ концѣ его; 2) Относительно имени

[1] L. c. p. 24.

Мермер'а, или *Мармар*'а, царя Саковъ по версіи Николая-Дамаскинца (князя пароянскаго по версіи Діодора-Сицилійца)—что въ первобытной славянской формѣ это могло быть *Миромиръ* (миръ міру дающій), каковое имя дѣйствительно находилось въ употребленіи у Славянъ[1]; 3) наконецъ относительно имени столицы Саковъ подчинявшихся Заринѣ, города *Роксанакэ* (Ῥωξανάκη), которое Мюлленгофъ объясняетъ зендскимъ raokhshna, «блестящій», «свѣтящійся»[2],—что въ имени этомъ греческое *кс* есть, конечно греческая транскрипція персскаго *ш*; *роушенъ* и въ новоперсидскомъ значитъ «свѣтлый», «свѣтозарный». Но ни зендское, ни персидское значеніе корня въ имени *Роксанакэ* не объясняетъ откуда взялось наращеніе *акэ* или *аки*. Уменьшительное это ново-персидское окончаніе *экъ*, соотвѣтствующее санскритскому и русскому *ка*? Въ такомъ случаѣ *Роксанакэ* значило-бы «свѣтленькій» (городъ). Но если Саки были народомъ славянскаго племени, то едва-ли назвали-бы они столицу свою именимъ взятымъ не изъ собственнаго своего, а изъ языка сосѣдняго племени (нельзя-же думать чтобы Славяне, уже и въ колыбели своей, строили Петербурги и Оренбурги); это-же наводитъ на мысль что персидское *Роксанакэ* есть либо переводъ славянскаго эпитета столицы Саковъ, «свѣтлая» (какъ Москва извѣстна въ народѣ подъ эпитетомъ «бѣлока-

---

[1] Onomasticon Морошкина, стрн. 126.
[2] L. c. p. 562.

менная»), либо звукоподражательная передѣлка собственнаго имени этой столицы (въ родѣ того какъ прадѣды наши назвали «Стекольнымъ» шведскій Стокгольмъ), которое окончаніемъ своимъ сильно напоминаетъ славянскія имена поселеній съ окончаніемъ на *яки* и *якъ* (напримѣръ *Кобеляки*, *Коротоякъ*), а всѣмъ строемъ своимъ соотвѣтствуетъ строю славянскихъ мѣстныхъ именъ какъ *Ревнетице*, *Радонаце*, *Рокотнице*[1] (предполагая что *к* въ *ахη* передаетъ славянское *ц*), и т. д. У Стефана-Византійца встрѣчается городъ Ῥοξοναχαία, безъ обозначенія гдѣ и чей онъ; несомнѣнно, тѣмъ-не-менѣе, что эта *Роксонакая* тождественна съ *Роксанакэ* о которомъ идетъ у насъ рѣчь, съ тою только разницею что Стефанъ-Византіецъ передаетъ имя сакской столицы быть можетъ ближе къ тому какъ произносилось оно у Персовъ, чѣмъ Николай-Дамаскинъ; а если такъ, то окончаніе *кая*, вмѣсто *кэ*, какъ преимущественно славянское, еще сильнѣе подтверждаетъ предположеніе что имя столицы Саковъ, въ той формѣ въ какой встрѣчаемъ его у Персовъ, могло быть звукоподражательною передѣлкою какого-либо славянскаго ея эпитета, на-примѣръ «Ршанская», «Рушанская», какъ могла называться столица Заринаи, если-бы находилась она въ удѣлѣ колѣна которое-бы звалось *Рось* или *Русь*[2].

---

[1] См. у Эрбена, въ Regesta Bohemiae et Moraviae, I, index, pp. 771, 775 и 778.

[2] Встарину жители города *Русы* (Старой) звались у насъ *Рушане*, обитатели береговъ рѣки *Роси* — *Поршане*.

Приведенныя основанія считать Саковъ народомъ Славянскаго Племени, несмотря на малочисленность ихъ, все-таки вѣсче тѣхъ по которымъ причисляютъ ихъ къ Германцамъ, или даже считаютъ за Турокъ.

Предположеніе о принадлежности Саковъ къ Германскому Племени высказано было впервые, сколько намъ извѣстно, еще въ самомъ началѣ текущаго столѣтія, когда не существовало даже и представленія о Германскомъ Племени какъ выработалось оно потомъ лингвистикою — именно въ видѣ гипотезы что Саки были предками германскаго народа Саксовъ или Саксонцевъ, пущенной въ свѣтъ авторомъ извѣстной «Исторіи Англо-Саксовъ», Ч. Тёрнеромъ[1]. Кромѣ созвучія имени Саковъ съ именемъ Саксовъ, другихъ доказательствъ въ пользу означенной гипотезы Тёрнеръ не приводитъ[2].

За тюркское происхожденіе Саковъ послѣднимъ и самымъ обстоятельнымъ поборникомъ явился, не далѣе какъ въ прошломъ году, нѣмецкій орьенталистъ Мордтманъ. Къ этому привело его желаніе отличиться отъ предшествовавшихъ ему кунеологовъ новымъ объясненіемъ имени *Скудра* въ Накши-Рустемской надписи,

---

[1] History of the Anglo-Saxons (4-е изданіе), vol. I, p. 114-117.

[2] Къ числу прежнихъ сторонниковъ нѣмчизма Саковъ должно причислить какъ Тода, который *Се* или *Су* Китайцевъ считаетъ за германскихъ *Свевовъ* или *Свіоновъ* (some bands of Su might pass into the north of Europe, known as the *Svevi* (Rajasthan, I, 60-61), такъ и Абель-Ремюзу, который китайскихъ *Се* причислялъ къ готскимъ народамъ, и даже считалъ за предковъ *Ѣ-да* или Гетовъ(Recherches sur les langues Tartares, I, 727, примѣчаніе).

которое составляетъ камень преткновенія для нихъ. Онъ рѣшилъ что *Скудра* значитъ *Скиѳы* (европейскіе, съ которыми воевалъ Дарій); а какъ Скиѳовъ видѣли дотолѣ кунеологи въ Сакахъ, то оказалась надобность объявить Саковъ особымъ отъ Скиѳовъ народомъ. Затѣмъ, на основаніи того что самъ онъ (не въ видѣ гипотезы, а положительно) помѣщаетъ часть Саковъ на рѣкѣ Оксѣ, а имя этой рѣки производитъ отъ турецкихъ словъ *окъ-су*, «стрѣла-рѣка», «заморскихъ-же Саковъ» Накши-Рустемской надписи считаетъ за *Ѳраковъ* (Thrakier), имя которыхъ для него тождественно съ именемъ *Туркъ* (какъ это, по мнѣнію его, видно яснѣе изъ арабской формы этого имени — *Атракъ*!!!), Мордтманъ и приходитъ къ заключенію что Саки были просто-на-просто Турки[1]. Хороши доказательства, и еще лучше того связь ихъ! Убѣдившись, несмотря на то, въ тождественности Саковъ съ Турками, чуть не съ нынѣшними Османами, Мордтманъ заключаетъ это открытіе еще новымъ — что *Гомеръ*, сынъ Іафетовъ, въ извѣстной генеалогической таблицѣ Моисеева Пятикнижія, означаетъ вовсе не то что предполагали до сихъ поръ, а — народы Турецко-Татарскаго Племени, и именно Саковъ, на томъ основаніи что *Сака* персской клинописи передается въ вавилонскомъ переводѣ именемъ *Гимиръ* (Gimir)[2].

Утвержденія Мордтмана до того произвольны и не-

---

[1] Zeitschrift d. D. M. G. XXIV, 61 и 77.
[2] Тамъ же, XXIV, 79-82.

состоятельны, выводы его до того натянуты, и общіе пріемы изслѣдованія до того ненаукообразны[1], что гипотеза его о турчизмѣ Саковъ не заслуживала-бы обстоятельнаго опроверженія; но какъ турчизмъ Саковъ — тоже что туранизмъ ихъ, а въ туранизмъ ихъ вѣруетъ масса ученаго плебса, то волей-неволею приходится посчитаться и съ Мордтманомъ.

На чемъ основывается мнѣніе его что Саки народъ тюркскаго языка? На томъ главнѣйше что «заморскіе Саки» Накши-Рустемской надписи суть *Ѳракійцы*, а *Ѳракійцы*, какъ самое имя ихъ показываетъ — такъ кажется г. Мордтману — суть *Турки*. Но если принимать такой способъ доказательствъ, то *Ѳракійцевъ* еще скорѣе можно признать за *Франковъ*, и, на основаніи предполагаемаго тождества Ѳракійцевъ съ Саками, утверждаетъ что подъ Гомеромъ должно понимать у Моисея не какой-либо иной народъ, а именно Франковъ. Высказывая какое-бы то ни было новое мнѣніе, мало привести доказательства въ пользу этого

[1] По научнымъ пріемамъ своимъ г. Мордтманъ имѣетъ достойнаго себѣ соперника лишь въ покойномъ вѣнскомъ орьенталистѣ Хаммерѣ, который считалъ Саковъ за Турокъ на томъ основаніи что Саки тождественны съ *Сакалибъ* (Славяне) мусульманскихъ географовъ и этнографовъ, а эти-послѣдніе, говоря о *Сакалиб*'ахъ, причисляютъ ихъ къ Туркамъ, почему и въ Скиѳахъ-Амюргіяхъ у Геродота показалось ему возможнымъ видѣть описку, и вмѣсто Αμουργίους читать Τουργίους (Geschichte des Osmanischen Reiches, Pesth, 1827, I, 564). Нелѣпость всего этого весьма рѣзко обнаружена уже Линднеромъ (Skythien, s. 226-230): Schwerlich wird man eine ähnliche Stelle in einem ernsten historischen Werke finden, in welcher in wenigen Zeilen eine so Alles durchdringende Verworrenheit anzutreffen wäre, говоритъ Линднеръ.

мнѣнія; надо еще опровергнуть доказательства приведенныя предшественниками въ пользу мнѣній противуположныхъ: истина не должна и не можетъ бояться борьбы. Обращая Ѳракійцевъ въ Турковъ, г. Мордтману слѣдовало для этого разобрать и уничтожить тѣ доводы по которымъ историки-этнографы причисляютъ Ѳраковъ къ Арійцамъ. Этого онъ, явно, сдѣлать не могъ; а въ такомъ случаѣ тождество Ѳраковъ съ Турками лишь для него одного и дѣйствительно. Но пусть и Ѳраки = Турки; откуда-же слѣдуетъ что подъ «заморскими Саками» въ Накши-Рустемской надписи разумѣются именно Ѳраки, а не какой-либо иной народъ изъ числа тѣхъ которыхъ считали Персы своими подданными? Это, опять, не болѣе какъ голое предположеніе, не имѣющее за собою ровно никакихъ основаній. Или, быть можетъ, турчизмъ Саковъ доказывается прочнѣе турецкимъ происхожденіемъ имени рѣки Окса? Но прежде чѣмъ объяснять это имя турецкими словами *окъ-су*, слѣдовало спросить себя: вѣрно-ли греческая форма Ὦξος передавала туземное названіе этой рѣки; при розыскѣ-же по этому предмету оказалось-бы, можетъ быть, что звукъ *с* въ греческомъ имени Окса — вставной, а не коренной[1], вслѣдствіе чего обозначилось-бы и невозможность словопроизводства которое такъ понравилось г. Мордтману. Допустимъ впрочемъ что и Оксъ — рѣка съ турецкимъ назва-

[1] Китайцы, ознакомясь съ Оксомъ во II-мъ вѣкѣ до Р. Х., писали имя этой рѣки *Гуй*, позже — *Уху*; въ Бундегешѣ именуется она Veh; армянскій историкъ Себеосъ также называетъ ее Veh.

ніемъ: чѣмъ-же свидѣтельствуетъ это въ пользу турчизма Саковъ: развѣ доказано что именно Саки дали Оксу это имя? Такимъ образомъ все зданіе турчизма Саковъ воздвигнутое г. Мордтманомъ разваливается въ прахъ при одномъ прикосновеніи къ нему требованій исторической критики, не говоря уже о томъ что гипотеза его находится въ прямомъ противорѣчіи съ положительными свидѣтельствами, какъ Геродота, подтверждаемаго Плиніемъ, такъ и клинописныхъ памятниковъ; но свидѣтельства эти г-ну Мордтману ни по чемъ: Геродотъ вретъ, клинописные памятники ошибаются — рѣшаетъ онъ безапелляціонно: «Геродотъ — читаемъ у него — утверждаетъ, правда, будто Персы звали Скиѳовъ Саками, aber dies ist einfach falsch»[1]; почему-же falsch? Потому что «изъ Накши-Рустемской надписи намъ извѣстно что Скиѳы Геродотовы называются тамъ Скудра». Но, вѣдь, это вы, г. Мордтманъ рѣшили что Скудра въ означенной надписи означаютъ Скиѳовъ: неужели-же все что̀ вздумается вамъ утверждать становится eo ipso неопровержимою и обязательною для всѣхъ истиной? Съ такою же глубокою вѣрою въ свой собственный авторитетъ объявляетъ затѣмъ г. Мордтманъ что изъ трехъ видовъ Саковъ поименованныхъ въ Накши-Рустемской надписи слѣдуетъ считать дѣйствительно Саками только *Омуваргафа* и *Тигракодапъ*: третій видъ, «заморскіе», названъ тамъ Саками лишь «благодаря фонетическому зако-

[1] Zeitschrift d. D. M. G. XXIV, 77.

ну»[1]. Какому закону, въ чемъ онъ заключается — этого г. Мордтманъ не счелъ нужнымъ повѣдать міру; сказалъ «законъ», ну и вѣрьте что есть такой законъ. Съ пріемами подобнаго рода ничего не стоитъ доказать что Саки были не только Турки, а пожалуй краснокожіе американскіе Осаги или черномазые мадагаскарскіе Сакалавы. — Засимъ, по отсутствію доказательствъ относительно турчизма Саковъ, падаетъ самою собою и предположеніе Мордтмана будто *Гомеръ* въ Моисеевомъ родословіи означаетъ Турецко-Татарское Племя. Это обстоятельство не мѣшаетъ однакоже *Гомер*'у дѣйствительно означать Саковъ, если только въ вавилонской, иначе ассирійской, клинописи *Сака* персской клинописи дѣйствительно передается *Гимир*'омъ. Не будучи кунеологами, мы, къ-сожалѣнію, не въ силахъ подать компетентнаго голоса, допустимо-ли означенное чтеніе, и, если допустимо, то предпочтительнѣе-ли оно передъ чтеніемъ *Намирри*, котораго держится Оппертъ, знаменитѣйшій изъ современныхъ ассиріологовъ, основывая именно на этомъ чтеніи весьма важные выводы[2]. Можемъ замѣтить только что, противорѣча Оппертy, г. Мордтманъ, какъ это за нимъ водится, не счелъ нужнымъ привести какія-либо доказательства въ подкрѣпленіе правильности своего чтенія, и ошибочности чтенія Оппертова.

Гимиръ-ли или Намирри звались Саки у Ассиріянъ,

---

[1] Die dritte Gattung verdankte diesen Namen (Saka) nur einem phonetischen Gesetze (ibid).

[2] Expédition scientifique en Mésopotamie, II, 174.

это естественно приводитъ насъ къ вопросу: имя *Сака*, которымъ обозначали Персы и Арійскіе Индѣйцы разсматриваемый нами скиѳскій народъ (распространивъ потомъ это имя и на другіе народы, почему-либо сходные съ нимъ), было-ли имя это даваемо означенному народу только помянутыми сосѣдями его, или и самъ онъ звалъ себя этимъ именемъ, не имѣя другаго? Въ источникахъ свѣдѣній нашихъ о Сакахъ никакихъ данныхъ къ разъясненію этого вопроса мы не находимъ. Приходится потому довольствоваться предположеніями. Слово *секъ* въ новоперсидскомъ языкѣ значитъ «собака»; въ персскомъ языкѣ временъ Ахеменидовъ, судя по аналогіи съ другими словами послѣдняго сохранившимися въ первомъ, произносилось оно, должно полагать, *сака*. Такое предположеніе подтверждается, нѣкоторымъ образомъ, и тѣмъ обстоятельствомъ что въ родственномъ древне-персскому мидійскомъ языкѣ словомъ *спако* обозначалась «сука», какъ читаемъ у Геродота (I, 110). Называя Саковъ Саками, Персы обзывали ихъ, слѣдовательно, «собаками». Принимая во вниманіе существующее близкое родство славянскихъ языковъ съ нынѣшнимъ персидскимъ, а за шесть вѣковъ до Р. Х. оно, разумѣется, было еще ближе, можно думать что и въ языкѣ самихъ Саковъ слово *сака* имѣло тоже значеніе что у Персовъ. При такомъ-же значеніи слова *сака*, возможно-ли чтобы сами Саки звали себѣ «собаками»? Весьма возможно. Знаемъ, вѣдь, мы что одинъ изъ храбрѣйшихъ славянскихъ народовъ Балтійскаго Поморья звался «Волками» (Wlci,

Wlčkowè)[1]; почему-же другому славянскому народу не зваться было «Собаками», тѣмъ-болѣе что это не единственный въ Исторіи примѣръ такого народнаго имени: «Собаками» звался одинъ изъ сильнѣйшихъ тюркскихъ родовъ, существовавшій въ предѣлахъ Европейской-Россіи до послѣдняго времени; да неиначе какъ «Собаками» же (не зная того) зовутъ себя и всѣ Татаре въ Восточной-Россіи, ибо имя *Ногай*, ими усвоенное, значитъ «собака»; только въ тюркскихъ языкахъ слово это вышло изъ употребленія, и о значеніи его узнаёмъ лишь изъ родственнаго тюркскимъ монгольскаго языка, въ которомъ произносится оно теперь *нохой*. Ниже увидимъ и другія основанія полагать что Саки сами звали себя Саками, что это не было имя которое давали имъ только враждебные сосѣди. Не должно забывать притомъ что «собака» въ устахъ древняго перса вовсе не было браннымъ вы-

[1] См. «Славянскія Древности» Шафарика въ нѣмецкомъ переводѣ Эренфельда (Leipzig, 1844), II, 550 и 564. «Волками» же, какъ видно изъ значенія имени *Гирканія*, звались и жители этой страны. Да и вообще, мы полагаемъ что въ глубокой древности прозывать себя и прозываться у другихъ по именамъ звѣрей, и вообще животныхъ, было дѣломъ весьма обычнымъ, и что разные сказочные и эпическіе «цари змѣй», «цари обезьянъ» и т. д. должны быть понимаемы какъ «цари народа называвшагося змѣями», «цари народа называвшагося обезьянами». При такомъ объясненіи, примутъ историческій видъ многія сказанія считающіяся миѳическими, и въ этомъ-послѣднемъ видѣ непонятныя. — Бергманъ полагаетъ что *сака* на языкѣ самыхъ Саковъ и другихъ арійскихъ народовъ значило «способные» (l. c. p 2); но единственное основаніе имъ для этого приводимое (norr. *Hagir*, aptes) слишкомъ шатко чтобы толкованіе его могло имѣть какой-либо вѣсъ.

раженіемъ; напротивъ животное это пользовалось у Персовъ величайшимъ уваженіемъ и даже носило священный характеръ[1]. Если выше выразились мы что Персы «обзывали» Саковъ собаками, такъ это лишь съ точки зрѣнія христіанскихъ и мусульманскихъ народовъ.

Имѣется и другое толкованіе имени *Сака*, высказанное знаменитымъ географомъ К. Риттеромъ. По его мнѣнію, «это не было собственное имя которымъ обозначался какой либо народъ, а религіозное прозвище (religioses Appellativ) которое носили враждебные Персамъ народы на сѣверозападъ отъ нихъ, связывавшіеся между собою общностію ихъ богопочитанія, народы которые постепенно простерлись до Танаиса, и къ числу которыхъ принадлежали также Гелоны, Будины, Савроматы и другіе»[2]. Иными словами, *Сака* было, по Риттеру, не народное имя какъ, напримѣръ, *Персы*, *Эллины*, *Римляне*, а употреблявшееся въ такомъ же смыслѣ какъ выраженія *Христіане*, *Магометане*, *Конфуціанцы*. Такъ думалъ Риттеръ потому что предполагалъ у скиѳскихъ народовъ къ сѣверу отъ Персіи, равно-какъ на сѣверъ и на западъ отъ Чернаго-Моря, существованіе особой, всѣмъ имъ общей, религіи, враждебной той которую исповѣдывали народы

---

[1] Свидѣтельствующія это указанія см. у Клейкера, въ его Anhang zum Zend-Avesta (Leipzig und Riga, 1783), B. III, ss. 103-104, потомъ 9 и 22, прил. 38.

[2] Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten vor Herodotus (Berlin, 1820), s. 265.

Ирана. Этою религіею Скиѳовъ былъ, по мнѣнію его, первобытный Буддизмъ; а какъ *Сака*, *Сакья* служило туземнымъ именемъ Будды, то народы слѣдовавшіе его ученію и назывались у Персовъ «*Саками*», «*Сакейцами*» (подобно тому какъ нынѣ такіе же народы зовутся *Буддистами*). Такимъ же образомъ полагаетъ Риттеръ что и *Хорзаръ* — какъ звались, по Плинію (H. N. VI, 19), Персы у Скиѳовъ — было въ устахъ послѣднихъ прозвищемъ для Персовъ обозначавшимъ ихъ религіозную противуположность съ Саками: именно *Хорзаръ* значило по Риттеру «корсары» (!)[1].

Въ изложенныхъ гипотезахъ Риттера видимъ мы, съ одной стороны, ошибочныя сближенія, анахронизмы и натяжки, съ другой — проблески глубокаго пониманія религіозныхъ обстоятельствъ древняго кочеваго міра. Распространеніе Буддизма на сѣверъ отъ Индіи и затѣмъ далѣе на западъ въ Европу въ періодъ глубокой древности считалъ Риттеръ возможнымъ потому что въ 1820-хъ годахъ ученая Европа появленіе историческаго (Сакьямуни) Будды относила вообще болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до Р. Х. Теперь, когда никто не считаетъ его древнѣе пятисотъ, а иные, даже и трехъ сотъ лѣтъ до Р. Х., причемъ доказано также что доисторическіе будды, въ реальность которыхъ вѣрилъ Риттеръ, изобрѣтены уже въ періодъ позднѣйшаго развитія Буддизма[2], надо отказаться отъ возможности

---

[1] Ibid.

[2] Васильева: «Буддизмъ, его догматы, исторія и литература» (Спб. 1857), I, 6, 129 и др.

такого ранняго проникновенія этого ученія въ Европу о какомъ мечталъ Риттеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ото всѣхъ послѣдствій его объ этомъ гипотезы. Но та общая если не всѣмъ, то многимъ скиѳскимъ народамъ религія которую усматривалъ у нихъ творецъ географической систематики — дѣйствительно должна была существовать между степными Арійцами, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ. Сущность этой религіи, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ греческимъ о ней отголоскамъ, заключалась, прежде всего, въ развитіи ею у послѣдователей ея чувства справедливости. Уже въ Гомеровы времена извѣстны были Грекамъ, по-видимому въ Черноморьѣ, «молокоядцы Абіи, справедливѣйшіе изъ людей» (γλακτοφάγων Ἀβίων, δικαιοτάτων ἀνθρώπων, Ил. кн. XIII, ст. 6). Хэрилъ этими «правдивѣйшими изъ людей» называетъ, видѣли мы, Саковъ. Отъ Эфора-же, жившаго при дворѣ Филиппа царя Македонскаго, отца Александра-Великаго, узнаёмъ что за Пантикапесомъ (значитъ около Азовскаго-Моря) обитаютъ «разные кочевые народы, отличающіеся особеннымъ благочестіемъ (εὐσέβεια), такъ-что никто изъ нихъ не причинитъ страданія даже животному; народы которые перевозятъ дома свои съ мѣста на мѣсто; питаются, по-скиѳски, молокомъ отъ кобылъ, и все достояніе имѣютъ общимъ между собою». Далѣе Эфоръ прибавляетъ къ сказанному что «изъ этихъ благочестивѣйшихъ кочевниковъ былъ и знаменитый мудрецъ Анахарсисъ», и что «часть ихъ переселившаяся въ Азію зовется *Саками*». Въ такомъ

видѣ имѣемъ мы сказанія Эфора въ стихотворной передачѣ ихъ Скимномъ-Хійскимъ[1]. Оказывается, говоритъ Риттеръ, что между народами жившими на скиѳской землѣ и на скиѳскій ладъ, находился одинъ отличавшійся отъ прочихъ тремя особенностями: славою о его благочестіи (εὐσέβεια), справедливостію къ животнымъ, и общностію имуществъ; «а три особенности эти и составляютъ сущность древняго Буддизма»[2]. Мы, прежде чѣмъ высказать нашъ взглядъ по этому поводу, считаемъ нелишнимъ привести вышеизложенныя Эфоровы сказанія въ прозаической передачѣ ихъ у Страбона. «Эфоръ, въ четвертой книгѣ «Исторій» своихъ — читаемъ у Страбона — описавъ Европу до Скиѳіи, сказываетъ въ-заключеніе что не одинаковъ обычай какимъ живутъ Савроматы и другіе Скиѳы: одни простираютъ жестокость свою до того что ѣдятъ человѣческое мясо, тогда-какъ другіе воздерживаются даже отъ употребленія въ пищу животныхъ.... Особенно похвальными нравами отличаются, по Эфору, нѣкоторые изъ Скиѳовъ питающихся кобыльимъ молокомъ, превосходящіе справедливостію всѣхъ прочихъ смертныхъ.... причину чему видитъ онъ въ томъ что, будучи воздержны въ пищѣ, и не заботясь о стяжаніи, относятся они другъ къ другу по правдѣ, и все имѣютъ общее, и женъ, и дѣтей, и родственниковъ, почему и рабствовать имъ не изъ-за

[1] Geographi Graeci minores, ex recensione Caroli Mülleri (Parisiis, 1855) I, 232.

[2] Vorhalle, s. 263.

чего, и неодолимы они для враговъ» (кн. VII, гл. 3, § 9). Такого же рода извѣстія находимъ у Страбона, со словъ Посидонія, о древнихъ Мисахъ и Ѳракійцахъ (кн. VII, гл. 3, § 3). Всматриваясь въ эти сказанія, мы полагаемъ что нѣкоторыя черты которыми Эфоръ и другіе характеризуютъ бытъ «благочестивыхъ» скиѳскихъ народовъ, именно общность имущества, женъ, дѣтей и родственниковъ, нисколько не доказываютъ существованія у нихъ особой коммунистической религіи: черты эти ясно опредѣляютъ лишь ту степень гражданственности на которой находились эти народы — самую первоначальную и низшую въ лѣстницѣ общественнаго развитія. Исключительное употребленіе ими молочной пищи также не представляется намъ проявленіемъ какого-либо религіознаго вѣрованія: это условіе существованія вызываемое природою степей и пастушескимъ образомъ жизни. Но нельзя, кажется намъ, сказать того же о воздержаніи отъ мясной пищи, и о благодушномъ вообще отношеніи къ животнымъ: это уже не обще-кочевыя свойства. Присоединяя-же къ этимъ особенностямъ нѣкоторыя другія, какъ воздержаніе отъ сообщенія съ женщинами, существовавшее у Ѳракійцевъ (Страбонъ, кн. VII, гл. 3, § 3), какъ постъ у Савроматовъ (которыхъ Эфоръ тоже причисляетъ къ «благочестивымъ» обитателямъ Азовскаго-Поморья) черезъ два дня въ третій (Авлъ-Геллій, кн. IX, гл. 4), приходится раздѣлять мысль что у нѣкоторыхъ скиѳскихъ народовъ дѣйствительно существовало какое-то

особое вѣроученіе, имѣвшее благодѣтельное вліяніе на смягченіе ихъ нравовъ, на проникновеніе ихъ тѣмъ качествомъ которое Греки называли Εὐσέβεια, — если только качество это, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, не заключалось въ природномъ ихъ характерѣ, въ ихъ крови. Къ числу такихъ «благочестивыхъ» или «справедливѣйшихъ» народовъ принадлежали, по Хэрилу, и Саки[1], или, другими словами, таже религія, о которой говоримъ, господствовала и у Саковъ. По Хэрилу, можно считать ихъ даже преимущественными послѣдователями этой религіи. Въ связь съ нею и, вмѣстѣ, съ именемъ Саковъ ставится Риттеромъ и празднество которое, видѣли мы, носило въ Передней-Азіи имя «сакейщины» (Σάκεια) и состояло во временномъ упраздненіи рабства. Весьма быть можетъ что празднество это не имѣло ничего общаго, ни съ религіею, ни съ именемъ Саковъ, съ которыми связали его Страбонъ и другіе греческіе писатели, подобно тому какъ позже Цецесъ связалъ имя Саковъ съ названіемъ и происхожденіемъ щита у Грековъ. Если-же тутъ дѣйствительно существовала связь, то позволительно думать что «сакейщина» указываетъ, быть

---

[1] Замѣтимъ здѣсь кстати что читаемое у Скимна будто Саки азійскіе суть отдѣлъ «благочестивыхъ Скиѳовъ» переселившійся въ Азію съ Азовскаго-Побережья, считаемъ мы прибавкою Скимна къ Эфорову сказанію, не имѣющею никакого другаго основанія кромѣ желанія Скимна связать это сказаніе о существованіи «благочестивыхъ» на Азовскомъ-Поморьѣ со словами Хэрила что «благочестивѣйшіе», это — Саки азійскіе.

можетъ, на отсутствіе рабства у Саковъ[1]. Алане, увидимъ ниже, были родственны Сакамъ; а объ Аланахъ Амміанъ-Марцеллинъ (кн. XXXI, гл. 2) говоритъ положительнымъ образомъ что «у нихъ не было рабовъ» (servitus quid sit ignorabant). Отсутствіе-же рабства, если дѣйствительно рабства не существовало у Саковъ, едва-ли могло проистекать изъ инаго источника чѣмъ религіозныя ихъ вѣрованія, а это опять свидѣтельствуетъ о необыкновенно-мягкомъ характерѣ этихъ вѣрованій у Саковъ. Принимая во вниманіе: съ одной стороны — эту отличительную черту религіи Саковъ проникнутой практическою любовью къ человѣку и живымъ тварямъ; съ другой — что тѣмъ же самымъ характеромъ отличалось и ученіе проповѣданное основателемъ индѣйскаго Буддизма, Сиддартою; съ третьей — что Сиддарта назывался не иначе какъ *Сакья*-или *Шакья*-муни, т. е. «сакійскій мудрецъ», и *Сакья*-или *Шакья*-синга, «сакійскій левъ», и что въ числѣ эпитетовъ его встрѣчается *суварна-ч'ави*, «златоцвѣтный», свидѣтельствующій о его не-индѣйской наружности; съ четвертой, наконецъ — что объясненіе эпитета «сакіецъ» (Sakya) даваемое Индѣйцами неудовлетворительно, и что все что повѣствуется ими о родѣ *Сакья* или *Шакья*, изъ котораго происходилъ Сиддарта, чрезвычайно темно и сбивчиво[2], — мы не прочь отъ предположенія что

---

[1] Другое объясненіе «сакейщины», въ смыслѣ жертвоприношенія, см. у Бергмана, l. c. p. 70-71.

[2] См. въ Journal of Bengal Asiatic Society (II, 385) статью Чома Кöрöши. On the origin of Shakia race.

ученіе проповѣданное Сиддартою въ Раджагрихѣ, т. е. Буддизмъ, было не личнымъ его изобрѣтеніемъ, а ученіемъ господствовавшимъ уже издавна между Саками, къ которымъ принадлежалъ онъ по происхожденію, ученіемъ которое онъ только распространилъ въ Индіи, и которое на этой новой почвѣ должно было, разумѣется, тотчасъ же видоизмѣниться сообразно съ мѣстными условіями[1]. Какъ первоначальная религія Арійцевъ, въ чемъ-бы ни заключалась она, развилась у этихъ Арійцевъ на берегахъ Ганга въ Брахманизмъ, и какъ таже религія у Арійцевъ на Иранской плоской выси дала существованіе Маздаизму, такимъ

---

[1] И эта мысль нисколько не нова: не говоря уже о Бальи и Вильямѣ Джонзѣ высказывавшихъ ее, смутно и безъ достаточныхъ основаній, еще въ прошломъ вѣкѣ, приведемъ слова знаменитаго англійскаго индіаниста Вильсона, брошенныя имъ мимоходомъ въ примѣчаніи къ изслѣдованію его о *Раджа-Таранги*: The description of Buddha as contained in the vocabulary described by Mons. Rémusat (Mines de l'Orient, vol. IV), connected with the circumstances we have had occasion to notice in the text, tends very mich to confirm the idea of the original Buddha schism having been imported from Tartary. The name of this legislator, *Sacya*, is further evidence to the same effect: its sanscrit etymologies are very unsatisfactory, and it was not improbably connected with the national name *Sacae*, by which the Eastern Scythians or Tartars were formerly known both in Europe and India (Asiatic Researches, vol. XV, p. 84 and 112). Позже Вильсонъ повторилъ тоже другими словами: The name of his (Buddha's) tribe, the *Sákya*, and their existance as a distinct people and principality, find no warrant from any of the Hindu writers, poetical, traditional, or mythological; and the legends that are given to explain their origin and appellation are, beyond measure, absurd (On Buddha and Buddhism, въ Journal of the Royal Asiatic Society, vol. XVI).

же образомъ у сѣверной отрасли Арійцевъ, занимавшей Среднюю-Азію, приняла она, можно думать, тоже особый, своеобразный видъ, который, покуда, за неимѣніемъ точнѣйшихъ объ немъ свѣдѣній, назовемъ, пожалуй, «до-историческимъ Буддизмомъ». На существованіе этого Буддизма, какъ въ Средней-Азіи, такъ между скиѳскими племенами вокругъ Черноморья, и даже между Кельтами въ самыхъ западныхъ частяхъ Европы, имѣется уже значительное число указаній, но никѣмъ еще не сведены онѣ вмѣстѣ и не выяснены. Когда это будетъ сдѣлано кѣмъ-либо, совершенно-новый свѣтъ озаритъ древнее населеніе Европы, и предстанетъ оно глазамъ нашимъ совершенно въ иномъ видѣ чѣмъ мы теперь его себѣ представляемъ. Нашею задачею въ настоящемъ случаѣ это не можетъ быть: подобное изслѣдованіе потребовало-бы нѣсколькихъ томовъ, и совершенно увело-бы насъ изъ Азіи въ Европу. Замѣтимъ только что скиѳскимъ происхожденіемъ Буддизма весьма-бы объяснялось и то покровительство Буддизму какое оказывали постоянно скиѳскіе завоеватели Индіи, о которыхъ и поведемъ рѣчь въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

III.

До временъ Александра-Великаго Греки знали о Сакахъ и вообще азіатскихъ Скиѳахъ лишь по слуху, лишь по чужимъ сказаніямъ. Походъ македонскаго завоевателя въ Трансоксіану далъ многимъ изъ сопутниковъ его возможность лично познакомиться съ этими Скиѳами, такъ-какъ Александръ несомнѣнно доходилъ до Яксарта, и даже переходилъ черезъ эту рѣку, воюя съ кочевниками обитавшими на правомъ ея берегу. Кромѣ того, находясь въ Согдіанѣ, Александръ принималъ пословъ приходившихъ къ нему отъ разныхъ скиѳскихъ народовъ, самъ посылалъ людей своихъ въ ихъ зѐмли, развѣдывать о природѣ страны, количествѣ народонаселенія, нравахъ его, вооруженіи, и не разъ долженъ былъ схватываться со Скиѳами помогавшими герою Спитамену отстаивать независимость его родины отъ македонскаго нашествія («Анавасисъ» Арріана, кн. IV, гл. 1, 15 и др.). Личное знакомство это не обогатило насъ однакоже никакими о Скиѳахъ свѣдѣніями которыя-бы прибавили что-либо существеннаго къ тому что извѣстно о нихъ изъ греческихъ источниковъ предшествующихъ Александрову времени, или разъяснили что̀ въ источникахъ этихъ представляется темнымъ и сбивчивымъ. Насколько содержаніе военныхъ записокъ

веденныхъ офицерами генеральнаго штаба Александрова сохранилось для насъ въ извлеченіяхъ и передѣлкѣ работы Арріана и Квинта Курція, не бросаетъ оно никакого новаго свѣта на вопросы насъ занимающіе. Не говоря уже о Квинтѣ Курціѣ, все перепутывавшемъ, самъ Арріанъ, буквально по видимому передающій путевые журналы сподвижниковъ Александровыхъ, излагаетъ дѣйствія своего героя на берегахъ Яксарта съ такимъ отсутствіемъ отчетливости что нельзя быть увѣреннымъ относительно того какія изъ этихъ дѣйствій происходили на лѣвомъ, и какія на правомъ берегу рѣки. Одинаково «варварами» называетъ онъ населеніе того и другаго; между-тѣмъ на лѣвомъ жили Согдійцы, а на правомъ, по всѣмъ географамъ, должны были жить, западнѣе — Массагеты, восточнѣе — Саки. По взятіи Мараканды (Самарканда), столицы Согдійцевъ, Александръ, по Арріану, направляется прямо къ Яксарту; черезъ нѣсколько дней по прибытіи его туда, являются къ нему послы отъ Скиѳовъ Абіевъ, «тѣхъ самыхъ — замѣчаетъ Арріанъ — которыхъ Гомеръ называетъ «справедливѣйшими»; затѣмъ говорится о намѣреніи Александра построить на берегу Яксарта «городъ который-бы могъ служить, и защитою странѣ противъ вторженій зарѣчныхъ варваровъ, и опорнымъ пунктомъ для похода на Скиѳовъ, если-бы занадобилось предпринять таковой». Тѣмъ временемъ какъ размышлялъ онъ объ этомъ, «смежные (πρόσχωροι) съ рѣкою варвары захватываютъ и убиваютъ македонскихъ воиновъ которые поставлены бы-

ли гарнизономъ въ городахъ, и укрѣпляютъ эти города». Когда успѣлъ Александръ побрать означенные города и посадить въ нихъ македонскіе гарнизоны, изъ разсказа Арріанова не видно, какъ и того — на которомъ берегу рѣки находились они. О переправѣ Александра черезъ Яксартъ не было рѣчи передъ тѣмъ, потому слѣдовало-бы думать что говорится тутъ о возстаніи городовъ взятыхъ Македонцами на лѣвомъ берегу рѣки; но вслѣдъ затѣмъ читаемъ что «къ возстанію этому присоединились и многіе изъ Согдійцевъ». Тутъ Согдійцы какъ-бы противуполагаются «прирѣчнымъ варварамъ», и приходится думать что дѣло идетъ о городахъ на правомъ берегу рѣки. Не выясняется обстоятельство и изъ дальнѣйшаго разсказа: «Въ семь городовъ заключились варвары той страны (οἱ ἐκ τῆς χώρας βάρβαροι). Обложить самый большой изъ нихъ, и куда наиболѣе стеклось варваровъ, Кирополь по-имени, посылаетъ Александръ военачальника своего Кратера, а самъ направляется на ближайшій, отъ мѣста гдѣ стоялъ лагеремъ, городъ по-имени Газа, съ невысокими изъ глины стѣнами, и тотчасъ же беретъ его приступомъ, послѣ чего тѣмъ же способомъ овладѣваетъ быстро еще двумя городами. Жители другихъ двухъ, сосѣднихъ со взятыми уже, городовъ, видя участь постигшую послѣдніе, вздумали-было искать спасенія въ бѣгствѣ, но пали при этомъ бо̀льшею частію подъ ударами заранѣе отправленной противу нихъ Александромъ конницы. Взявъ, такимъ образомъ, въ теченіе двухъ сутокъ пять городовъ, неутомимый ма-

кедонецъ идетъ на Кирополь заранѣе обложенный Кратеромъ, городъ съ высокими стѣнами, построеніе котораго приписывалось самому Киру. Овладѣть этимъ было не такъ легко, но, послѣ отчаяннаго сопротивленія, палъ передъ Александромъ и Кирополь, а за нимъ и седьмой, послѣдній изъ возставшихъ городовъ. Мужское ихъ населеніе было, по приказанію Александра, вырѣзано, а женщины и дѣти обращены въ рабство.

Точно также непонятенъ топографически и слѣдующій за симъ разсказъ Арріана: «Тѣмъ временемъ прибыло къ Танаису изъ Азіи[1] войско Скиѳовъ, привлеченное слухомъ о возстаніи противу Александра многихъ изъ варваровъ по ту сторону рѣки» (τῶν ἐπ' εκεῖνα τοῦ ποταμοῦ βαρβάρων; «по ту» относительно Скиѳовъ, т. е. на лѣвомъ берегу, или «по ту» относительно Грековъ, т. е. на правомъ?), съ тѣмъ чтобы присоединиться къ нимъ противу Македонянъ, если возстаніе окажется значительнымъ. Не обращая вниманія на нихъ, Александръ принялся строить предположенный городъ, и въ-теченіе двадцати дней вывелъ стѣны его. Скиѳы, между-тѣмъ, не отходили отъ противуполож-

---

[1] Къ Танаису, т. е. къ Яксарту. Арріанъ зналъ что Яксартъ не Танаисъ, и самъ разъясняетъ это (кн. III, гл. 30); тѣмъ-неменѣе постоянно именуетъ Яксартъ Танаисомъ, и какъ эта-послѣдняя рѣка, по понятіямъ Грековъ, служила гранью между Европою и Азіею, то, говоря объ Яксартѣ подъ именемъ Танаиса, увлекается этимъ-послѣднимъ именемъ и невольно представляетъ себѣ что Азія начинается лишь за этою рѣкою, забывая что повѣствуетъ о дѣйствіяхъ Александра въ той же самой части свѣта.

наго берега, и какъ рѣка тутъ (около того мѣста гдѣ строился городъ) не широка, пускали черезъ нее стрѣлы, и всячески задирали Македонцевъ: «не смѣетъ-де Александръ со Скиѳами помѣряться; пусть попробуетъ, такъ своими боками узнаетъ какая разница между ними и азіатскими варварами (т. е. осѣдлыми Азіатцами)». Такая похвальба раздражила наконецъ Александра, онъ рѣшился напасть на нихъ переправившись черезъ рѣку, и велѣлъ готовить шкуры[1] для переправы. Жертвоприношенія по этому случаю не предзнаменовывали успѣха; тѣмъ-не-менѣе Александръ хотѣлъ поставить на-своемъ, и, обстрѣлявъ предварительно противуположный берегъ изъ машинъ, чѣмъ заставилъ отступить Скиѳовъ, совершилъ переправу благополучно и, напавъ на Скиѳовъ, обратилъ ихъ, послѣ упорнаго сопротивленія, въ бѣгство, причемъ пало съ ихъ стороны около тысячи человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ изъ вождей по-имени Сатракъ. Побѣдитель пустился преслѣдовать бѣгущихъ; пора стояла крайне знойная; жажда одолѣвала Македонянъ; бросались утолять ее водою какая въ тѣхъ мѣстахъ попадалась, крайне-вредною для желудка; Александра самого схватилъ такой жестокій поносъ, что пришлось прекратить пре-

---

[1] Шкуры, т. е. надутыя воздухомъ шкуры животныхъ, собственно «мѣха», которыя, будучи связаны, и настланы легкимъ помостомъ изъ фашинъ, представляютъ такимъ образомъ плоты, удобные не только для переправы черезъ рѣки, но и для плаванія по нимъ. На такомъ плоту спускался А. Борнсъ по Кабулъ-Дарьѣ, въ маѣ 1838 года, изъ Джелальабада до Матти. См. его Cabool (London, 1843), p. 276.

слѣдованіе; онъ едва не умеръ; «не заболѣй Александръ, замѣчаетъ Арріанъ, преслѣдованіе бѣгущихъ Скиѳовъ продолжалось-бы, и въ этомъ преслѣдованіи погибло-бы все войско его». Послѣ описанной схватки, Скиѳы прислали однакоже пословъ къ Александру съ извиненіями и изъявленіемъ готовности исполнять его приказанія (кн. IV, гл. 4 и 5).

Такъ безуспѣшно для Александра окончился походъ его противу Скиѳовъ за Яксартъ. Войти въ подробности объ этомъ походѣ и вообще о дѣйствіяхъ Александра на берегахъ помянутой рѣки сочли мы относящимся къ нашему предмету потому что, хвалясь потомъ, въ Вавилонѣ, побѣдою своею надъ Саками, не могъ онъ, какъ уже выше замѣчено, разумѣть никакой другой побѣды кромѣ описаннаго пораженія имъ Скиѳовъ по переправѣ черезъ Яксартъ. Приходится думать, слѣдовательно, что Скиѳы съ которыми бился онъ на правомъ берегу Яксарта были — Саки. Квинтъ Курцій, разсказывая о томъ же пораженіи нанесенномъ Александромъ Скиѳамъ, прибавляетъ вслѣдъ за тѣмъ что съ изъявленіемъ покорности явились къ нему послы отъ Саковъ (кн. VII, гл. 9). Такимъ образомъ, Кв. Курцій отличаетъ, по-видимому Саковъ отъ Скиѳовъ съ которыми воевалъ Александръ; но это потому лишь что ему вообразилось будто Скиѳы эти были Скиѳы европейскіе (Яксартъ онъ тоже называетъ Танаисомъ), а Саковъ считалъ онъ обитателями Азіи. Такимъ образомъ разсказъ Кв. Курція не опровергаетъ нашего вывода что Скиѳы съ которыми воевалъ

Александръ за Яксартомъ были именно Саки, а, напротивъ, подтверждаетъ его. — Сакамъ-же осѣдлымъ должны были принадлежать и тѣ семь городовъ по Яксарту которые возставали противу Александра, если только города эти лежали на правомъ берегу рѣки. Въ случаѣ если расположены они были на лѣвомъ, оказывается что въ Александровы времена этотъ лѣвый, нынѣ почти пустынный берегъ, имѣлъ весьма густое населеніе; на этомъ лѣвомъ берегу долженъ былъ находиться и сильно-укрѣпленный Кирополь: зачѣмъ-же было строить тутъ еще и Александрію?

Скиѳы, послѣ урока даннаго имъ Александромъ, прислали къ нему пословъ, отъ имени своего и царя ихъ, извиняться, говоря что затѣяли войну съ нимъ, безъ народнаго на то согласія, лишь негодные изъ среды ихъ людишки, а они готовы исполнять его волю. Никакихъ послѣдствій посольство это не имѣло, такъ-какъ Александру было въ это время не до Скиѳовъ: сильный отрядъ македонскихъ войскъ посланный Александромъ въ подкрѣпленіе маракандскому гарнизону, обложенному Спитаменомъ, былъ истребленъ послѣднимъ, и онъ вновь осадилъ этотъ городъ въ тылу у Александра. Союзниками Спитамену служили при этомъ Скиѳы, которыхъ Арріанъ отличаетъ наименованіемъ «кочевыхъ». Далѣе, при описаніи послѣдующихъ дѣйствій Спитамена въ Согдіанѣ, эти Скиѳы союзные Спитамену являются у Арріана уже подъ именемъ Скиѳовъ-Массагетовъ и просто Массагетовъ (кн. IV, гл. 16 et 17).

Болѣе свѣдѣній о жителяхъ прибрежій Яксарта заключалось, быть можетъ, въ запискахъ о томъ краѣ которыя оставилъ полководецъ Селевка и Антіоха сирійскихъ, по-имени Деодамъ, предпринимавшій, по свидѣтельству Плинія-натуралиста, походъ за Яксартъ (Hist. Nat. Lib. VI, cap. 18). Плиній пользовался этими записками, но до насъ, къ-сожалѣнію, не дошли онѣ. Изъ позднѣйшаго періода греческаго владычества въ Бактріи извѣстно лишь то что владычество это простиралось на Согдіану и доходило на востокъ «до Серовъ и Фруновъ» (Страбонъ, кн. XI, гл. 11, § 1-2). Охватывало оно берега Яксарта, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ Греки, со временъ Александра-Великаго, имѣли полную возможность близко ознакомиться съ кочевымъ и осѣдлымъ населеніемъ по теченію этой рѣки. Такъ и было, безъ сомнѣнія, въ дѣйствительности; но у классическихъ писателей жившихъ послѣ Александра-Великаго не находимъ почти никакихъ свѣдѣній объ этомъ населеніи, которыя относились-бы къ нашему предмету. Между-тѣмъ послѣдовало паденіе Греко-Бактрійскаго Царства подъ давленіемъ напиравшихъ на него сосѣднихъ кочевниковъ. Главную роль въ этомъ дѣлѣ Страбонъ, видѣли мы, приписываетъ *Сакамъ* и скиѳскимъ народамъ по-имени Асіи, Пасіаны, Тохары и Сакараулы, «вышедшимъ изъ страны за-яксартской сосѣдней съ Саками и Согдійцами, страны также принадлежавшей Сакамъ» (кн. XI, гл. 8, § 2). Краткое извѣстіе это указываетъ на важный переворотъ въ судьбахъ Саковъ и сосѣдняго съ ними

среднеазійскаго населенія: Саки выселяются частію изъ прежнихъ жилищъ своихъ, которыя занимаются другими народами, и затѣмъ народы эти, вмѣстѣ съ Саками, занимаютъ зѐмли бывшаго Греко-Бактрійскаго Царства. Вслѣдствіе какихъ-же обстоятельствъ, и когда именно совершилось это передвиженіе? Ни на то, ни на другое, не встрѣчаемъ ни малѣйшаго указанія у греческихъ и римскихъ писателей, хотя изъ Поливія (XI, 34) видимъ что еще во времена Эвѳидема, царя греко-бактрійскаго (въ концѣ III-го вѣка до Р. Х.), кочевые Скиѳы начинали уже напирать на его владѣнія, и царь этотъ предсказывалъ что съ ослабленіемъ силы бактрійскихъ Грековъ, кочевники эти ринутся и опустошатъ не только Бактрію, но и владѣнія Селевкидовъ. Трогъ Помпей, какъ видно изъ сохранившагося оглавленія потерянной «Исторіи» его, говорилъ положительно при какомъ греко-бактрійскомъ царѣ случилось что Scyticae gentes, Sarancae (Sakarauli Страбона?) et Asiani (Asii Страбона) Bactra occupavere et Sogdianos; да имени-то этого царя къ-сожалѣнію не упоминается въ оглавленіи; а изъ сократителя Трога Помпея, Юстина (XLII, 1-2), узнаёмъ не болѣе того что Скиѳы стали опустошать предѣлы пареянскихъ владѣній при Митридатѣ, современникѣ Антіоха сирійскаго; что преемникъ этого Митридата, Фраатъ, погибъ въ войнѣ противу нихъ, и Скиѳы, награбившись вдоволь, ушли во-свояси; что преемникъ Фраатовъ, Артабанъ, тоже погибъ въ войнѣ противу одного изъ скиѳскихъ народовъ, который Юстинъ име-

нуетъ Тохарами (Tochari), а преемникъ Артабановъ, Митридатъ, отомстилъ Скиѳамъ за ихъ вторженія, и т. д. Но были-ли эти столкновенія Скиѳовъ съ Пареянами современны со вторженіемъ Саковъ въ Согдіану и Бактріану, сказать положительно, опираясь только на греческіе и римскіе источники, нельзя.

Причины и время выселенія Саковъ изъ-за Яксарта выяснились нѣсколько для европейскихъ ученыхъ лишь въ половинѣ прошлаго столѣтія, благодаря историческимъ трудамъ Китайцевъ, съ которыми впервые познакомилъ тогда Европу французскій орьенталистъ Дегинь[1]. Именно узнаёмъ изъ китайскихъ писателей — какъ излагаютъ извѣстія ихъ европейскіе изыскатели[2] — что въ началѣ II-го вѣка до Р. Х. жилъ въ нынѣшнемъ Тангутѣ народъ по-имени *Юечжи* (или *Юети*), въ сосѣдствѣ съ другимъ народомъ по-имени *Усунь*, тогда-какъ въ западной части нынѣшней Джунгаріи обиталъ народъ *Се* (иначе *Сай* и *Су*). Затѣмъ, около 162 г. до Р. Х. народъ *Хунну*, жившій къ сѣверу отъ Юечжійцевъ, напалъ на послѣднихъ, вслѣдствіе чего Юечжійцы нашли лучшимъ выселиться изъ означенныхъ обиталищъ своихъ и откочевали бо́льшею частію въ Джунгарію, откуда обитавшихъ тамъ Се'йцевъ вытѣснили далѣе на западъ, къ Яксарту. Поз-

---

[1] Записка его объ этомъ предметѣ подъ заглавіемъ: Recherches sur quelques événements qui concernent l'histoire des rois grecs de la Bactriane etc. вошла въ составъ Mémoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-lettres, t. XXV (1759), 17-33.

[2] Дегинь, Малья, Клапротъ, Риттеръ, Вивьенъ Сенъ-Мартенъ, Лассенъ и другіе.

же, въ періодъ времени отъ 160 по 128 г. до Р. Х. Усуньцы, также Хуннами вынужденные оставить кочевья свои, потянулись по слѣдамъ Юечжійцевъ, и вытѣснили ихъ изъ Джунгаріи, а Юечжійцы, вслѣдствіе этого, заняли кочевья Се'йцевъ, и, принудивъ послѣднихъ вторгнуться въ Согдіану и Бактріану[1], вслѣдъ за ними и сами туда выселились.

Тождественность народа именуемаго Китайцами Се, иначе Сай и Су, съ Саками греческихъ писателей, бросается въ глаза, и признана всѣми европейскими изслѣдователями разбиравшими, послѣ Дегиня, вопросъ о Скиѳахъ которые разрушили Греко-Бактрійское Царство[2], какъ по созвучію въ именахъ *Сай* и *Сака*[3],

---

[1] Китайцы не знаютъ ни Бактріаны, ни Согдіаны: говоря объ этихъ странахъ и населеніи ихъ, то и другое именуютъ они *Дахя*. Это-же названіе усвоено было ими означеннымъ странамъ по имени народа именуемаго у Грековъ Δάοι, у Римлянъ Dahae, народа составлявшаго, должно полагать, коренное населеніе обѣихъ этихъ странъ. Тождественность *Дахя* Китайцевъ съ *Да'ями* или *Дай'ами* классическихъ писателей, равно-какъ съ Согдіаною и Бактріаною, признается всѣми европейскими изслѣдователями. Только Вильсонъ (Ariana Antiqua, p. 303), Богъ знаетъ почему, принимаетъ Дахя за Хорасанъ.

[2] Кромѣ Вивьенъ Сенъ-Мартена и Лассена, о чемъ см. выше, стрн. 46-47.

[3] Что китайскія *Се*, *Су*, *Сай* передаютъ только первый слогъ имени *Сака*, оставляя послѣдній, *ка*, безъ передачи, не покажется страннымъ ни для кого кому извѣстно что, привычные къ односложности, Китайцы весьма часто затруднялись передачею многосложныхъ иноязычныхъ именъ, и находили достаточнымъ обозначать ихъ однимъ или двумя первыми ихъ слогами. Такъ видимъ что извѣстный буддійскій путешественникъ IV вѣка, Фа-Сянь, обозначаетъ народъ *Уйгуровъ* именемъ *Уй*, городъ *Нагараиару* — именемъ *На-ко*, и т. д. (См. Foe-Koue-ki въ переводѣ

такъ и по совпаденію мѣстъ жительства обоихъ этихъ народовъ. Выходитъ, такимъ образомъ, что причиною движенія Саковъ въ Согдіану и Бактріану былъ напоръ на нихъ сзади другихъ кочевниковъ, вслѣдствіе насилій имѣвшихъ мѣсто на западныхъ предѣлахъ Китая, и стремленія избавиться отъ этихъ насилій. Видимъ что одинъ кочевой народъ (Хунны), по чему-либо усилившійся сравнительно съ другими, начинаетъ обнаруживать свое превосходство подвергая ихъ грабежамъ. Тѣ (Юечжійцы и Усуни), не будучи въ силахъ противустоять врагу, и избѣгая разоренія, уходятъ отъ него подальше, этимъ движеніемъ своимъ сталкиваютъ съ мѣста то кочевое населеніе (Се'йцевъ) въ земляхъ котораго ищутъ себѣ убѣжища, и такимъ образомъ изъ гонимыхъ переходятъ сами въ роль гонителей. Это — самое обыкновенное явленіе въ степяхъ Средней-Азіи, постоянно отражавшееся и на сопредѣльныхъ имъ степяхъ Юговосточной-Европы. Такъ, не говоря о болѣе раннихъ временахъ, Жужаньцы, усилившіеся въ IV вѣкѣ по Р. Х., тѣснятъ съ востока Хунновъ; Хунны, тѣснимые Жужаньцами, кидаются на Алановъ, а бѣгущіе отъ Хунновъ Аланы обруши-

---

А. Ремюза, Paris, 1836, pp. 6, 45, и въ переводѣ Биля, London, 1869, pp. 6, 27). Да, притомъ, мы не знаемъ какъ звали себя сами Саки — *Сака* или *Сакъ*; въ послѣднемъ-же случаѣ звукъ *к* не былъ переданъ въ китайской транскрипціи на томъ основаніи что les Chinois ont l'habitude de supprimer les consonnes finales dans les mots étrangers, si ce ne sont pas les *ng* et les *n*, commes les seules consonnes qui ferment des syllabes chinoises, какъ замѣчаетъ Клапротъ (Tableaux historiques de l'Asie, p. 173).

ваются лавиною на Западную-Европу. Затѣмъ, въ VI вѣкѣ, Жужаньцы, тѣснимые Турками, бросаются на черноморскія степи, и подъ именемъ Аваровъ наводятъ страхъ до береговъ Луары. Позже тѣснятъ другъ друга: Угровъ — Печенѣги, Печенѣговъ — Узы, Узовъ — Команы или Кипчаки, и каждый бѣглецъ изъ Азіи является, переступая за Волгу, грознымъ насильникомъ на степяхъ Черноморья. Слѣдовательно обстоятельства, по китайскимъ свѣдѣніямъ, заставившія Саковъ сдвинуться со степей при-яксартскихъ въ долины Политимета (Зерэфшана) и Окса (Аму-Дарьи) являются вполнѣ удовлетворительною причиною того, почему обрушились Саки на Греко-Бактрійское Царство. Что-же касается до процесса какимъ шло вторженіе Саковъ и другихъ смежныхъ съ ними скиѳскихъ народовъ въ предѣлы этого царства, то, видится намъ, могъ онъ происходить несовсѣмъ такимъ образомъ какъ заставляютъ европейскіе ученые разсказывать объ этомъ китайскихъ писателей, и еще менѣе происходилъ такимъ образомъ какъ дѣйствительно разсказываютъ Китайцы.

Въ первомъ отношеніи, излагаютъ событія такимъ образомъ, какъ-бы передвиженіе совершалось исключительно въ степной полосѣ къ сѣверу отъ Тяньшанскаго-Хребта, по высокимъ пересѣченнымъ горами равнинамъ Джунгаріи и низменнымъ относительно плоскостямъ озерной области отъ Балкаша до Арала; и затѣмъ всю лавину кочевниковъ заставляютъ обрушиваться въ долины Зерэфшана и Аму — черезъ Яксартъ

въ нижней части его теченія. Это несогласно съ извѣстіями первоначальныхъ китайскихъ источниковъ: «Историческихъ Записокъ» Сымацяня и Яньюна, и «Исторіи Старшихъ Ханей» Баньгу. По этимъ писателямъ, Юечжи, или Юети, кочевали въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. на пространствѣ отъ Дунь-Хуан'а до Циляньшан'я[1], а это не значитъ въ Тангутѣ. Отсюда, позже, дѣйствительно показываются они откочевавшими на западъ вслѣдствіе притѣсненій Хунновъ, но путь какимъ именно откочевали они, не опредѣляется: у Яньюна говорится просто: «перешли отъ Даван'и на западъ»[2]. а изъ Баньгу видно только, что въ этомъ движеніи и западъ прошли они черезъ зѐмли которыя въ его, Баньгуево, время заняты были народомъ по-имени Усунь. Усуньцы, сколько видно изъ подробностей сообщаемыхъ Китайцами о ихъ странѣ, занимали кочевьями своими пространство около озера Иссы-Куля и долину рѣки Или; страна-же по-имени Давань сооотвѣтствовала Ферганской-Долинѣ, или Коканскому-Ханству въ нынѣшнихъ его предѣлахъ. Слѣдовательно, это еще вопросъ, какимъ путемъ добрались Юечжійцы до окрестностей Иссыкуля: могли они пройти туда и не черезъ Джунгарію, а черезъ Восточный-Туркестанъ. Что-же касается до народа Се, который занималъ, по Баньгу, зѐмли Усуней до прихода туда Юечжійцевъ, то нѣтъ и намека на то чтобы Юечжійцы вытѣснили его изъ окрестностей Иссыкуля именно къ берегамъ Яксарта,

[1] «Собр. свѣд. о нар. Сред. Азіи», III, 6-7 и 55.
[2] Тамъ же, III, 7.

а оттуда въ Землю-Дахя (Согдіану): «когда Юечжійцы, на западѣ, разбили и выгнали се'скаго владѣтеля, онъ перешелъ на югъ, за «Висячій-Переходъ» — сказываетъ Баньгу[1]; «Висячимъ-же Переходомъ», по китайскимъ извѣстіямъ, назывался по-видимому какой-либо изъ трудныхъ и высокихъ горныхъ перевалов въ Восточномъ-Гиндукушѣ[2]. При такомъ положеніи «Висячаго-Перехода», Се'йцамъ, гонимымъ Юечжійцами, гораздо естественнѣе было добраться до него вдоль Памирской-Выси или огибая ея скаты, чѣмъ кружить сначала къ низовьямъ Яксарта, оттуда въ Согдіану, изъ Согдіаны въ Бактріану, а изъ послѣдней уже подыматься на горы черезъ которыя ведетъ означенный проходъ — какъ, по предположенію Вивьенъ Сэнъ-Мартена, Лассена и другихъ двигались Се'йцы, удаляясь отъ Юечжійцевъ[3].

Но, независимо отъ того что соображенія европей-

---

[1] Тамъ же, III, 65.

[2] См. объ этомъ ниже.

[3] Вильсонъ перепутываетъ извѣстія Китайцевъ до такой степени что, по его изложенію, Юечжійцы, гонимые Хуннами, прежде всего вступаютъ въ союзъ съ Даями (*Дахя*), и затѣмъ уже, въ соединеніи съ послѣдними, гонятъ Саковъ къ югу, вслѣдствіе чего Саки и вторгаются въ Бактрію (Ariana Antiqua, p. 141). Замѣтимъ здѣсь также страшный промахъ Абель-Ремюзы по отношенію къ Юечжійцамъ: въ комментаріѣ своемъ на «Фо-го-цзы», заставляетъ онъ ихъ владѣть пятью городами въ Бактріанѣ тогда уже когда владѣнія ихъ посѣщены были Чжанъ-Цянемъ (Fo-koue-ki, p. 83). Между-тѣмъ тогда властвовали они только въ Согдіанѣ, а о существованіи пяти удѣловъ юечжійскихъ въ Бактріанѣ узнаёмъ мы гораздо позже, изъ «Исторіи Старшихъ Ханей», писанной въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х.

скихъ изслѣдователей передаются ими въ качествѣ положительныхъ извѣстій китайскихъ источниковъ, представляются намъ невполнѣ достовѣрными и самыя сказанія дѣйствительно принадлежащія Китайцамъ.

Какъ Яньюнъ, такъ и Баньгу, обое утверждаютъ что до вступленія на престолъ императора Вуди (до 141 года передъ Р. Х.) Китайцы не имѣли никакихъ сношеній со странами и народами къ западу отъ ихъ собственнаго государства, такъ-что чиновникъ Чжанцянь, проникшій туда, по повелѣнію означеннаго императора, въ 130-хъ годахъ до Р. Х., и сообщившій кое-какія о нихъ свѣдѣнія, представляется имъ Колумбомъ открывшимъ существованіе совершенно-неизвѣстнаго дотолѣ Китайцамъ міра. Донесеніе Чжанцяня императору Вуди представляется единственнымъ источникомъ откуда оба историка черпали извѣстія сообщаемыя ими о передвиженіяхъ Юечжійцевъ, Се и Усуней. При такомъ отсутствіи у Китайцевъ, въ половинѣ II-го вѣка до Р. Х., свѣдѣній о положеніи народовъ Средней-Азіи, довольно-трудно предположить чтобы Чжанцянь, который лишь мелькомъ видѣлъ нѣкоторые изъ этихъ народовъ, для котораго все у нихъ было ново, имѣлъ возможность собрать точныя свѣдѣнія о границахъ ихъ владѣній, ихъ отношеніяхъ и прежнихъ судьбахъ, ничего изъ сообщеннаго ему не перепуталъ въ головѣ своей, и затѣмъ, излагая видѣнное и слышанное по возвращеніи въ отечество, ничего не забылъ, и по забывчивости не пропустилъ или не переиначилъ. О Россіи, сосѣдней съ Китаемъ, Ки-

тайцы, конечно, имѣютъ возможность знать не менѣе чѣмъ знали они, въ концѣ II-го вѣка до Р. Х., о странахъ и народахъ въ бассейнѣ Яксарта и Окса; а взгляните на свѣдѣнія о Россіи заключающіяся, на-примѣръ, въ «Си-юй-вынь-цзянъ-лу», сочиненіи вышедшемъ въ свѣтъ въ 1770-хъ годахъ: свѣдѣнія эти таковы что по нимъ весьма трудно догадаться, идетъ-ли дѣло о Россіи или о какомъ-то другомъ, неизвѣстно какомъ, государствѣ. По этимъ китайскимъ свѣдѣніямъ, Русскіе—потомки китайскаго Лилин'а, а Россія—древнее владѣніе Динлинъ, зависѣла издавна отъ Кунгаровъ и платила имъ дань, но въ половинѣ XVIII столѣтія возмутилась противу нихъ, и нѣсколько лѣтъ боролась, безуспѣшно однакоже, такъ-что опять принуждена была платить прежнюю дань прибавивъ къ ней ежегодно 500 мальчиковъ да 500 дѣвушекъ, и т. д.[1]. Почему-же, если въ прошломъ столѣтіи могли Китайцы печатать такія нелѣпицы о сосѣдней имъ Россіи, должны мы вѣрить въ каждое слово китайца писавшаго во II-мъ вѣкѣ до Р. Х. о странахъ и народахъ бывшихъ тогда совершенно-неизвѣстными далекому отъ нихъ Китаю? Полагая a priori что Чжандянь, а за нимъ и другіе китайскіе писатели о дѣлахъ Запада могли и должны были многое перепутать, многое упустить изъ виду, оправданіе этому предположенію нахожу я, между прочимъ, въ слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ числѣ среднеазійскихъ народовъ содѣйствовав-

[1] См. у І. Бичурина въ «Описаніи Чжуньгаріи и Восточнаго Туркестана» (Спб. 1829), стрн. 155-156.

шихъ паденію Греко-Бактрійскаго Царства Страбонъ, видѣли мы, упоминаетъ *Тохаровъ*, и о борьбѣ Пареянъ съ *Тохарами*, видѣли мы также, говоритъ Юстинъ. У Птоломея *Тохары*, съ эпитетомъ μέγα ἔθνος, являются уже народомъ живущимъ въ Бактріанѣ къ югу отъ Окса между притоками его Даргидомъ и Заріаспомъ, и, сверхъ того, на лѣвомъ берегу Яксарта (кн. VI, гл. 11 и 12), гдѣ именуются уже не Τόχαροι, а Τάχοροι. Позже, у Персовъ, вся Бактріана звалась не иначе какъ *Тохарестаномъ*. Тамъ же въ Бактріанѣ помѣщаютъ народъ *Тухоло* и позднѣйшія китайскія извѣстія[1]. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что Тохары были дѣйствительно въ числѣ народовъ вторгнувшихся въ предѣлы Греко-Бактрійскаго Царства, и осѣвшихъ въ немъ. Имени этого народа не встрѣчаемъ, междутѣмъ, ни у Яньюна, ни у Баньгу: какъ просмотрѣли они передвиженіе этого народа, такъ могли промолчать и о другихъ подобныхъ. Откуда-же вторглись Тохары въ Бактріану? Страбонъ упоминаетъ ихъ въ числѣ народовъ двинувшихся изъ-за Яксарта. Но мы знаемъ что «изъ-за Яксарта» по понятіямъ древнихъ географовъ значило не то что̀ по нашимъ; «изъ-за-Яксарта» могло значить, между прочимъ, «изъ-за Памирской-Выси». Оттуда, изъ Восточнаго-Туркестана, съ праваго прибрежья Тарима, и двинулись они, если

---

[1] «Собр. свѣд. о нар. Сред. Азіи», III, 176, 202 и 254-257; Неймана: Asiatische Studien, I, 179; Абель-Ремюза: Nouveaux Mélanges Asiatiques, I, 244-247; Mémoires sur les contrées occidentales par Hionen-Thsang, II, 191-201.

вѣрить свидѣтельству Сюань-Цзана[1], а мы не видимъ по чему-бы сомнѣваться въ его достовѣрности. Значитъ вторженіе скиѳскихъ народовъ въ Греко-Бактрійское-Царство во II-мъ вѣкѣ до Р. Х. имѣло мѣсто не только съ сѣвера, изъ-за низовьевъ Яксарта, но и съ востока, черезъ Памирскую-Высь.

Далѣе. Если не единственную, то главную роль въ покореніи Дахя (Бактріаны) приписываютъ Янь-юнъ и Баньгу народу по-имени Юечжи, или Юети, о которомъ, въ свою очередь, ни словомъ не упоминаютъ, ни Страбонъ, ни Юстинъ. Довольно трудно объяснить это обстоятельство, не предположивъ что Юечжи или Юети Китайцевъ извѣстны были историкамъ и географамъ классическаго міра подъ какимъ-либо другимъ именемъ. Мы думаемъ что такъ это и было. *Юети* — самая точная, по свойству письменъ и языка Китайцевъ, транскрипція имени Гетовъ, Getae, Γέται[2]. Къ

---

[1] Mémoires sur les contrées occidentales, II, 247.

[2] Какими знаками пишутъ Китайцы *Юечжи* и *Юети*, и почему предпочитаетъ Клапротъ послѣднее чтеніе, объяснено у него, въ Tabl. hist. p. 287-288. Считая предпочтеніе это натяжкою со стороны Клапрота, вслѣдствіе расположенія послѣдняго признавать Юети именемъ тождественнымъ съ Готами, Гетами, Ютами, Лассенъ (Zur Geschichte, s. 249) возстаетъ противу этого чтенія, основываясь, между прочимъ, на томъ что нашъ покойный синологъ, отецъ Іакинѳъ Бичуринъ, не знавшій о гипотезѣ Клапрота, писалъ постоянно Юечжи. Но о. Іакинѳъ, со всѣмъ уваженіемъ къ его заслугамъ по части ознакомленія русской публики съ историческими произведеніями Китайской Литературы, никакъ уже не можетъ служить авторитетомъ когда идетъ дѣло о научной отчетливости. Варіанты въ начертаніи и произношеніи собственныхъ именъ, когда таковые существуютъ, означаются

тому же тѣхъ Юети, которые выселились отъ предѣловъ Китая на западъ, китайскіе историки, не называютъ иначе какъ *Да-Юети*, «Великіе-Юети», т. е. «Великіе-Геты». Эпитетъ-же «великій», *маґа* въ индо-арійскихъ нарѣчіяхъ, измѣняющійся въ нарѣчіяхъ персскихъ въ *мазъ*, *масъ*, есть тотъ самый съ которымъ азіатскіе Геты являются у греческихъ и римскихъ писателей. Такимъ образомъ китайское *Да-Юети* является переводомъ имени *Масса-Гетовъ*. Тождество обоихъ народныхъ именъ этихъ давно уже признано [1]; но не выведено изъ него того послѣдствія которое должно оттуда вытекать — именно что въ дѣлѣ разрушенія Греко-Бактрійскаго Царства Массагетамъ, наряду съ Саками, принадлежала весьма видная роль, и что значительная часть ихъ, также подобно Сакамъ, должна была промѣнять прежнія кочевья свои, къ сѣ-

---

въ китайскихъ книгахъ мелкимъ шрифтомъ непосредственно за тѣмъ словомъ къ которому относятся: о. Іакинѳъ никогда не обращалъ вниманія на эти варіанты, и пропускалъ ихъ въ своихъ переводахъ, а къ разряду такихъ варіантовъ относится и *Юе-ти*, вмѣсто *Юе-чжи*. Такимъ же образомъ имя *Татаръ* передается Китайцами, то въ видѣ *Та-чжи* и *Та-дзы*, то въ видѣ *Та-та*. Ясно что послѣднее правописаніе правильнѣе, хотя и рѣже встрѣчается.

[1] Прежде всѣхъ — Абель-Ремюзою. См. Nouveaux Mélanges Asiatiques, I, 220. Слово *масъ*, *мазъ* встрѣчается и въ сложныхъ славянскихъ именахъ: такъ, по Менандру, посломъ отъ Антовъ къ Аварамъ, въ началѣ второй половины VI вѣка, отправленъ былъ *Мезамиръ*, Μεζάμηρος (у Стриттера, въ Memoriae populorum etc. II, 41-42). Поэтому Шафарикъ напрасно полагаетъ что тутъ, вмѣсто *Мезамиръ*, слѣдуетъ читать *Незамиръ* (Slawische Alterthümer, II, 58).

веру отъ Яксарта, на зѐмли въ долинахъ Зерэфшана и Аму. Юети, или Геты, обитавшіе на западныхъ предѣлахъ Китая, составляли, должно полагать, лишь меньшій отдѣлъ того Гетскаго Народа который издавна жилъ къ сѣверу-востоку отъ Яксарта подъ именемъ «Великихъ-Гетовъ», или Массагетовъ. Къ этимъ однородцамъ своимъ и потянулись на западъ Геты пораженные Хуннами у воротъ Китая. Весьма вѣроятно что переселеніе это дало первый толчокъ тому передвиженію среднеазійскихъ народовъ результатомъ котораго было вторженіе ихъ въ Греко-Бактрійское Царство, и его ими разрушеніе; но не менѣе вѣроятно и то что Чжанцянь и его послѣдователи, изъ-за Гетовъ давно бывшихъ извѣстными Китайцамъ какъ сосѣди, просмотрѣли Массагетовъ на Яксартѣ, про которыхъ, по отдаленности ихъ, ничего не вѣдали, вслѣдствіе чего и приписали однимъ первымъ то что сдѣлано было преимущественно послѣдними, причемъ и прозвище ихъ, «великіе», перенесли тоже на первыхъ[1]. Позже, у Плинія (H. N. VI, 18), а затѣмъ и

[1] По Чжанцяню и Баньгу, Юечжи, или Юети, живя на границахъ Китая, не имѣли при этомъ имени своемъ эпитета *да*, «большой»: съ эпитетомъ этимъ являются Юети у означенныхъ писателей не ранѣе какъ по занятіи ими *Дахя* (Согдіаны и Бактріаны). Эпитетъ этотъ дается имъ какъ-бы въ противуположность съ тою частію Юетійцевъ которая не послѣдовала за большинствомъ на Яксартъ, а осталась въ «Южныхъ-Горахъ», и которую поэтому будто-бы прозвали сосѣдніе Цяны (восточные Тибетцы) «Малыми-Юети» (*Хяо-Юети*). См. «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», т. III. стрн. 7 и 55. Не Цяны, представляется намъ, назвали такъ Юетійцевъ въ «Южныхъ-Горахъ», а сами писатели

у Птоломея (Geogr. VI, 12), показываются въ числѣ другихъ народцевъ и народовъ въ Согдіанѣ, и Jatii, Ἰάτιοι: эти *Яты* плиніевскіе и птоломеевскіе и суть, по мнѣнію нашему, остатки *Юеты*, прикочевавшихъ изъ-подъ Китая и оставшихся на Яксартѣ, тогда-какъ *Массагеты* (*Да-Юеты*) проникли въ Бактріану и далѣе. Что-же касается до того, какъ могъ Гетскій Народъ разселиться такимъ образомъ что одна часть его жила у стѣнъ Китая, а другая, отдѣленная отъ первой Саками, кочевала въ степяхъ при-яксартскихъ, обстоятельство это не представляетъ чего-либо необыкновеннаго въ исторіи народовъ Средней-Азіи. Впослѣдстіи точно такимъ же образомъ видимъ мы раскинутыми нѣкоторые тюркскіе, а позже — и монгольскіе народы. Такъ Печенѣги, въ X вѣкѣ, упоминаются живущими въ одно время подъ стѣнами Китая и на Черноморскихъ Степяхъ; такъ Калмыковъ видимъ, съ XVII вѣка, занимающими на сѣверѣ Джунгарію, на юго-востокѣ Тангутъ, а на юго-западѣ — наши Астраханскія Степи.

Можно думать также что принимали участіе въ наплывѣ на Бактрію и Усуни — о чемъ ничего у Китайцевъ не находимъ — такъ-какъ сходство имени Усуней съ Asiani Страбона и Трога-Помпея слишкомъ оче-

---

китайскіе. Такимъ же образомъ, позже, называетъ Мадуаньлинъ «Малыми-Юечжи» тотъ отдѣлъ Юетійцевъ который нападеніями Жеу-Жан'ей вынужденъ былъ выселиться въ Кабулистанъ; но при этомъ явно смѣшиваетъ этихъ Малыхъ-Юечжи въ Кабулистанѣ съ Малыми-Юечжи въ Тангутѣ. См. Мадуаньлиневы извѣстія у Ремюза, въ Nouv. Mélanges Asiatiques, I, 224.

видно чтобы не признать тождественными оба эти народы. Оставляя, впрочемъ, эту догадку[1] безъ подтвержденія другими доказательствами, переходимъ къ разсмотрѣнію китайскихъ извѣстій о передвиженіяхъ народа *Се*, который мы, вмѣстѣ съ другими орьенталистами, признаёмъ за тождественный съ *Сакамъ*.

Отчиною Се'йцамъ Баньгу, видѣли мы, даетъ ту часть Средней-Азіи гдѣ, въ его время, сидѣли Усуни, опредѣляя границы усуньскихъ владѣній: на востокъ — землями Хунновъ, на сѣверозападъ — землями народа Кангюй, на западъ — землями «Великихъ-Ваней, на югъ — «разными осѣдлыми владѣніями» (Восточнаго-Туркестана): помѣщаетъ, слѣдовательно, Се'йцевъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ гдѣ отводятъ жительство Сакамъ и греческіе географы, начиная съ Эратосѳена. Южною гранью усуньскихъ земель принимаетъ Баньгу такимъ образомъ главный хребетъ Тяньшаня, по южнымъ скатамъ котораго размѣщаются, для него, уже «осѣдлыя владѣнія», посторонніе Усуньцамъ. Но ограничивалась-ли отчина Се'йцевъ однѣми усуньскими землями? Этого Баньгу не утверждаетъ. Напротивъ, по его же показанію, Се'йцы составляли и населеніе горныхъ владѣній Хюсюнь и Гюаньду на сѣверозападъ отъ Суле[2]. Суле — это, извѣстно, нынѣшній Кашгаръ;

---

[1] Она принадлежитъ Дегиню (Mémoires de l'Acad. des inscriptions, t. XXV, p. 28), съ которымъ соглашался и Лассенъ (Zur Geschichte, s. 254).

[2] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 48 и 61-62. Это показаніе Баньгу слово-въ-слово повторено Мадуаньлинемъ въ статьѣ

Хюсюнь пріурочивается, по этому и по другимъ соображеніямъ, къ нынѣшней Алайской-Степи въ сѣверной части Памирской-Выси, около меридіана коканскаго города Андеджана, а Гюаньду — на востокъ оттуда, къ восточнымъ скатамъ Памирской-Выси, къ долинѣ рѣки Аратюмень, одного изъ верховьевъ Кашгарской-Рѣки[1]. Такимъ образомъ, Баньгу самъ вводитъ Се'йцевъ въ сѣверозападный уголъ Восточнаго-Туркестана. Но едва-ли, какъ это уже высказано нами выше, не занимали Саки, до III-го вѣка по Р. Х., и всей западной части этой страны. Слѣдъ былаго владычества ихъ тутъ, думаемъ мы, сохранился въ томъ имени которое даютъ нынѣшней Яркяни древніе китайскіе историки — въ имени *Согюй*, которое признаёмъ мы за весьма-точную китайскую транскрипцію звуковъ имени *Сака*.

Относительно выселенія Се'йцевъ изъ отчины вокругъ Иссыкуля, узнаёмъ изъ «Исторіи Старшихъ Ханей», какъ сказано выше, не болѣе того что «когда Да-Юети, на западѣ, разбили и выгнали се'скаго владѣтеля, то онъ перешелъ на югъ за «Висячій-Переходъ», а Да-Юети удалились на западъ и покорили Дахя». Изъ разсказа этого должно заключать что раз-

---

его Энциклопедіи (*Вэнь-сянь-тунъ-као*) о Гибини, какъ видимъ это изъ перевода А. Ремюза въ Nouv. Mélanges Asiatiques, I. p. 205-206.

[1] Основанія на которыхъ пріурочиваемъ мы такимъ образомъ Хюсюнь и Гюаньду, изложены нами въ дополненіяхъ къ нашему изданію Риттерова «Восточнаго-Туркестана», первый выпускъ котораго вышелъ въ свѣтъ (Спб. 1869), а послѣдній поступилъ уже въ печать.

битые Да-Юетіями Се'йцы ушли за «Висячій-Переходъ», слѣдуя на югъ, а не на западъ, куда продолжали двигаться Да-Юети. Черезъ Согдіану, значитъ, Се'йцы, по китайскимъ извѣстіямъ, не проходили, и страны этой, даже временно, подъ себя не забирали, ушли-же изъ отчины своей на югъ, за «Висячій-Переходъ», какимъ-либо инымъ путемъ, минуя Согдіану. Разсказывая въ другомъ мѣстѣ своей «Исторіи» о тѣхъ же событіяхъ, Баньгу выражается такъ: «Когда Хунну разбили Да-Юети, послѣдніе заняли на западѣ государство Дахя, а се'скій владѣтель занялъ на югѣ государство *Гибинь*»[1]. Нигдѣ нѣтъ рѣчи чтобы Да-Юети гнали передъ собою разбитыхъ Се'йцевъ на западъ: покореніе Да-Юетіями государства Дахя на западѣ представляется одновременнымъ съ покореніемъ Се'йцами государства Гибинь на югѣ.

Что̀-же это такое — *Гибинь*? Какой странѣ въ Азіи давали Китайцы это названіе? Разъясненіемъ этого обстоятельства долженъ разъясниться и путь которымъ двигались Се'йцы (Саки) въ Гибинь изъ своей отчины. Но прежде чѣмъ послѣдуемъ туда за ними, займемся тою частію этого народа которая осталась въ прежнихъ своихъ жилищахъ.

Откуда знаемъ мы однако что часть Саковъ осталась тамъ? Это видно, какъ изъ Страбона, который, упоминая о занятіи ими Бактріаны, тѣмъ-не-менѣе помѣщаетъ ихъ въ числѣ скиѳскихъ народовъ жившихъ

---

[1] «Собр. свѣд. о нар. Сред. Азіи», III, 48.

въ его время на сѣверовостокъ отъ Согдіаны, такъ и изъ Баньгу, который, упомянувъ о занятіи Усунями прежнихъ земель се'скихъ, и выселеніи оттуда Се'йцевъ за «Висячій-Переходъ», а Юетійцевъ — въ Дахя, замѣчаетъ что между Усунями остались однако «отрасли племенъ се'скаго и юетійскаго»[1]. Кромѣ-того, видѣли мы, Се'йцы, въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х., составляли также, по Баньгу, населеніе Хюсюн'и и Гюанду (сѣверной части Памирской-Выси и долины рѣки Аратюмень). Такимъ образомъ несомнѣнно что часть Саковъ выселилась изъ отчины своей около Иссыкуля и по долинѣ Илійской, а часть осталась тамъ, подчинившись власти новыхъ насельниковъ (Усуней), овладѣвшихъ этими землями. При этомъ, по общему въ Средней-Азіи обычаю[2], Саки должны были утратить свое народное имя, и принять, вмѣсто него, имя побѣдителей своихъ, вслѣдствіе чего и сойти съ исторической сцены. Въ извѣстныхъ намъ китайскихъ источникахъ не упоминается уже о Се'йцахъ во времена по Р. Х.[3]. Упоминаетъ, правда, о Сакахъ къ востоку отъ Яксарта и Памирской-Выси Пто-

---

[1] Тамъ же, III, 65.

[2] По тому обычаю по которому, на-примѣръ, когда Хунны были разбиты Сяньбійцами, 100,000 хуннскихъ кибитокъ, поддавшихся послѣднимъ, «приняли народное названіе *Сяньби*», какъ читаемъ въ «Исторіи Младшихъ Ханей». См. «Собр. свѣд. о нар. Сред. Азіи», I, 163.

[3] Владѣніе *Sse* о которомъ говорится у Мадуаньлиня (въ Nouv. Mélanges Asiatiques Абель-Ремюзы, I, 238) не имѣетъ ничего общаго съ Саками. Въ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ», по переводу о. Іакинѳа Бичурина («Собр. свѣд. о нар. Сред. Аіи», III, 188) именуется оно *Хэ*.

ломей-Александріецъ, писавшій уже въ половинѣ II-го вѣка по Р. Х.; но изъ этого, убѣждены мы, не слѣдуетъ заключать чтобы въ Птоломеево время Саки, тамъ гдѣ онъ помѣщаетъ ихъ, жили подъ собственнымъ своимъ именемъ. Паденіе греческаго владычества въ Бактріи должно было, если не совсѣмъ уничтожить торговыя связи Грековъ и Персовъ со странами при-памирскими и за-памирскими, то, по-крайней-мѣрѣ, сильно ослабить эти связи, и даже прервать ихъ временно. Притокъ этнографическихъ свѣдѣній объ этихъ странахъ, приносившихся торговцами въ Переднюю-Азію и распространявшихся оттуда далѣе по греко-римскимъ странамъ, долженъ былъ поизсякнуть. Тѣ, отчасти весьма подробныя, свѣдѣнія о Восточномъ-Туркестанѣ которыя находимъ у Птоломея пріобрѣтены были, по нашему мнѣнію, еще въ періодъ греческаго господства въ Бактріи, и относятся, по-крайней-мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, къ этому періоду (отъ III-го до I-го вѣка передъ Р. Х.), а не къ I-му, и тѣмъ болѣе ко II-му вѣку по Р. Х. Стало-быть Птоломей могъ говорить о Сакахъ на Памирѣ и за Яксартомъ когда они давно уже утратили здѣсь самостоятельное существованіе. Амміанъ Марцеллинъ знаетъ ихъ тамъ уже въ IV-мъ вѣкѣ; но мы видимъ что онъ только повторяетъ сказанное о нихъ Птоломеемъ. Такимъ же образомъ и Птоломей повторялъ во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. извѣстія о Сакахъ сообщенныя кѣмъ-либо лѣтъ за триста до его времени. Но, допуская даже что Саки въ означенныхъ мѣстахъ существовали подъ своимъ именемъ и

въ первой половинѣ II-го вѣка по Р. Х., кончить, всетаки, должны были они тѣмъ что, разсѣянные ключками между побѣдителями своими, слились съ ними, ранѣе или позже, до такой степени что совершенно утратили свою народную личность.

Часть Саковъ могла слиться съ болѣе-или-менѣе родственными имъ Гетами (Юетійцами, Массагетами)[1], и вмѣстѣ съ ними выселиться въ Восточную-Европу. Указаніемъ на такое сліяніе служатъ, быть можетъ, Τεκτοσάκες Птоломея, помѣщаемые имъ сѣвернѣе Саковъ, обокъ съ Σύηβοι, Σάσονες и другими народами напоминающими Свевовъ, Саксовъ и другія германскія племена[2]: Тектосаковъ этихъ или *Тевто-Саковъ* можно принимать за народъ образовавшійся изъ смѣси *Саковъ* съ *Тевтонами*[3]. Станціею въ движеніи Саковъ на западъ, о которомъ говоримъ, могъ быть городъ *Сага*, въ низовьяхъ Яксарта, упоминаемый Амміаномъ Марцеллиномъ. — Въ сѣверныхъ верховьяхъ Аму-Дарьи, тамъ гдѣ Баньгу помѣщаетъ се'ское, т. е. сакское,

---

[1] См. объ этомъ ниже.

[2] На такомъ помѣщеніи Σύηβοι у Птоломея и основываетъ, должно полагать, заключеніе свое, что «первоначальными жилищами Свевовъ представляются Ишимскія Степи», новѣйшій историкъ переселенія народовъ Э. Витерсгеймъ (Geschichte der Völkerwanderung, Leipzig, 1859, I, 272).

[3] Подобно тому какъ Roxolani признаются за смѣсь *Алановъ* съ *Русью*, Gothalania — за страну населенную совмѣстно *Аланами* и *Готѳами*, и т. д. Но быть можетъ и то что, въ имени *Тектосаки*, *Текто* имѣетъ такое же значеніе какъ Thyssa и Tyra въ сложныхъ народныхъ именахъ Thyssagetae и Tyragetae, т. е. хорографическое?

владѣніе Хюсюнь, арабскій географъ Истахри упоминаетъ, уже въ X вѣкѣ по Р. Х., о какой-то странѣ *Сакья*, сосѣдней съ Ваханомъ, куда не проникалъ еще Исламъ, и откуда получались мускусъ и рабы[1]. Въ XII вѣкѣ, у арабскаго же географа Эдриси, таже самая сосѣдняя съ Ваханомъ страна упоминается подъ именемъ *Сакнія*, и о городѣ въ ней того же имени сказывается что находится онъ въ пяти дняхъ пути отъ Вахана, состоитъ подъ зависимостію Турокъ Кызыльджи, и граничитъ съ китайскими владѣніями[2]. Тотъ же городъ, въ другомъ мѣстѣ у Эдриси, называется *Сакита*[3]. Такимъ образомъ, имя Саковъ было еще живо здѣсь черезъ тысячу лѣтъ и болѣе послѣ того какъ указывалъ тутъ на нихъ китайскій исторіографъ. Полагаемъ также что въ связи съ именемъ Саковъ находится и названіе другаго края въ верховьяхъ Аму-Дарьи, на правомъ ея побережьѣ, края именуемаго Истахріемъ *Саганіянъ*, у позднѣйшихъ историковъ и гео-

---

[1] Das Buch der Länder von Isztachri, übersetzt von A. D Mordtmann (Hamburg, 1845), s. 126. Едва-ли не эта самая страна извѣстна нынѣ подъ именемъ *Шегнан*'а.

[2] Эдриси (въ переводѣ Жобера), I, 485.

[3] Тамъ же, I, 490. Какъ легко въ арабскихъ рукописяхъ *Сакина*, *Сакита* и *Сакнія* могутъ замѣнять другъ друга — понятно для всякаго знающаго по-арабски. Данвиль (въ Geogr. Ancienne) изъ этой Сакиты сдѣлалъ *Сакитай* (смѣшавъ, по-видимому, Сакиту съ позднѣйшимъ *Джагатаемъ*), а Тоддъ не усомнился отождествить Данвилевъ Сакитай съ *Сака*-двипою Пуранъ (Rajasthan, I, 62)! Быть можетъ что *Сакита* у Эдриси, какъ и *Сакья* у Истахри, означаютъ не какую-либо страну или городъ на истокахъ Аму-Дарьи, а городъ *Яркянъ* и его округъ за Памирской-Высью, у Китайцевъ, какъ видѣли мы, звавшійся *Сою*'емъ.

графовъ мусульманскихъ — *Шаганіянъ* (нынѣ Хисаръ)[1]. По Сыръ-Дарьѣ, правое побережье этой рѣки внизъ отъ Ходженда, на протяженіи бывшаго Ташкентскаго Ханства, сохраняло свое сплошное арійское, слѣдовательно хотя отчасти сакское народонаселеніе (ибо «за Яксартомъ» сосѣдями Согдійцевъ были Саки), какъ видимъ изъ Эдриси, до самаго XII столѣтія: на означенномъ протяженіи, составлявшемъ въ Эдрисіево время область Шашъ или Чачъ, перечисляетъ онъ 27 мѣстностей, 14 изъ коихъ съ окончаніемъ на *кентъ*, слѣдовательно несомнѣнно арійскихъ[2]; въ сосѣдней-же съ Шашскою, на сѣверъ отъ послѣдней, области Илакъ называетъ Эдриси, между прочимъ, городъ *Сака*кендъ[3] (имя котораго свидѣтельствуетъ, несомнѣннымъ по-видимому образомъ, объ основаніи его Саками), и, на Сырѣ, неподалеку отъ впаденія въ него рѣки Берекъ (нынѣшняго Арыс'а?)—городъ *Сейкендъ*[4] (имя котораго также, быть можетъ, имѣетъ связь съ именемъ Саковъ). Что касается, наконецъ, до тѣхъ частей этого народа которыя жили по долинѣ

---

[1] Истахри, l. c.; Эдриси (въ переводѣ Жобера, Paris, 1840), II, 198 и 203; Бабуръ (въ переводѣ Лейдена и Эрскина, London, 1826), p. 61, 84 и др. Также стр. XXXV введенія).

[2] Géographie d'Edrisi, traduite par A. Jaubert (Paris, 1840), II, 206-207. Что имена этихъ мѣстностей не тюркскія и не арабскія, обстоятельство это обратило уже на себя вниманіе Ибнъ-Хаукала, который называетъ ихъ «персидскими» — *уа асмауа а'джемійяту* (Géographie d'Aboulfeda, texte arabe publié par Reinaud Paris, 1840, p. 495).

[3] Эдриси, l. c. II, 207.

[4] Ibid. II, 208.

р. Или и можетъ быть еще далѣе на сѣверѣ, то, полагаетъ Клапротъ, смѣшались онѣ впослѣдствіи съ Племенемъ Тюркскимъ[1], и изъ смѣси этой образовался народъ извѣстный подъ именемъ Киргизовъ, «у которыхъ голубые или зеленые глаза и рыжіе волосы встрѣчаются весьма нерѣдко»[2]. Не входя въ подробный разборъ этой гипотезы, замѣтимъ только что киргизскій султанъ Чеканъ Валихановъ, «занимаясь — какъ самъ онъ о себѣ говоритъ — собираніемъ киргизскихъ сказокъ, миѳовъ, эпическихъ пѣсень и легендъ, пораженъ былъ тождественностію ихъ мотивовъ съ мотивами произведеній этого рода у народовъ европейскихъ, особенно у Славянъ»[3]; *Усуни*-же китайскихъ писателей, съ которыми, по свидѣтельству ихъ, перемѣшались Се'йцы и Юетійцы, существуютъ и доселѣ на равнинахъ Джунгаріи въ видѣ киргизскаго рода *Уйсунъ*, одинъ отдѣлъ коего носитъ даже имя «рыжихъ (или бѣлокурыхъ) Уйсуней» (*Сары-Уйсунъ*), и, въ-прибавокъ, считаетъ себя остатками нѣкогда большаго и сильнаго народа[4].

Покончивъ, такимъ образомъ съ Саками въ ихъ древнихъ жилищахъ, возвращаемся къ той части этого

---

[1] Клапротъ не говоритъ этого собственно о Сакахъ, а вообще о народахъ «индо-германскихъ»; но какъ Саки принадлежали къ числу этихъ народовъ, то относящееся къ послѣднимъ, относится ео ipso и къ Сакамъ.

[2] Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826) p. 162-163.

[3] «Записки И. Русск. Географическаго Общества» за 1861 годъ, книжка I, стрн. 195.

[4] Тамъ же.

народа которая выселилась изъ нихъ, по сказаніямъ Китайцевъ, въ Гибинь.

Чжанцянь не упоминаетъ еще о Гибини ни словомъ. Первыя извѣстія объ этой странѣ встрѣчаемъ у Баньгу. Вотъ что говоритъ онъ о Гибини: «Правленіе гибиньскаго владѣтеля въ городѣ Сюньсянь, отстоящемъ отъ Чань-Ан'и (столицы Китая при Ханяхъ, нынѣ Си-ань-фу) въ 12,200 ли. Оно не зависитъ отъ Намѣстника (китайскаго, имѣвшаго пребываніе въ Восточномъ-Туркестанѣ), и по числу народа и войска считается сильнымъ государствомъ. На сѣверовостокъ до мѣстопребыванія Намѣстника (считается отъ Гибини) 6840 ли, на востокъ до Уто — 2250 ли, на сѣверовостокъ до Наньду — девять дней пути; на сѣверозападъ смежна (Гибинь) съ Большими-Юети, на югозападъ — съ Угешаньли. Зѐмли гибиньскія ровны; климатъ умѣренный; растетъ тамъ мусю (азіатскій клеверъ) и другія травы; также разныя деревья свойственныя теплымъ странамъ. Сѣютъ всякій хлѣбъ; разводятъ виноградъ и другіе плоды. Сады и поля удобряютъ навозомъ. По влажности подпочвенной земли родится срацинское пшено. Даже зимою ѣдятъ свѣжіе овощи. Жители искусны въ различной рѣзьбѣ, въ строеніи дворцовъ и зданій, въ тканьѣ шерстяныхъ матерій, въ вышиваніи шелками. Находится золотая, серебряная, мѣдная и оловянная посуда. Есть торговые ряды. Въ обращеніи золотая и серебряная монета: на лицевой сторонѣ монеты всадникъ, на оборотной — лицо человѣческое. Страна производитъ зубрей,

буйволовъ, слоновъ, крупныхъ собакъ, обезьянъ, мартышекъ, павлиновъ, окатистый жемчугъ, неровный жемчугъ, кораллы, земляной янтарь, мраморъ и цвѣтныя стекла. Домашній скотъ такой же какъ и въ прочихъ владѣніихъ»[1]. Кромѣ того извѣстно о Гибини что страна эта, по отношенію къ Китаю, находилась *за* «Висячимъ-Переходомъ», черезъ который шла туда дорога изъ Китая; о «Висячемъ-же Переходѣ» читаемъ у Баньгу что это крутой перевалъ въ высокомъ горномъ хребтѣ, черезъ который переправлялись взбираясь и спускаясь по веревкѣ, перевалъ лежавшій на З. отъ владѣнія Уто, въ разстояніи 5888 ли отъ пограничной китайской крѣпости Янъ-гуань[2]. На западъ же отъ владѣнія Уто находилось и владѣніе Наньду, отъ котораго до Гибини считалось, какъ видѣли мы, девять дней пути, или, какъ говорится у Баньгу въ статьѣ о Наньду, 330 ли. Уто, по всѣмъ обстоятельствамъ о немъ сообщаемымъ, соотвѣтствовало нынѣшнему Ташкургану, а Наньду — или владѣнію Ваханъ, или Читрару, почему «Вясячимъ-Переходомъ» назывался, вѣроятно, какой-либо изъ переваловъ въ

---

[1] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 48-49. Эти извѣстія о Гибини, относящіяся къ I-му вѣку до Р. Х., находимъ переписанными слово-въ-слово у Мадуаньлиня въ его «Энциклопедіи», по переводу Абель-Ремюзы (въ его Nouv. Mélanges asiatiques, I, 205-206). Только переводъ послѣдняго во многомъ разнится отъ Бичуринскаго перевода извѣстій Баньгу. На одну весьма важную разноголосицу въ этихъ переводахъ указано будетъ, немедленно, ниже.

[2] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 46.

восточномъ Гиндукушѣ[1]. Какая страна извѣстна была у Китайцевъ подъ именемъ *Угешаньли*, неизвѣстно; показаніе-же разстоянія ея (у Баньгу) отъ Чань-Ан'и въ 12,200 ли явно ошибочно, такъ-какъ она показывается лежащею на западъ или юго-западъ отъ Гибини, а разстояніе послѣдней отъ Чань-Ан'и опредѣляется тоже въ 12,200 ли. Изъ другихъ извѣстій у Бангу о разстояніи разныхъ странъ и городовъ запада Азіи, можетъ служить къ разъясненію мѣстоположенія Гибини еще то что пункты намъ извѣстные, Кабулъ (Гаофу) и Баміанъ (Бомо), показываются отстоящими: отъ Янъ-гуан'и — первый въ 9283 ли, послѣдній въ 8202 ли, а отъ мѣстопребыванія китайскаго намѣстника въ Восточномъ-Туркестанѣ — первый въ 6041, а послѣдній въ 5962 ли[2].

По всѣмъ этимъ даннымъ, казалось-бы что *Гибинью* скорѣе всего называли Китайцы Восточный-Кабулистанъ, или долину рѣки Кофена (Кабулъ-Дарьи), какъ это и предположилъ первоначально Абель-Ремюза[3]. Самое имя «Гибинь» представляется транскрипціею имени «Кофенъ». Но, по разнымъ соображеніямъ, самъ Абель-Ремюза призналъ потомъ что Гибинь соотвѣт-

---

[1] Подробныя извѣстія объ этихъ перевалахъ русскіе читатели найдутъ въ нашихъ дополненіяхъ къ Риттерову «Кабулистану» (Спб. 1867), стрн. 511-515.

[2] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 55-56.

[3] Nouv. Mélanges Asiatiques, I, 205. Что Гибинь соотвѣтствуетъ Кабулистану полагали также и Нейманъ (Zeitschrift f. d. Kunde d. Morgenl. B. III, s. 124) съ Вивьенъ Сенъ-Мартеномъ (Sur les Ephtalites, p. 261).

ствуетъ скорѣе той части нынѣшняго Афганистана гдѣ лежатъ города Газна и Кандагаръ[1]. Лассенъ находилъ прежде что Гибинью звалась собственно страна въ верховьяхъ Кабулъ-Дарьи, къ западу отъ Кабула, къ югу отъ хребта Куги-Баба, но въ политическомъ смыслѣ названіе это могло распространяться временно и на части Кабулистана, Арахосіи и Драгіаны[2]; а потомъ рѣшилъ что это сѣверо-восточная часть Арахосіи[3]. По Коннингэму, Гибинь, въ обширномъ смыслѣ, заключала въ себѣ всю Аріану древнихъ классиковъ[4]. Принимая во вниманіе неопредѣленность географическихъ свѣдѣній Китайцевъ о странахъ къ югу отъ Гиндукуша, позволительно думать что Гибинь дѣйствительно могла означать, какъ страну во теченію р. *Кофена* въ Кабулистанѣ, такъ и Арахосію съ Драгіаною, ибо рѣка Арахотосъ (нынѣ Аргандабъ), составляющая одно изъ верховьевъ Гирменда (Этимандра Древнихъ), впадающаго въ озеро Зарѐ, называлась, по свидѣтельству Плинія (H. N., VI, 25) тоже *Кофен*'омъ (Kophen); а во Стефану Византійцу *Кофи*н'омъ же звался самый городъ *Арахосія* (или «городъ

---

[1] Foe-Koue-ki, p. 21.

[2] Zur Geschichte u. s. w. S. 154, 252.

[3] Ind. Alterthumskunde, II, 354.

[4] Не имѣя подъ рукою Коннингэмова труда въ которомъ высказана эта мысль, цитирую Бэлевъ переводъ Фо-Сиина путешествія (London. 1869), p. 13. прим. 2. — Вилсонъ (Ariana Antiqua, p. 300), находя что Гибинь Китайцевъ соотвѣтствуетъ Сагдіанѣ, доказываетъ этимъ только то что онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на извѣстія ихъ объ этой странѣ.

Арахотовъ» по Страбону—кн. XI, гл. 8, § 9), почему и жители его именовались *Кофин*'цами (Κοφῆνοι).

Въ какую-бы часть Аріаны ни ушли Се'йцы, или Саки, изъ окрестностей Иссыкуля и долины Илійской, проникнуть туда съ сѣвера могли они лишь перевалами въ восточномъ или западномъ Гиндукушѣ, а чтобы добраться до этихъ перевалов должны были пройти черезъ восточную часть Бактріаны, куда спустились, по всей вѣроятности, съ Памирской-Выси. Бактріаною, должно полагать, Саки, направляясь въ Кабулистанъ, только прошли, не осѣдая въ ней, такъ-какъ въ Чжанцянево время, когда Юетійцы занимали уже Согдіану, а Саки должны были находиться уже къ югу отъ Гиндукуша, Бактріана собственно пользовалась еще отдѣльнымъ существованіемъ, хотя и въ зависимости отъ Юетійцевъ, каковое отдѣльное существованіе и сохраняла она затѣмъ по крайней-мѣрѣ до самаго конца II-го вѣка передъ Р. Х., ибо до этого именно времени о посольствахъ изъ Китая во владѣніе Дахя (Бактріану) упоминается отдѣльно отъ посольствъ къ Великимъ-Юети[1]. Кабулистанъ, или другую часть Аріаны ими занятую, должны были Саки отвоевать у сидѣвшихъ тамъ до того греческихъ владѣльцевъ, по примѣру которыхъ, безъ сомнѣнія, и стали владѣльцы сакскіе чеканить ту золотую и серебряную монету о существованіи которой въ Гибини упоминается у Баньгу.

---

[1] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 15.

Тотъ же китайскій историкъ даетъ намъ и нѣсколько фактовъ изъ исторіи Гибини подъ владычествомъ Саковъ. По словамъ его, сношенія между Китаемъ и Гибинью начались со временъ императора Вуди (т. е. со времени «открытія» западныхъ странъ Чжанцянемъ, или съ конца II-го вѣка до Р. Х.), Владѣтель гибиньскій, по-имени Утолао, не разъ грабилъ и убивалъ китайскихъ посланниковъ; по смерти Утолао, вступилъ на престолъ сынъ его, по-имени Дай, который и отправилъ посла отъ себя съ дарами въ Китай, вслѣдствіе чего и изъ Китая посланъ былъ посолъ въ Гибинь. По прибытіи этого посла, Дай вознамѣрился (по какой причинѣ — не объяснено) погубить его; но посолъ, проникнувъ въ этотъ замыселъ, вступилъ въ заговоръ съ княземъ Иньмофу, и, убивъ Дая, возвелъ Иньмофу на гибиньскій престолъ, давъ ему печать со шнурами (должно полагать что посолъ изъ Китая отправленъ былъ къ Даю съ инвеститурою на царство, которая заключалась въ печати со шнурами, но не поладивъ по чему-либо съ Даемъ, передалъ эту инвеституру его преемнику). Впослѣдствіи, другой китайскій посланникъ въ Гибинь дошелъ до размолвки съ Иньмофу, который, вслѣдствіе того, посадилъ посланника на цѣпь, а товарища его и до 70 человѣкъ посольскихъ людей предалъ смерти, но затѣмъ отправилъ къ Китайскому Двору своего посланника съ извинительною грамотою. Посланнику этому императоръ Хяоюань-ди (царствовалъ съ 40 по 33 до Р. Х.) позволилъ возвратиться во-свояси, но сношенія съ Гибинью пре-

кратилъ. Затѣмъ, при императорѣ Ченъ-ди (съ 33 по 7-й годъ до Р. Х.) опять пріѣзжало изъ Гибини посольство съ извиненіями и подарками, но китайское правительство рѣшило не посылать уже болѣе пословъ отъ себя въ такое отдаленное государство[1].

Относительно достовѣрности изложенныхъ событій въ Гибини, можно замѣтить что нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ многочисленности посольствъ отправлявшихся отъ Ханей, въ концѣ II-го и въ продолженіе I-го вѣка до Р. Х., въ отдаленныя государства на западъ и на югъ отъ Памира, въ томъ числѣ и въ Гибинь; нѣтъ также основаній отвергать китайскія извѣстія и о томъ что являлись посольства изъ этихъ государствъ въ Китай; только подъ посольствами слѣдуетъ разумѣть не посольства собственно, а торговые караваны, и подъ дарами — не дары, а товары которые привозились съ караванами. Принимая, по тщеславію своему, приношенія караванбашей за дань[2], китайское

---

[1] Тамъ же, III, 49. Въ Мадуаньлиневомъ пересказѣ этихъ извѣстій Баньгу находимъ что Иньмофу не былъ гибинецъ, а сынъ государя, вѣроятно сосѣдней съ Гибинью, страны *Young-khiou*, и что Вынь-чжунъ (имя китайскаго пограничнаго начальника посланнаго въ Гибинь), въ союзѣ съ Иньмофу (и вѣроятно начальствуя войсками послѣдняго), сдѣлалъ внезапное нападеніе на Гибинь, результатомъ котораго и были убіеніе Дая и воцареніе Иньмофу въ Гибини (по переводу Абель-Ремюзы въ Nouv. Mélanges Asiatiques, I, 207).

[2] Никто не говоритъ такъ положительно объ этого рода порядкахъ, издревле и донынѣ продолжающихся въ Китаѣ, какъ іезуитскій миссіонеръ Гоэсъ: въ запискахъ его, изданныхъ іезуитомъ же Тригò (De Christiana expeditione apud Sinas, pp. 558 et 562) читаемъ: Jam abire parabat (Goez) ex oppido Cialis, cum e

правительство позволяло себѣ, вслѣдствіе этого, посылать государямъ изъ странъ которыхъ приходили такіе караваны — инвеституры отъ себя на право властвованія; могла быть послана такая инвеститура и Даю, который вовсе въ ней не нуждался, почему обидѣлся притязаніями Китайцевъ, и хотѣлъ вымѣстить неудовольствіе свое на китайскомъ посланникѣ; междутѣмъ возгорѣвшаяся война съ сосѣдями имѣла послѣдствіемъ своимъ то что Дай лишился жизни; преемникъ его, Иньмофу, нашелъ, быть можетъ, нелишнимъ, для того чтобы укрѣпиться на престолѣ, принять инвеституру привезенную для его предшественника; китайскій же посланникъ, изъ хвастовства, донесъ о происшествіяхъ этихъ въ томъ видѣ какъ читаемъ у Баньгу и Мадуаньлиня. Такимъ же образомъ, какія-нибудь глупыя притязанія Китайцевъ могли быть причиною что и Иньмофу, впослѣдствіи, нашелся вынужденнымъ вырѣзать прибывшее къ нему китайское посольство; а какъ такой поступокъ велъ за собою возможность прекращенія выгодныхъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ, то, весьма вѣроятно, что караванбашамъ гибиньскимъ и поручаемо было извиниться въ происшедшемъ передъ

Cataio superioris comitatûs negotiatores redière. Hi, ut solent, *legationem mentiti*, in Cataiensem regiam penetrârant... и далѣе: In hanc urbem (Су-Чжеу) negotiatores adveniunt, qui, *legatione ficta*, ... Cùm tempus legationis advenit, *publicas regum suorum litteras effingunt quibus Sinarum regi clientelare obsequim deferunt* ... Quibus artibus ipsi Sinae (qui fraudem minime ignorant) regem suum ludunt adulandi studio, quasi verò Sinensi regno vectigal orbis penderet universus.

китайскимъ правительствомъ. Что Гибиньцы въ сношеніяхъ своихъ съ Китаемъ имѣли въ виду «только награды и торговлю», а вовсе не выраженіе подчиненности свой китайскимъ императорамъ, это замѣчаетъ и самъ Баньгу [1].

Но, сдвинувшись съ высотъ иссыкульскихъ, куда-же именно на югъ отъ Гиндикуша двинулись Саки, какую именно часть Аріаны, или нынѣшняго Афганистана, подчинили они своей власти?

Вопросъ этотъ вызывается, прежде всего, одною фразою у Баньгу, весьма неодинаково переданною европейскими китаистами. Упомянувъ о занятіи Гибини Се'йцами, Баньгу, въ переводѣ о. Іакинѳа Бичурина, замѣчаетъ вслѣдъ за тѣмъ что «Се'скія колѣна живутъ разсѣянно, и болѣе подъ зависимостію другихъ», и, какъ-бы въ подтвержденіе этого положенія, указываетъ что «отъ Суле (Кашгаръ) на западъ Хюсюнь и Гюаньду суть потомки древнихъ Се'йцевъ» [2]. Совсѣмъ не то говоритъ, въ французскомъ переводѣ Абель-Ремюзы, знаменитый полигистиръ Мадуаньлинъ, списывающій, въ статьѣ своей о Гибини, извѣстія Баньгуевы слово-въ-слово. У Мадуаньлина, въ переводѣ Ремюзы, значится что «les tribus des Saï (такъ произноситъ А. Ремюза, вмѣсто Sse) se divisèrent et se dispersèrent de manière à former cà et là differents royaumes. Depuis Sou-le (Kaschgar) au nord-

---

[1] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 52.
[2] Тамъ же, III, 48.

ouest, toutes les dépendances de Hieou-Siun et de Siun-tou (Sind) sont habitées par d'anciennes tribus Saï[1]. Не зная что̀ такое Hieou-Siun (Сюсюнь) и ошибочно принявъ Siun-tou (Гюаньду) за Синдъ, Абель-Ремюза явно не уловилъ смысла послѣдняго періода. Что-же если онъ столь же неудачно перевелъ и первый? Оставляя lis sub judice, скажемъ что если бы переводъ Абель-Ремюзы оказался даже положительно невѣрнымъ, Саки все-таки, къ югу отъ Гиндуша, не ограничились занятіемъ одного Кабулистана (если считать Гибинь за страну по теченію Кабулъ-Дарьи), а спустились и ниже: на это есть другія, кромѣ китайскихъ, свидѣтельства.

Греческій географъ Исидоръ Харакенецъ, жившій въ срединѣ I-го вѣка до Р. Х., въ сочиненіи своемъ Σταθμοὶ Παρθικοί, сказываетъ что въ его время Скиѳы-Саки владѣли Паретакеною, которая, по имени ихъ, и звалась уже *Сакастеною*[2]; Паретакена-же помѣщается имъ между Зарангіаною и Арахосіею, стало-быть въ низовьяхъ рѣки Гирменда, по сосѣдству съ озеромъ Зарѐ, тамъ гдѣ недавно еще существовала персидская провинція *Седжестанъ* или *Сегестанъ* — таже Сакастена, только въ болѣе новой, оперсіяненной, формѣ[3].

---

[1] Nouv. Mélanges Asiatiques, I, 205-206.

[2] Geographi Graeci minores, ex recensione Car. Müller (Parisiis 1855), I, 253.

[3] У армянскихъ писателей, Моисея Хоренца и географа Вартана, область эта называется *Сакасданъ*. См. Сенъ-Мартеновы Mémoires sur l'Arménie, II, 373 и 441. Замѣчательно что Вартанъ помѣщаетъ Сакасданъ по сосѣдству съ Баміаномъ (?). О Сака-

Для того-же чтобы за страною въ которой поселились Саки могло упрочиться названіе Сакастены, «Земли Саковъ», надо чтобы они пришли сюда довольно-задолго до Исидоровыхъ временъ, почему весьма вѣроятно что водвореніе ихъ въ Дрангіанѣ произошло не многимъ позже перехода ихъ черезъ Гиндукушъ, быть можетъ около 120-хъ или 110-хъ годовъ до Р. Х.[1].

О Сакастенѣ узнаёмъ отъ Исидора что тамъ были города: Барда, Минъ, Палакенти, Сагалъ и Алек-

стенѣ же, быть можетъ, идетъ рѣчь и у Дараната, въ его «Исторіи Буддизма въ Индіи», тамъ, гдѣ говоритъ онъ о городѣ *Сакстана* (см. русскій переводъ Дараната, В. П. Васильева, Спб. 1869, стрн. 73). Ср. также, въ указанномъ переводѣ, упоминаніе о *Сакстанѣ* на стр. 56, прим. 3.

[1] На томъ основаніи что въ «скиѳскомъ» текстѣ Бисютунской надписи Саки упоминаются вслѣдъ за Паропамисадами (чтеніе «Паропамисады» есть не болѣе какъ гипотеза), Мордтманъ полагалъ что тутъ идетъ рѣчь о Сакахъ жившихъ въ Сакастенѣ Дрангіанской (Zeitschrift d. D. M. G. XVI, 48), слѣдовательно, по его мнѣнію, Саки въ этой Сакастенѣ жили уже во времена Дарія-Гистасна, а не переселились сюда по паденіи Греко-Бактрійскаго Царства. Позже онъ, по-видимому, отказался отъ этого мнѣнія, и, согласно съ общимъ убѣжденіемъ, толкуетъ что значительная часть Арахосіи и Дрангіаны прозвалась Сакастеною отъ Саковъ овладѣвшихъ ею уже по разрушеніи ими греческаго владычества въ Бактріи (Zeitschrift d. D. M. G. XXIV, 51). — На водвореніе Саковъ въ Афганистанѣ находитъ Юсти указаніе и въ «Бундегешѣ»: тамъ упоминается о плоской выси Пешіансай съ рѣкою Навада или Нагутакъ, «до которой проникъ Франграсіанъ» (Афрасіабъ мусульманскихъ писателей). Такъ-какъ высь Пешіансай самимъ «Бундегешемъ» помѣщается въ Кабулистанѣ, а Франграсіанъ олицетворяетъ собою Туранцевъ, то Юсти и полагаетъ что тутъ фраза «до которой проникъ Франграсіанъ» значитъ «гдѣ осѣли сакскія племена» (Zur alten Geographie Persiens, II, 15).

сандрія. *Сагалъ* называетъ онъ митрополіею Саковъ. Изъ означенныхъ городовъ нѣкоторые могли быть построены самими Саками. Это позволительно думать основываясь, кромѣ имени столицы ихъ, *Сагал*'а, еще на имени города *Палакенти*. Первые два слога въ этомъ имени суть явно персидское *бала*, «высокій» (славянское «велій»), а окончательный слогъ — таджикское *кентъ*, «городъ»: въ цѣломъ выходитъ «Высокій-городъ», «Вышгородъ». А такъ-какъ это-послѣднее слово (*кентъ*) не встрѣчается въ составѣ городовыхъ именъ, ни въ Западной, ни въ Восточной Персіи (оно замѣняется тамъ словами *вардъ*, *варъ*, *гирдъ*, *гердъ*, на-примѣръ: Аби*вердъ*, Дине*варъ*, Дараб*гирдъ*, Фируз*гердъ*), то присутствіе этого слова въ имени Палакенти весьма можетъ свидѣтельствовать что городъ этотъ построенъ и названъ такъ людьми вышедшими изъ за-Оксусчины и за-Яксартчины, гдѣ безпрестанно встрѣчаются названія городовъ съ окончаніемъ на *кентъ*, *кендъ*, *кандъ* (Уз*кендъ*, *Чимкентъ*, *Самар*кандъ).

Кромѣ перечисленія городовъ въ Сакастенѣ, находимъ еще у Исидора важное извѣстіе — что не только Сакастена, но и смежная съ нею къ востоку Арахосія, находились въ подчиненіи Пароянамъ. Значитъ сакскіе владѣтели Драгіаны не были владѣтелями независимыми, а подручниками государей пароянскихъ, что̀ не могло произойти иначе какъ вслѣдствіе кровавыхъ столкновеній Саковъ съ Пароянами — столкновеній которыя, вѣроятно, имѣли мѣсто уже на пути слѣдо-

ванія Саковъ въ Драангіану, такъ-какъ путь этотъ долженъ былъ лежать или по областямъ уже отторгнутымъ Пареянами отъ Греко-Бактрійцевъ еще при царѣ послѣднихъ Эвкратидѣ (какъ узнаёмъ это отъ Страбона—кн. XI, гл. 9, § 2, и гл. 11, § 2), или по областямъ сосѣднимъ съ пареянскими.

Итакъ, въ половинѣ I-го вѣка до Р. Х., Саки, занявъ восточную часть Драангіаны, сидѣли тамъ въ политическомъ подчиненіи Пареянамъ. Позже спустились они еще ниже къ югу — на юговостокъ.

Заключаемъ это изъ сказаній неизвѣстнаго автора «Перипла Эриѳрейскаго Моря», писавшаго въ половинѣ I-го вѣка по Р. Х.[1]. По словамъ этого автора, приморская страна гдѣ впадаетъ въ море, семью устьями, рѣка Синтъ (туземное имя р. Инда), звалась въ его время *Скиѳіею*, и выше дельты Инда стоялъ городъ по-имени *Миннагаръ*, митрополія скиѳская; страна-же эта подвластна была владѣльцамъ пареянскимъ, которые, находясь въ постоянной усобицѣ, изгоняли другъ друга[2].

Скиѳы занявшіе дельту Инда могли быть и не Саками, а Скиѳами другаго рода-племени. Почему-же полагаемъ мы что были это именно Саки? Полагаемъ это не мы: рѣшили это прежде насъ Лассенъ, Вильсонъ и другіе, а мы только присоединяемся къ ихъ

---

[1] Ренò полагаетъ что жилъ онъ въ половинѣ, не I-го, а III-го вѣка по Р. Х., но это не болѣе какъ предположеніе. По К. Мюллеру, авторъ «Перипла» писалъ между 80-89 годами по Р. Х.

[2] Geogr. Graeci minores, изд. К. Мюллера, II, 287.

мнѣнію. Основаніемъ къ отождествленію Скиѳовъ занимавшихъ въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х. дельту Инда съ Саками драгіанскими служитъ то обстоятельство что митрополія этихъ Скиѳовъ звалась *Мин-нагаръ*, «Минъ-городъ» (*нагара*, извѣстно, значитъ «городъ» по-санскритски), а городъ по-имени *Минъ*, видѣли мы изъ Исидора Харакенца, былъ и у Саковъ въ Драгіанѣ: кому-же кромѣ Саковъ этихъ нужно было называть такъ новую столицу свою на Индѣ?[1].

Движеніе Саковъ изъ Драгіаны на Индъ (вѣроятно извѣстнымъ кандагарскимъ путемъ черезъ Боланскій-Перевалъ) можетъ быть объясняемо желаніемъ ихъ избавиться отъ пароянскаго господства, убравшись подалѣе отъ этихъ господъ своихъ; но, какъ видно изъ «Перипла», выселеніе на Индъ не спасло Саковъ отъ преслѣдованій Пароянъ: и на Индъ погнались Пароянe за Саками, и тамъ наложили на нихъ руку.

---

[1] Лассенъ: Zur Geschichte u. s. w. S. 273. — *Миннагаръ*, полагаемъ мы, долженъ былъ находиться гдѣ-нибудь по сосѣдству съ нынѣшнимъ *Шикарпур*'омъ, такъ-какъ тутъ именно и начиналось древнее раздвоеніе Инда, и такъ-какъ это естественный путь остановки на Индѣ, по спускѣ сюда съ высотъ Арахосіи, откуда двигались Саки. Не лежалъ-ли Миннагаръ тамъ гдѣ нынѣшній *Сакаръ* (около 28 англ. миль отъ Шикарпура, на самомъ Индѣ. См. Борнсовъ «Кабулъ» въ русскомъ переводѣ, Москва, 1847, I, 86), въ имени котораго остается, быть можетъ, память о бывшемъ тутъ нѣкогда сакскомъ поселеніи? Объ этомъ именно Сакарѣ упоминается, быть можетъ, и у Даранаты («Исторія Буддизма въ Индіи», переводъ В. П. Васильева, Спб. 1869, стрн. 120 и 242) подъ именемъ *Сакари*, города въ западной части Индіи, если только *Сакари* этотъ не есть *Сакала*, о которой шла у насъ рѣчь въ прим. на стр. 40-41. — Разныя мнѣнія высказанныя о мѣстоположеніи Миннагара см. у Вильсона, въ Ariana Antiqua, p. 213-214.

Замѣтимъ мимоходомъ что поморье Индской дельты никоимъ образомъ не могло зваться *Скиѳіею*, какъ читаемъ въ «Периплѣ». *Скиѳія* — терминъ греческій, который, по тому самому, не могъ быть въ употребленіи, ни у туземцевъ Индской дельты, ни у Саковъ туда забравшихся, ни у Пареянъ ихъ тамъ накрывшихъ. Можно съ большою основательностію полагать что дельта Инда, съ прибытіемъ туда Саковъ, стала, какъ и Драгіана, какъ и та часть нашего Закавказья гдѣ поселились они при Кіаксарѣ мидійскомъ — стала зваться *Сакастеною*, *Сакастаною*, что̀ грекъ, по-своему, перевелъ *Скиѳіею*[1].

О Скиѳахъ на Индѣ, къ востоку отъ Гедросіи, упоминается еще, хотя и не столь обстоятельно какъ въ «Периплѣ Эр. М.», у Діонисія-Періегета, писателя жившаго въ концѣ I-го вѣка по Р. Х.[2]. Скиѳовъ этихъ называетъ Діонисій, въ своемъ «Періегесисѣ» (ст. 1088) «южными»; комментаторъ-же его Эвстаѳій объясняетъ что такъ назвалъ Діонисій Скиѳовъ на Индѣ

---

[1] А если такъ, то вотъ еще новое доказательство что Саки сами звали себя Саками, а не какимъ-либо другимъ именемъ. Замѣтимъ при этомъ что утвержденія I. Г. Куно (Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde, Berlin, 1871, I, 208) будто индоскиѳскіе завоеватели Индіи были не кто иные какъ Пареяне, и что если-бы авторъ «Перипла Эриѳр. Моря» обладалъ бо̀льшимъ образованіемъ, то назвалъ-бы страну въ низовьяхъ Инда не *Скиѳіею*, а *Пареіею* — совершенно-произвольны и противорѣчатъ всѣмъ имѣющимся показаніямъ, какъ классическихъ, такъ китайскихъ и индѣйскихъ, писателей.

[2] По К. Мюллеру, въ prolegomena къ изданію «Малыхъ греческихъ географовъ» (Parisiis, 1861), т. II, стрн. XIX.

въ отличіе отъ Скиѳовъ сѣверныхъ, и что эти южные Скиѳы зовутся также *Индоскиѳами*[1].

Владѣнія Саковъ въ Индіи, ограничивавшіяся до половинѣ I-го вѣка по Р. Х. дельтою рѣки Инда, въ-теченіе слѣдующихъ ста лѣтъ распространились, какъ вверхъ по этой рѣкѣ, такъ и на все прибрежье къ юго-востоку отъ Инда до Деканскаго-Полуострова. Это узнаёмъ отъ Птоломея, въ «Географіи» (кн. VII, гл. 1) котораго значится что *Индо-Скиѳіею*, т. е. Скиѳскою Индіею (какъ нынѣ говорится «Британская Индія», «Нидерландская Индія») звалась, въ его время, страна по обоимъ берегамъ р. Инда отъ устья послѣдняго вверхъ до р. Коас'а впадающей въ Индъ съ западной стороны (Кабулъ-Дарья), и до р. Зарадр'а впадающей въ него съ восточной (Сетледжъ). На западной сторонѣ Инда, въ нынѣшнихъ Южномъ-Кабулистанѣ, Качь-Гандавѣ и Синдѣ, показано у Птоломея 17 скиѳскихъ городовъ, изъ коихъ 5 вдали отъ этой рѣки, а 12 по близости ея; на восточной сторонѣ — 16, изъ коихъ 7 далеко отъ Инда, а 9 вблизи отъ него. Кромѣ того, въ странѣ Ларикэ, по обоимъ берегамъ р. Намад'а (Нербедды) вокругъ заливовъ Каиѳскаго и Баригазскаго — еще 10 городовъ, и въ томъ числѣ одинъ по-имени *Минагара*. По имени Саковъ, быть можетъ, прозвалось *Саган*'ою, какъ читаемъ у того же Птоломея (кн. VII, гл. 1), и самое западное изъ семи устій Инда.

О томъ чтобы Саки, или хотя какіе-другіе Скиѳы

---

[1] См въ томъ же изданіи, II, 397.

занимали въ Птоломеево время Дрангіану или другія части Западнаго-Афганистана, нѣтъ у Птоломея даже и намека, а съ Птоломеемъ прекращаются уже для насъ древне-классическія извѣстія о судьбахъ Скиѳовъ въ Индіи.

Но неужели-же занятіе Саками низовьевъ Инда и долговременное ихъ тамъ владычество не оставили никакихъ слѣдовъ, никакихъ отголосковъ, въ брахманической или буддійской литературѣ Индіи?

Память о вторженіи Саковъ въ страны къ востоку отъ р. Инда и о борьбѣ ихъ съ туземными владѣльцами Индіи сохраняется, по-видимому, въ двухъ, употребительныхъ тамъ до сихъ поръ, эрахъ, установленіе которыхъ связывается съ именемъ Саковъ: эрѣ Викрамадитьи и эрѣ Саливаханы. Первая начинается съ 56 или 57 года до Р. Х., вторая — съ 78 года по Р. Х. Установленіе первой приписывается царю уджейнскому Викрамадитьѣ, въ ознаменованіе великаго пораженія нанесеннаго имъ Сакамъ, вслѣдствіе чего Викрамадитья этотъ носитъ прозвище *Сакари*, или *Сакадвиши*, «врага Саковъ»[1]. Во всѣхъ легендахъ индѣйскихъ о Викрамадитьѣ и Саливаханѣ, цари эти

[1] *Сакадвиши* назвали Викрамадитья въ монгирской дарственной граматѣ, писанной въ 33-мъ году установленной имъ эры (Asiatic Researches, I, 125). Въ «Раджатарангини», кн. II, шл. 6, говорится что Викрамадитья нанесъ пораженіе Сакамъ, а въ кн. III, шл. 128, что онъ истребилъ Саковъ. См. также: Кольбрука — въ Introduction to Indian Algebra, p. 43, и въ Miscellaneous Essays, II, 475; Вильсона — въ Ariana Antiqua, p. 302; и Лассена — въ Ind. Alterthumskunde, II, 50.

представляются врагами, причемъ верхъ остается за послѣднимъ[1]; а какъ эра Саливаханы извѣстна также и подъ именемъ «сакской эры» (*сакабда*), то можно полагать что побѣда одержанная Викрамадитьею надъ Саками не была гибельною для послѣднихъ, что борьба между ними и туземцами продолжалась, и что въ 78 году по Р. Х. окончилась она торжествомъ Саковъ въ лицѣ Саливаханы, который, подражая Викрамадитьѣ, тоже счелъ почетнымъ, для себя и своихъ, ознаменовать торжество это установленіемъ новой, своей, «сакской» эры[2].

Позволительно думать также что разсказъ Гаривансы и пуранъ о томъ какъ раджа Багу лишенъ былъ владѣній своихъ вторгнувшимися въ нихъ Саками, Яванами и другими народами, и какъ сынъ его, знаменитый герой Сагара, вступилъ въ борьбу съ ними и покорилъ ихъ — несмотря на то что означенныя произведенія относятъ Сагару и Багу въ глубочайшую индѣйскую древность, задолго до «великой войны» воспѣтой въ Магабаратѣ, ко временамъ брахмановъ Васишты и Висвамитры — основывается на событіяхъ совершившихся въ періодъ отъ Александра-Великаго до Р. Х., именно на вторженіи въ

---

[1] См. Essay on Vîcramaditja and Salivahana by Wilford, въ Asiatic Researches, vol. IX, pp. 120-130.

[2] Тройеръ полагаетъ, напротивъ, что и Викрамадитья, и Саливахана, обое побивали Саковъ, если только дѣла одного изъ нихъ не были приписаны другому (Radjatarangini, histoire des rois de Kachmir, traduite et commentée par M. A. Troyer, Paris, 1840, t. II, p. 378).

Индію бактрійскихъ Грековъ и, вслѣдъ за ними, Саковъ съ другими скиѳскими народами. Въ Гаривансѣ разсказывается это такимъ образомъ что Сака, въ соединеніи съ Явана, Камбоджа, Парада, Паглава, Гаягая и Таладжанга, отняли у раджи Багу всѣ его владѣнія; сынъ-же Багуевъ, Сагара, получивъ отъ Орва-риши *агнеястрамъ* (огнестрѣльное оружіе), напалъ на Сака съ ихъ союзниками, и, послѣ многихъ кровопролитныхъ битвъ, принудилъ ихъ къ покорности. Намѣревался онъ даже совсѣмъ истребить эти народы, но они прибѣгли къ заступничеству Васишты, который и уговорилъ Сагару помиловать ихъ, на томъ условіи что они лишены будутъ права кшатріевъ, къ которымъ принадлежали дотолѣ, приносить жертвы Огню и изучать Веды, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ должны будутъ отличаться особыми, унизительными, признаками: Явана и Камбоджа — брить всю голову, Сака — половину головы, Паглава — отпускать бороду, а Парада — не стричь волосъ на головѣ, т. е. носить длинные волоса[1]. Изъ пуранническихъ, разсказъ Вишну-Пураны мало отличается отъ изложеннаго[2]. Вѣроятно такіе обычаи въ-отношеніи къ волосамъ существовали у помянутыхъ народовъ[3] сами по себѣ; но какъ народы эти отличались тѣмъ самымъ отъ

---

[1] Harivansa, traduite par A. Langlois (Paris, 1844), I, 66-68; и Вильфордъ въ Asiatic Researches, vol. IX, p. 64.

[2] The Vishnu-Purana, translated and illustrated by H. H. Wilson, pp. 373-375.

[3] *Паглава* индѣйскихъ писаній суть несомнѣнно Бактрійцы,

Арійцевъ Индіи, то послѣдніе и придумали отличіе это обратить имъ въ укоръ, приписавъ его порабощенію ихъ Сагарою. Съ нашей точки зрѣнія замѣчательнѣе всего въ обоихъ разсказахъ то, что они не считаютъ перечисленныхъ народовъ, въ томъ числѣ и Саковъ, за чужеплеменниковъ, а видятъ въ нихъ родственныхъ себѣ кшатріевъ, которые только со временемъ, вслѣдствіе отлученія ихъ отъ общихъ дотолѣ жертвоприношеній и вѣрованій, сдѣлались, какъ выражается Вишну-Пурана, млеч'а, т. е. чужаками, такъсказать «Чудью»[1].

Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ о владычествѣ Саковъ въ Индіи упоминаетъ и пураническая, въ пророческой формѣ изложенная, исторія этой страны. Пураны говорятъ объ извѣстномъ періодѣ времени когда послѣ туземныхъ династій господствовали въ Индіи цари чужеплеменные, и въ томъ числѣ сакскіе. По Вишну-Пуранѣ династія сакскихъ царей состояла изъ 16 лицъ; по Ваю-Пуранѣ продолжалась она 380 лѣтъ, и

такъ-какъ Бактры и у армянскихъ писателей зовутся *Паль*; *Парадами* называли Индѣйцы, по всей вѣроятности, западныхъ Кабулистанцевъ которые у Птоломея обозначены именемъ Παροῦται; *Камбоджа*—это, полагаютъ, нынѣшніе Сіягпуши, одно отдѣленіе которыхъ носитъ доселѣ имя *Камоджи*; подъ *Гаягая*, иначе *Гаягуна*, разумѣется, думаю, тотъ же народъ который мусульманскіе историки Персіи называютъ *Гаятеля*, а Византійцы *Гефталитами*, или «Бѣлыми-Хуннами», т. е., какъ доказано это Вивьенъ Сенъ-Мартеномъ, потомки Юетійцевъ въ Бактріанѣ и Трансоксіанѣ.

[1] Этотъ взгдядъ на народы населявшіе сѣверо-западныя окраины Индіи встрѣчается, впрочемъ, и въ другихъ произведеніяхъ древне-индѣйской литературы.

состояла изъ 18 лицъ, тогда-какъ, на-примѣръ, изъ Явана (бактрійскихъ Грековъ) царствовало, по тому же источнику, 8 лицъ въ-теченіе 82 лѣтъ, а изъ Тухара — 40 лицъ въ-продолженіе 500 лѣтъ[1].

Но этимъ, къ-сожалѣнію, и оканчивается все что извѣстно доселѣ изъ индѣйскихъ источниковъ о владычествѣ Саковъ въ Индіи.

Разъясненію судебъ ихъ въ этой странѣ сильно мѣшаетъ также распространеніе на Индію, вслѣдъ за сакскимъ, владычества родственныхъ имъ Юетійцевъ[2].

---

[1] Wishnu Purana transl. by Wilson, p. 474-475.

[2] Родственныхъ — при условіи что Да-Юети китайскихъ историковъ тождественны съ Массагетами, которые у Геродота, какъ видѣли мы, отождествляются съ Саками, или, по-крайней-мѣрѣ, относятся къ послѣднимъ какъ видъ къ роду. По Страбону, Массагеты, одинаково съ Саками, признаются за народъ родственный съ Хоразмійцами, слѣдовательно за Арійцевъ. Арійство, и даже германизмъ, Массагетовъ доказываютъ также свидѣтельствомъ Амміана Марцеллина, который и самъ говоритъ что «Алане суть древніе Массагеты» (XXXI, 2), и заставляетъ императора Юліана повторять тоже самое (Massagetas quos Alanos nunc adpellamus, XXIII, 5); но мы свидѣтельству этому не придаемъ рѣшающаго значенія, такъ-какъ Амміанъ Марцеллинъ могъ отождествлять Массагетовъ съ Аланами, не въ этнографическомъ, а въ географическомъ смыслѣ, подобно тому какъ послѣ него византійскіе историки и хронографы отождествляли Турокъ съ Массагетами (Ѳеофанъ) и Саками (Менандръ). Тоже можно сказать о такомъ же свидѣтельствѣ Діона Кассія (XLIX, 15), хотя Алане, по мнѣнію моему, дѣйствительно могли быть потомками Массагетовъ, или однимъ изъ массагетскихъ родовъ, какъ видно это изъ писателей армянскихъ которые называютъ *Маскут'ами* тотъ же самый народъ который, къ сѣверу отъ Кавказа, у римскихъ писателей является подъ именемъ *Алановъ*.

По поводу войны Кира съ Массагетами, сообщаетъ о нихъ Геродотъ слѣдующія извѣстія:

Послѣдніе, какъ узнаёмъ изъ «Исторіи Младшихъ Ханей», черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ по занятіи ими

«По мнѣнію нѣкоторыхъ, Массагеты — народъ скиѳскій. Сказываютъ что это народъ великій и сильный (I, 202). Одежда у Массагетовъ такая же какъ у Скиѳовъ (т. е. европейскихъ) и такой же какъ у Скиѳовъ образъ жизни. Бьются, и на коняхъ, и пѣшіе, одинаково хорошо; оружіе у нихъ — луки и копья; кромѣ того, въ употребленіи у нихъ носить *сагар*'ы. Все нужное выдѣлываютъ изъ золота и мѣди; мѣдь идетъ на острія копій и стрѣлъ, на сагары; золотомъ украшаютъ головные уборы, перевязи, пояса. Такимъ же образомъ у лошадей, латы которыми защищается грудь — мѣдныя, а украшенія на удилахъ, уздахъ и чапракахъ — золотыя. Желѣзо и серебро у нихъ не въ употребленіи, такъ-какъ въ странѣ ихъ не находятся; золота-же и мѣди у нихъ обиліе (I, 215). По части обычаевъ, жену имѣетъ каждый одну, но женами пользуются сообща: это у Массагетовъ такой обычай, а не у Скиѳовъ, какъ разсказываютъ Греки. Понравится массагетцу чья жена, онъ вѣшаетъ колчанъ свой на ея телѣгу, и удовлетворяетъ желаніе свое невозбранно. — Когда состарѣлся ужъ очень человѣкъ, родственники сходятся, убиваютъ его, рѣжутъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько головъ скота, варятъ эти мяса и угощаются ими. Такой конецъ жизни считается у нихъ счастливѣйшимъ. Умершаго отъ болѣзни не съѣдаютъ, а хоронятъ въ землю, жалѣя о покойникѣ что ему не удалось быть съѣденнымъ. — Земли не засѣваютъ, а питаются отъ стадъ своихъ и рыбою, въ обиліи доставляемою Араксомъ. Изъ боговъ поклоняются одному Солнцу, принося ему въ жертву коней, на томъ основаніи что быстрѣйшему изъ боговъ подобаетъ приносить быстрѣйшее изъ животныхъ» (I, 216).

Изъ этихъ данныхъ сообщаемыхъ Геродотомъ, если признавать ихъ безусловно-вѣрными, выходитъ что Массагеты, родственные съ Саками, значительно отличались отъ послѣднихъ, какъ характеромъ, такъ и степенью гражданственности: находились, въ Геродотово время, на той еще ступени развитія когда люди не знаютъ хлѣбопашества, не уважаютъ святости брачныхъ узъ (хотя и вышли уже изъ періода безбрачнаго соединенія половъ), и избавляются отъ безполезныхъ, за дряхлостію, членовъ общества, предавая ихъ смерти. Относительно суще-

Дахя (Согдіаны и Бактіаны), соединились всѣ подъ рукою одного изъ князей гуйшуанскаго удѣла, по-

---

ствованія у Массагетовъ обычая поѣдать своихъ стариковъ можно впрочемъ и усомниться: мало-ли нелѣпыхъ сказокъ о далекихъ народахъ ходило, да и теперь ходитъ, между Греками и другими націями которыя считали и считаютъ себя высоко-цивилизованными? Какихъ гадостей о нечистоплотности древней Руси наговорилъ, на-примѣръ, посолъ халифа Муктедира, Ибнъ-Фодланъ, на томъ только основаніи что предки наши умывались надъ одной общей лоханью, а не таскали съ собою для омовенія, какъ Магометане, каждый своего кувшинчика! Очень можетъ быть что разсказы о «пожираніи» родственниками стариковъ своихъ возникли изъ слуховъ о «тризненныхъ жертвахъ», или о томъ обычаѣ по которому старики добровольною смертію «посвящали» себя Богамъ, какъ водилось это, по словамъ Плинія (H. N. IV, 26), у Гиперборeевъ (ср. Бергмана, Les Scythes, p. 71-72). Но допустимъ даже что Массагеты дѣйствительно съѣдали своихъ стариковъ, какъ недавно еще дѣлали это, на-примѣръ, Батты на Суматрѣ (Anthropologie der Naturvölker, von Th. Waitz, Th. V, erste Abth., s. 189): развѣ существованіе между ними такого обычая, какъ остатка глубокой старины и выраженія особой pietatis erga parentes, свидѣтельствуетъ необходимо о ихъ дикости и въ другихъ отношеніяхъ? Всѣ наиболѣе образованные нынѣ народы хоронятъ покойниковъ своихъ въ землю: тѣмъ народамъ которые сожигаютъ ихъ и берегутъ пепелъ, зарываніе труповъ въ землю должно казаться отвратительнымъ, а древнимъ Египтянамъ, бальзамировавшимъ умершихъ, должно было-бы казаться величайшимъ варварствомъ. Варварство — протыкать себѣ уши чтобы носить въ нихъ серьги, а этотъ варварскій обычай сохраняется еще у женщинъ образованнѣйшихъ народовъ Европы и Америки, и не мѣшалъ мужьямъ и братьямъ ихъ выдумать желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы. Точно также и невозбранное пользованіе чужими женами, приписываемое Геродотомъ Массагетамъ, если бы это и несомнѣнно имѣло мѣсто, не доказываетъ само-по-себѣ низкаго уровня ихъ гражданственности: чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно прочесть разсказы того же Геродота о положеніи женщинъ въ высоко-образованномъ Вавилонѣ. Да не могла женщина стоять низко у Массаге-

имени Кіоцзюкю, который, такимъ образомъ, сдѣлался сильнымъ государемъ, «началъ воевать съ Аньси (Пар-

---

товъ судя по тому уже что̀ узнаёмъ отъ Геродота о царицѣ массагетской Томирисъ по-имени, съ которою воевалъ Киръ: высокою личностію является послѣдняя какъ правительница, какъ мать, какъ женщина; личностію въ сравненіи съ которою побѣдоносный Киръ выходитъ чѣмъ-то жалкимъ и смѣшнымъ; въ переговорахъ, въ войнѣ съ нимъ, обнаруживаетъ она вполнѣ и царственное величіе, и преданность интересамъ своего народа, и благородную увѣренность въ его и своихъ силахъ, и мужественный духъ чуждый всякаго колебанія, всякой нерѣшительности. Въ пользу нравственности Массагетовъ говоритъ также и глубоко-прекрасный характеръ юнаго сына этой царицы, Спаргаписа. По неопытности попадается онъ въ ловушку устроенную Киромъ, и платится за это плѣномъ. Очнувшись въ оковахъ, онъ, прежде всего, проситъ Кира освободить его отъ нихъ, и, освобожденный, тотчасъ же самъ лишаетъ себя жизни, какъ недостойнаго ея послѣ позора которому подвергся, послѣ пораженія которое оплошностію своею заставилъ онъ понести Массагетовъ (Геродотъ, I, 205-214). О томъ-же что отсутствіе хлѣбопашества у какого-либо народа не есть свидѣтельство противу возможности значительнаго у него развитія умственныхъ силъ и промышленной дѣятельности, распространялись мы уже выше.

Имя Спаргаписа также можетъ служить указаніемъ на арійство Массагетовъ, какъ объясняющееся изъ арійскихъ языковъ. Мюлленгофъ (l. c. p. 567) производитъ его отъ piça (Gestalt) и çpareg (sprossen, spriessen), толкуя что значитъ оно «der eine jugendliche Gestalt hat». Мы, согласно съ Бергманомъ, въ первой половинѣ этого имени, видимъ svara, «солнце», или svarga, «небо», а pises готовы принимать за ново-персидское *пюсъ* или *пюсеръ*, древне-персское и зендское puthra, вслѣдствіе чего *Спаргаписъ* будетъ вполнѣ тоже что нашъ *Сварожичь*, т. е. «солнцевъ сынъ», или «сынъ неба». Имя *Томирисъ* также объясняется санскритскимъ tamara, «вода»; Бергманъ полагаетъ что оно значитъ «Дочь Океана», соотвѣтственно съ латинскимъ Tiberis, «сынъ Тибра» (l. c. p. 51). Только откуда это Массагеты могли прознать объ Океанѣ? Не вѣрнѣе-ли что Томирисъ значитъ тоже что̀ ундина?

ѳянами), покорилъ Гаофу (Кабулъ, Западный-Кабулистанъ), уничтожилъ Пуду (Патановъ, Афганцевъ) и Гибинь, и овладѣлъ землями ихъ»[1]. Такъ-какъ вторженіе Юетійцевъ изъ-за Яксарта относится приблизительно къ 130-мъ годамъ до Р. Х., то усиленіе Кіоцзюкю гуйшуаньскаго на счетъ прочихъ удѣльныхъ князей юетійскихъ должно было послѣдовать около 30-хъ годовъ передъ Р. Х., а завоеваніе имъ странъ къ югу отъ Гиндукуша — вслѣдъ за тѣмъ, вѣроятно въ продолженіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій передъ нашею эрою, ибо «Исторія Младшихъ Ханей» даетъ Кіоцзюкюю долгую жизнь, «болѣе 80-ти лѣтъ»[2]. «По смерти этого государя» — читаемъ въ томъ же источникѣ — престолъ получилъ сынъ его Яньгаочжень, который къ владѣніямъ отца присоединилъ еще и Индію. Убивъ государя этой страны, управленіе ею поручилъ онъ одному изъ своихъ полководцевъ»[3]. Никакихъ другихъ подробностей о завоеваніи Индіи Юетійцами, равно-какъ и никакихъ свѣдѣній о продолжительности тамъ ихъ владычества, не находимъ мы, ни въ китайскихъ, ни въ какихъ-либо другихъ писателяхъ. Удалились-ли Саки изъ Гибини съ занятіемъ ея Кіоцзюкюемъ, и, если удалились, то куда? Забралъ-ли Яньгаочжень ту часть Индіи гдѣ Саки еще не властвовали, или владычество его распространилось тамъ

---

[1] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 119.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же, III, 119 и 120.

и на страны уже занятыя ими, слѣдовательно и на нихъ самихъ? Было-ли, потому, Индо-Скиѳское Царство Птоломея царствомъ сакскимъ, или было оно царствомъ юетійскимъ? Для разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ не имѣемъ мы никакихъ положительныхъ данныхъ. Такъ думаю я въ противность со всѣми западно-европейскими изслѣдователями вопроса о владычествѣ Скиѳовъ въ Индіи и Афганистанѣ, полагающими что данныя такого рода представляются намъ — въ монетныхъ памятникахъ индо-скиѳскихъ государей.

Что въ числѣ монетъ найденныхъ и собранныхъ въ при-индскихъ странахъ въ-теченіе текущаго столѣтія, властвующими тамъ нынѣ Британцами и забиравшимися туда Европейцами другихъ націй, многое множество принадлежитъ господствовавшимъ тамъ скиѳскимъ государямъ, это несомнѣнно; но разсортировать какія изъ этихъ монетъ биты индо-скиѳскими государями по сѣверную, и какія по южную сторону Гиндукуша, и между послѣдними — какія владѣльцами сакскими, и какія юетійскими, и опредѣлить хронологическую послѣдовательность и хорографическую принадлежность этихъ монетъ (не носящихъ на себѣ обозначенія, ни года, ни мѣста ихъ чеканки) для обращенія ихъ въ историческій матеріалъ — это, если и можетъ быть достигнуто когда-либо, то далеко не достигнуто еще въ настоящее время, несмотря на усилія къ тому первостепенныхъ ученыхъ, и убѣжденіе этихъ ученыхъ что они доработались до положительныхъ результатовъ. Почти всѣ результаты эти, по нашему убѣжде-

нію, не болѣе какъ гипотезы, которыя могутъ оказаться и безпрестанно оказываются несостоятельными.

Такъ-какъ Саки, по китайскимъ извѣстіямъ, проникли въ страны къ югу отъ Гиндукуша далеко ранѣе Юетійцевъ, то гипотеза что древнѣйшія изъ монетъ признаваемыхъ за индо-скиѳскія принадлежатъ сакскимъ государямъ, а не юетійскимъ — гипотеза принимаемая всѣми изслѣдователями предмета — представляется одною изъ основательнѣйшихъ въ числѣ ими высказанныхъ; между-тѣмъ гипотеза эта подрывается въ самомъ корню простымъ соображеніемъ что между монетами признаваемыми за индо-скиѳскія могутъ находиться и битыя Скиѳами въ Бактріи, на сѣверъ отъ Гиндукуша, и что тамъ въ Бактріи Юетійцы могли начать чеканку монеты своей ранѣе чѣмъ Саки къ югу отъ Гиндукуша. Баньгу положительно говоритъ о Юетійцахъ, когда они не переходили еще черезъ Гиндукушъ, что у нихъ была уже въ употребленіи монета, именно такая же какъ въ Аньси (т. е. у Пароянъ)[1]. Стало-быть монеты индо-скиѳскія признаваемыя за древнѣйшія могли быть биты въ Бактріи и принадлежать скорѣе Юетійцамъ нежели Сакамъ. Затѣмъ — на какомъ основаніи признавать однѣ изъ индо-скиѳскихъ монетъ сравнительно-древнѣйшими, а другія сравнительно-позднѣйшими? Критеріемъ для этого принята ихъ относительная, все болѣе-и-болѣе уменьшавшаяся, близость къ типу греко-бактрійскихъ и греко-

---

1 «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 54.

индѣйскихъ монетъ, которыя должны были, предполагается, служить имъ образцами, такъ-какъ въ степяхъ и горахъ отчизны своей, ни Саки, ни Юетійцы, монеты, конечно, не чеканили. Противъ допустимости такого критерія для опредѣленія относительной древности монетныхъ памятниковъ о коихъ идетъ рѣчь, возражать мы не будемъ, а замѣтимъ только что критерій этотъ, весьма-ясный въ теоріи, оказывается весьма-трудно-приложимымъ къ практикѣ. Исходя по-видимому изъ одного и того же начала, нумизматы разбиравшіе индо-скиѳскія монеты приходили на дѣлѣ къ классификаціямъ весьма мало похожимъ одна на другую, сходнымъ лишь по произвольности съ какою строились, и нисколько не выяснявшимъ предмета. Такъ, древнѣйшими, на сказанномъ основаніи, индо-скиѳскими монетами признаются носящія на себѣ, изображенныя греческими и аріано-палійскими письменами (употреблявшимися уже и на греко-бактрійскихъ монетахъ) имена царей: Мая (Mayes), Аза (Azes), Азилиса (Azilises) и Спалириса (Spalirisos). Допустимъ что это согласно съ принятымъ началомъ; но почему-же признаются, не современными имъ, а позднѣйшими, монеты съ именами, на-примѣръ, Козуло-Кадфиса и Козоло-Кадафа, по близости своей къ греческимъ монетнымъ типамъ нисколько не уступающія помянутымъ Маевымъ, Азовымъ и т. д.? И почему монеты Козуло-Кадфиса и Козоло-Кадафа признаются юетійскими, а не сакскими, тогда-какъ монеты Мая, Аза и т. д. признаются за сакскія, а не за юетійскія? Основанія къ такому прі-

уроченію являются уже другія — сходство тѣхъ или другихъ индо-скиѳскихъ монетъ съ монетами тѣхъ или другихъ греко-бактрійскихъ государей, ранѣе или позже, тамъ или тутъ царствовавшихъ. Прекрасно. Но развѣ знаемъ-мы положительно что греческіе государи къ монетнымъ типамъ которыхъ пріурочиваются такимъ образомъ хронологически и хорографически тѣ или другія индоскиѳскія монеты, дѣйствительно властвовали именно тамъ или тутъ, въ то или другое время? Нисколько. Это тоже только предполагается, и на основаніяхъ самыхъ шаткихъ, опровергаемыхъ новыми, монетными же, находками [1]. Выходитъ что одно неизвѣстное разъясняется другимъ неизвѣстнымъ. Какое-же довѣріе можно имѣть къ такимъ классификаціямъ, къ чему служатъ онѣ? Но мало того: построивъ одно проблематическое на другомъ проблематическомъ, строятъ на этой основѣ еще цѣлое зданіе новыхъ выводовъ и предположеній, которые выдаются за «исторію». Такого рода пріемами отличаются въособенности труды о предметѣ знаменитаго германскаго индіаниста Лассена, и не менѣе извѣстнаго англійскаго инженера и археолога Конингэма. О совершенной непригодности такихъ трудовъ для положительной Исторіи высказывались мы уже не разъ [2]; по-

---

[1] См. объ этомъ въ статьѣ моей: «Греко-Бактрійское Царство», помѣщенной въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1867 годъ; отд. отт. стрн. 10-16 и 23-25.

[2] Тамъ же; сверхъ-того, въ нашемъ изданіи Риттерова «Кабулистана», стрн. 773, 786 и др., и въ статьѣ нашей «Цари Вос-

тому считаемъ излишнимъ разбирать ихъ вновь въ настоящемъ случаѣ. Замѣтимъ лишь, мимоходомъ, что сколь ни мало къ хронологической и генеалогической классификаціи индо-скиѳскихъ монетъ можетъ служить близость ихъ (по изображенію божествъ, почерку письменъ и т. д.) къ тѣмъ-или-другимъ греко-бактрійскимъ и греко-индѣйскимъ, еще рѣзче бросается въ глаза непригодность двухъ другихъ основаній принимаемыхъ для пріуроченія этихъ монетъ хорографическаго: мѣстонахожденіе этихъ монетъ, и встрѣчаемыя на нихъ изображенія животныхъ. Заключать изъ того обстоятельства что монеты какого-либо скиѳскаго государя находимы были до сихъ поръ преимущественно въ тѣхъ-или-другихъ частяхъ долины Инда — будто именно въ этихъ мѣстахъ онъ и властвовалъ, такъ нелѣпо, что мы не понимаемъ какимъ образомъ подобная нелѣпость не поражала изслѣдователей сколько-нибудь знакомыхъ съ топографіею монетныхъ находокъ. Неужели-же не знали они что монета, особенно золотая и серебряная, заносится изъ одного края въ другой, какъ торговлею, такъ и войною? И развѣ, кромѣ-того, не обнаруживаются безпрестанно новыя находки въ мѣстахъ гдѣ ихъ дотолѣ вовсе не было, и въ массахъ далеко бо̀льшихъ чѣмъ тѣ на которыхъ основывались сдѣланныя заключенія? Выводить изъ обилія монетъ находимыхъ въ краю о принадлежности его государямъ

пора-Киммерійскаго, преимущественно по современнымъ имъ памятникамъ и монетамъ», помѣщенной въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ за 1851 годъ; отд. оттиск. стрн. 72-73.

или династіямъ ихъ чеканившимъ, такъ окажется что Сассаниды властвовали въ Пермской Губерніи, а халифы багдадскіе, Саманиды и многія другія персидскія и трансоксіанскія династіи господствовали въ Средней и Западной Россіи, въ Пруссіи, Даніи и Швеціи[1]. Значительныя находки золотыхъ гоўридскихъ монетъ сдѣланы были у насъ, въ развалинахъ Сарая, и около Кульджи, въ Западной-Джунгаріи[2]: такъ, значитъ, Гоўриды индѣйскіе простирали власть свою и на степи Астраханскія и на долину Илійскую? Указываемъ на ошибочность заключеній такого рода даже по большому количеству монетъ находимыхъ въ той-или-другой странѣ: что-же сказать, послѣ того, о подобномъ пріуроченіи на основаніи одного или двухъ экземпляровъ тамъ-или-тутъ найденныхъ, какъ это нерѣдко имѣетъ мѣсто относительно индоскиѳскихъ монетъ? — Менѣе несостоятельными представляются заключенія о владычествѣ того-или-другаго скиѳскаго государя надъ тою-или-другою страною — по животнымъ изображеннымъ на его монетахъ. Но и это лишь на первый взглядъ:

---

[1] См. въ нашемъ изслѣдованіи «О куфическихъ монетахъ VIII, IX, X-го и отчасти VII и XI-го вѣка, находимыхъ въ Россіи и Прибалтійскихъ Странахъ», помѣщенномъ въ I-й части «Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» (Одесса, 1844), отд. перв. стрн. 115-166.

[2] О послѣднемъ обстоятельствѣ знаю я отъ И. И. Захарова, бывшаго генеральнымъ консуломъ нашимъ въ Кульджѣ; о первомъ извѣстно изъ статьи моей: On the Patan Coins of India, found in the Ruins of Sarai, помѣщенной въ Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St.-Pétersbourg, vol. V. p. 215-217.

и этотъ признакъ, если вникнемъ въ положеніе монетнаго дѣла какимъ должно оно было быть у Скиѳовъ въ Индіи по аналогіи съ положеніемъ его у другихъ кочевниковъ господствовавшихъ надъ осѣдлыми населеніями, утратитъ значеніе ему приписываемое. Покоривъ власти своей ту-или-другую часть Афганистана либо Индіи, предводители Саковъ стали сами, или дозволили подданнымъ, бить монету отъ своего имени потому что это составляло тамъ прерогативу верховной власти, но что̀ изображалось у нихъ на монетѣ — о томъ они, по всей вѣроятности, весьма мало заботились, предоставивъ это, неизвѣстное имъ, дѣло въ полное распоряженіе монетчиковъ, сначала, быть можетъ, изъ Грековъ, а позже — изъ туземцевъ; монетчики-же эти едва-ли тратили много сообразительности на свое дѣло, да едва-ли были и способны къ такому символизму о какомъ идетъ рѣчь: изобразивъ на монетѣ, съ грѣхомъ пополамъ, имя царя, на остальное смотрѣли они какъ на безразличныя украшенія, которыя и заимствовали съ первыхъ попадавшихся имъ подъ-руку монетъ прежняго времени или другихъ образцовъ, почему-либо имъ нравившихся. Какія-либо въ этомъ отношеніи пра̀вила могли установиться лишь позже, когда скиѳскіе завоеватели освоились съ обычаями и культурою покоренныхъ ими странъ, ознакомились ближе съ значеніемъ монетныхъ символовъ и изображеній. Допустить что тѣ-или-другія животныя, которыхъ видимъ изображенными на индо-скиѳскихъ монетахъ, означаютъ стра̀ны подвластныя этимъ государямъ: такъ, не ходя

далеко за аналогіями, придется, по изображеніямъ разныхъ птицъ и звѣрей на нашихъ старорусскихъ деньгахъ, заключать что какіе-нибудь удѣльные князья можайскіе и городецкіе, не говоря уже о великихъ князьяхъ московскихъ и тверскихъ, властвовали въ странахъ гдѣ водятся не только львы, пантеры и павлины, а даже гарпіи, грифоны, драконы, кентавры и сирены. — Кромѣ непригодности двухъ помянутыхъ основаній, нельзя согласиться также и съ тѣмъ что если отъ какого-либо государя дошло до насъ малое число монетъ, значитъ царствовалъ онъ непродолжительное время, какъ заключается это о нѣкоторыхъ скиѳскихъ государяхъ по немногочисленности извѣстныхъ доселѣ монетъ ихъ, или, точнѣе сказать, по немногочисленности ихъ монетныхъ типовъ: нерѣдки случаи что монеты долгое время считавшіеся рѣдкостью вдругъ становились весьма-обыкновенными вслѣдствіе открытія ихъ гдѣ-либо въ большомъ числѣ [1]. Наконецъ, нельзя быть увѣреннымъ чтобы въ числѣ монетъ принимаемыхъ за индо-скиѳскія ближайшее ихъ изслѣдованіе или неожиданная случайность не открыли многихъ принадлежащихъ совершенно-инымъ государямъ, не въ Ин-

---

[1] Такъ, въ 1842 году, когда я описывалъ генуэзско-татарскія монеты битыя въ Крыму, имѣлось ихъ во всѣхъ европейскихъ собраніяхъ около 20 экземпляровъ; а въ слѣдующемъ же году сдѣлалась извѣстною находка заключавшая ихъ въ себѣ до 200 штукъ. См. брошюру мою «Монеты Джучидовъ, Генуэзцевъ и Гиреевъ битыя на Таврическомъ-Полуостровѣ» (Одесса, 1843), стрн. 10 и 41.

діи и не въ Афганистанѣ властвовавшимъ, какъ это оказалось относительно монетъ царя Кода.

По изложеннымъ уваженіямъ, мы находимъ что труды положенные доселѣ на хронологическое, генеалогическое и хорографическое классифированіе монетъ признаваемыхъ за индо-скиѳскія нисколько не разъяснили обстоятельствъ, ни сакскаго, ни юетійскаго въ Индіи владычества, и что касательно начала, продолжительности, конца и взаимныхъ отношеній того и другаго, остаемся мы, и послѣ означенныхъ розысканій — въ такомъ же невѣдѣніи въ какомъ были до открытія помянутыхъ монетъ[1].

Относительно продолжительности сакскаго владычества въ Индіи нельзя не принять во вниманіе показанія Пуранъ что династія сакскихъ государей господствовала въ-продолженіе 380 лѣтъ. Это, если занятіе Гибини Саками относить къ 120-мъ годамъ до Р. Х., опредѣляетъ паденіе владычества ихъ въ Индіи около 260-хъ годовъ нашей эры. Но утвержденіе господства Саковъ въ Индіи Индѣйцы относили по-видимому ко времени гораздо-позднѣйшему конца II-го вѣка до Р. Х., почему и паденіе его должно было, по ихъ разсчетамъ, послѣдовать гораздо позже 260-хъ годовъ по Р. Х.

Какъ-бы то ни было, и Саки, и Геты, должны были,

---

[1] О невозможности вывести какое-либо основательное заключеніе даже изъ показанія «Исторіи Старшихъ Ханей» объ изображеніяхъ на гибиньскихъ монетахъ, см. у Вильсона, въ Ariana Antiqua, p. 305-306.

съ теченіемъ времени, перемѣшаться болѣе-или-менѣе съ покореннымъ ими туземнымъ населеніемъ, и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, принять на себя ту печать которую налагаютъ на всякаго климатъ и другія естественныя условія Индіи. Чтобы тѣ-или-другіе изъ этихъ завоевателей были истреблены туземцами — невозможно: это противорѣчило-бы всякой аналогіи съ другими однородными историческими явленіями. Потомство Саковъ и Гетовъ въ Индіи должно, слѣдовательно, въ томъ-или-другомъ видѣ, существовать и до настоящаго времени.

Первымъ изслѣдователемъ серьозно обратившимъ вниманіе на это обстоятельство былъ Джемсъ Тодъ, который за остатки Скиѳовъ въ Индіи призналъ населеніе ея извѣстное частію подъ именемъ Раджпутовъ, частію подъ именемъ Джатовъ[1]. М. Эльфинстонъ, отвергая присутствіе скиѳскаго элемента между Раджпутами, противу возможности происхожденія Джатовъ отъ Скиѳовъ не возражалъ[2]. Такимъ же образомъ, мнѣніе что Джаты суть потомки Гетовъ (Да-Юети) принято было въ Европѣ Клапротомъ[3], арменистомъ Сенъ-Мартеномъ[4], К. Риттеромъ[5], Г. Виль-

[1] Въ Transactions of the Asiatic Society of London, vol. I, и въ Annals and antiquities of Rajasthan, vol. I.

[2] My conclusion, therefore — говоритъ онъ — is that the Jats may be of Scythian descent, but that the Rajputs are all pure Hindus (The History of India, fifth edition, London, 1866, p. 253).

[3] Tableaux historiques de l'Asie, p. 288.

[4] Въ примѣчаніяхъ къ его изданію Histoire du Bas-Empire par Lebeau, vol. IX, p. 394.

[5] Erdkunde, th. V, s. 553.

сономъ[1] и другими свѣтиламъ науки. Возставалъ противу него, и то не очень, только этнологъ Притчардъ. «Предположеніе будто Джаты (Jats, Juts) суть потомки Юечжійцевъ основывается — писалъ онъ — единственно на сходствѣ именъ тѣхъ и другихъ, и то незначительномъ; естественныя-же свойства Джатовъ совершенно иныя чѣмъ тѣ какія приписываются Юечжійцамъ и родственнымъ имъ племенамъ у писателей цитируемыхъ Клапротомъ и Абель-Ремюзою. Именно племена эти отличались сангвиническою комплекціею и голубыми глазами, тогда-какъ Джаты племя малорослое, нескладное, съ кожею темнаго цвѣта. Впрочемъ, происхожденіе такой перемѣны въ народѣ обитавшемъ на высокихъ степяхъ Татаріи можетъ, весьма вѣроятнымъ образомъ, объясняться переселеніемъ его на жаркія равнины Инда, и пребываніемъ тутъ въ-теченіе двухъ тысячь лѣтъ»[2]. Лассенъ, сначала придававшій большую цѣну возраженіямъ Притчарда, и даже Эльфинстона считавшій противникомъ Тодовой гипотезы о тождествѣ Джатовъ со скиѳскими завоевателям Индіи[3], кончилъ тѣмъ что сталъ на сторонѣ защитниковъ этого тождества[4]. Къ этому привело его, по-видимому, обстоятельное разсмотрѣніе какому подвергнулъ этотъ вопросъ Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ въ

---

[1] Ariana Antiqua, p. 305.

[2] См. его «Естеств. исторію человѣческаго рода» въ нѣмецкомъ изданіи Вагнера и Вилля (Leipzig, 1845), III, 2, стрн. 136-137.

[3] Ind. Alterthumskunde, II, 358-360.

[4] Тамъ же, II, 873-874.

изслѣдованіи своемъ «объ Эфталитахъ»[1]. Но Вивьенъ-Сенъ-Мартенъ доказываетъ что Джаты суть потомки не только Юечжійцевъ, но и древнѣйшаго слоя населенія Индіи, принадлежавшаго по происхожденію, какъ и самые Юечжійцы, къ народамъ Тибетскаго Племени[2]. Одинъ изъ послѣднихъ противниковъ ученія о происхожденіи Джатовъ отъ Юечжійцевъ, Джонъ Бимзъ, оппозицію свою этому ученію основываетъ именно на томъ что Джаты суть племя несомнѣнно арійское: «если-бы это были скиѳскіе завоеватели — говоритъ онъ — то куда-же дѣвался ихъ скиѳскій языкъ, и какимъ образомъ могло произойти то что Джаты теперь, и въ-теченіе столѣтій уже, говорятъ языкомъ арійскимъ, однимъ изъ нарѣчій Гинди»?[3] Въ нашихъ глазахъ несомнѣнность арійскаго происхожденія Джатовъ, вмѣсто того чтобы опровергать связь ихъ со «скиѳскими завоевателями» Индіи, служитъ ей подтвержденіемъ, такъ-какъ завоевателей этихъ (Саковъ и Юетійцевъ) признаёмъ мы за народы арійскаго племени, а не за Тибетцевъ или Турковъ, какими были они по мнѣнію Бимза и другихъ.

Что Джаты теперь и издавна уже говорятъ языкомъ арійскаго происхожденія, составляющимъ одно изъ нарѣчій языка именуемаго Гинди, а не на перво-

---

[1] Etudes de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique (Paris, 1850), I, 233-351.

[2] Тамъ же, I, 340-341.

[3] Memoirs on the Races of the North Western Provinces of India, by H. M. Elliot, edited, revised and re-arranged by John Beames (London, 1869), I, 137.

начальномъ германскомъ или славянскомъ, это, равнымъ образомъ, не можетъ служить доказательствомъ принадлежности ихъ къ туземному арійскому населенію Индіи, тому которое при вступленіи въ нее говорило на языкѣ Ведъ. Не могли-же Саки или Геты сохранить до сихъ поръ въ первоначальномъ видѣ тотъ языкъ на которомъ говорили они за двѣ тысячи лѣтъ: одного теченія времени было уже достаточно чтобы измѣнить родную рѣчь Саковъ и Гетовъ въ Индіи на столько же на сколько измѣнилась она со II-го вѣка передъ Р. Х. у однородцевъ ихъ переселившихся въ Среднюю и Восточную Европу, т. е. чтобы дать ей совершенно-иной видъ; а если прибавимъ къ этому вліяніе постояннаго въ-продолженіе двухъ тысячелѣтій сосѣдства съ туземцами говорившими по-пракритски и на нарѣчіяхъ пракритскаго происхожденія, и всякаго рода сношеній съ этими туземцами, то ясно что рѣчь Саковъ и Гетовъ, которая и безъ того за двѣ тысячи лѣтъ передъ симъ была, слѣдуетъ полагать, весьма близка съ Пракриту, въ постепенномъ развитіи своемъ должна была получить окончательно индѣйскій характеръ. Кромѣ-того, какъ Саки, такъ и Геты, должны были необходимо, путемъ брака и другими способами, принять въ составъ свой бо̀льшую или мѐньшую долю покореннаго ими туземнаго населенія, будь оно родственнаго имъ арійскаго, или чуждаго, хамитскаго и дравидскаго, происхожденія, а это также не могло остаться безъ сильнѣйшаго вліянія на преобразованіе языка

завоевателей, какъ въ лексическомъ, такъ и въ этимологическомъ отношеніи.

Значитъ, ни теперешній языкъ Джатовъ (нисколько, впрочемъ, неизслѣдованный по отношенію къ происхожденію его и образованію), ни наружность ихъ (весьма, впрочемъ, по разнымъ мѣстамъ неодинаковая), не могутъ свидѣтельствовать противу гипотезы объ ихъ сако-гетскомъ происхожденіи. Самое существенное возраженіе, какое, на нашъ взглядъ, можетъ быть противу нея сдѣлано, это — многочисленность Джатовъ. Племя носящее это имя (въ англійской транскрипціи Jits, Juts, Jats) составляетъ почти все населеніе Пенджаба, главную массу его въ Нижнемъ-Раджастанѣ, и все земледѣльческое населеніе, какъ Синда, такъ и выше, во многихъ округахъ на западномъ берегу Инда, являясь, кромѣ того, спорадически и въ другихъ мѣстахъ Индіи [1]. Трудность заключается тутъ не въ томъ какимъ образомъ многіе милліоны нынѣшнихъ Джатовъ могли произойти отъ нѣсколькихъ ордъ Саковъ и Гетовъ вторгнувшихся въ долину Инда. Сколь-бы орды эти ни были малолюдны [2], людность ихъ въ теченіе 60-ти слишкомъ поколѣній могла, путемъ ес-

---

[1] Vivien de Saint-Martin: Sur les Ephtalites, l. c. p. 309-315; J. Beames, l. c. I, 130-131.

[2] А судя по китайскимъ извѣстіямъ о Да-Юети, не были онѣ малолюдны: по показанію Чжанцяня, число войска (т. е взрослыхъ мужчинъ) у Да-Юети простиралось отъ 100,000 до 200,000 человѣкъ («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 6). По Баньгу, народонаселенія у Да-Юети числилось 100,000 семей, состоявшихъ изъ 400,000 душъ (тамъ же, III, 54).

тественнаго нарожденія, возрасти до цифры несравненно-высшей теперешняго джатскаго населенія. Трудность въ томъ — что если все это населеніе признавать за потомство Саковъ и Гетовъ, то куда-же исчезли тѣ многочисленные туземцы долины Инда которые были покорены Саками и Гетами? Но мы нисколько не думаемъ чтобы нынѣшніе Джаты были потомствомъ однихъ Саковъ и Гетовъ: вмѣстѣ съ этимъ, Джаты суть и потомки многихъ покоренныхъ туземцевъ, съ которыми перемѣшались скиѳскіе завоеватели, и на которыхъ наложили они свое имя по исконному обычаю Средней-Азіи[1]. Вслѣдствіе этого несомнѣнно что въ числѣ существующихъ джатскихъ колѣнъ, однѣ должны заключать въ себѣ бо̀льшую долю сако-гетскаго элемента, другіе мѐньшую, чѣмъ и объясняются замѣчаемыя въ этихъ колѣнахъ отличія.

Что-же касается до того на чемъ, кромѣ сходства имени Гетовъ (Юети) съ именемъ Джатовъ, основывается гипотеза о происхожденіи послѣднихъ отъ первыхъ, замѣтимъ что Джаты занимаютъ именно то пространство Западной-Индіи которое завоевано было Саками и Гетами, и что всѣ почти Джаты сами, по преданіямъ между ними сохраняющимся, считаютъ себя пришельцами съ далекаго Сѣверо-Запада, при чемъ нѣкоторые, какъ *Гантвары* (Ganthwárás), говорятъ что родиною ихъ былъ городъ *Гаджни*, какъ называлась встарину у Индѣйцевъ афганистанская *Газна*, или

[1] См. выше, стрн. 143, прим. 2.

Газнинъ[1]. Вивьенъ Сенъ-Мартенъ, доказывающій тибетское происхожденіе Джатовъ и Юетійцевъ (онъ не признаетъ тождества послѣднихъ съ Гетами), не могъ не знать о существованіи помянутыхъ преданій, но счелъ за лучшее умолчать объ нихъ, какъ противорѣчащихъ его гипотезѣ. Тибетское-же происхожденіе Юетійцевъ не основывается ни на чемъ кромѣ того что древнія жилища ихъ около Китая находились не подалеку отъ Тибета. Ни «Историческія Записки» Сымацяня, ни «Исторія Старшихъ Ханей», два древнѣйшіе китайскіе источника сообщающіе свѣдѣнія о Юети, не говорятъ ни слова объ ихъ тибетизмѣ. Упоминаютъ они, какъ уже видѣли мы выше, лишь о томъ что небольшая часть Юетійцевъ, при откочеваніи изъ означенныхъ древнихъ ихъ обиталищь, не двинулась, вмѣстѣ съ большинствомъ, на западъ, а «засѣла въ Южныхъ-Горахъ» (Нань-шань), и что этотъ остатокъ Юетійцевъ Цяны (т. е. восточные Тибетцы) прозвали «Малыми-Юетійцами»[2]. Какія-же это данныя для вывода о тибетскомъ происхожденіи Юетійцевъ? Даже Тху-ши, китайскій писатель ошибочное пониманіе котораго заставило Клапрота причислить Юетійцевъ къ семьѣ тибетскихъ народовъ, писатель IX-го уже вѣка по Р. Х., и тотъ о части Юетійцевъ издавна поселившейся между Цянами сказываетъ не болѣе того что эти Юетійцы «имѣютъ почти тотъ же языкъ и обычаи какъ и сосѣди ихъ Ця-

---

[1] Бимзъ, l. c. I, 133.

[2] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 7 и 55.

ны»[1]. Весьма естественно что Юетійцы, какого-бы они племени ни были, въ-теченіе многихъ вѣковъ живя окруженные отовсюду Цянами, оцянились наконецъ, т. е. отибетились; но развѣ это можетъ служить доказательствомъ чтобы Юетійцы и первоначально были Тибетцами? Да вѣдь и Клапротъ, сгоряча, на стр. 130-й своихъ Tableaux historiques de l'Asie, причисливший Юетійцевъ къ тибетской семьѣ народовъ, не далѣе какъ въ томъ же самомъ сочиненіи, на стр. 287, отрекся отъ этой ошибки своей, объяснивъ ея происхожденіе, и отнесъ Юетійцевъ уже къ «бѣлокурой» семьѣ среднеазійскихъ народовъ.

Мы распространились нѣсколько о Джатахъ и объ основаніяхъ считать Юетійцевъ за народъ арійскаго происхожденія, потому собственно что Джатовъ можно принимать за потомство, не только Юетійцевъ (Гетовъ) собственно, но и Саковъ, на которыхъ Юетійцы, покоривъ подъ себя часть Индіи занятую уже Саками (если это имѣло мѣсто), должны были наложить свое имя, точно такъ же какъ и на туземцевъ этой страны. Но, быть можетъ, между многочисленными народами населяющими Индію найдутся, помимо Джатовъ, и такіе которыхъ можно признать за потомство Саковъ не подчинившихся Юетійцамъ? Съ своей стороны, указываемъ, какъ на одинъ изъ такихъ, на *Гуджар*'овъ, народъ тоже весьма многочисленный, разные отдѣлы котораго являются населяющими въ насто-

[1] Tabl. hist. de l'Asie, p. 287.

ящее время, на сѣверо-западѣ Индіи, область Деглійскую, верхнюю часть Дуаба и Рогилькенда, многія мѣстности въ Пенджабѣ вплоть до Инда, въ Канчѣ, въ сѣверныхъ частяхъ Бандельканда, и по теченію рр. Чамбала и Нербеды[1]. Потомство Саковъ можно предполагать въ Гуджарахъ потому что въ нихъ видѣнъ мужественный арійскій типъ, что они наружностію весьма сходны съ Джатами, встрѣчаются повсюду какъ сосѣди послѣднихъ, и, подобно имъ, сохраняютъ преданіе что пришли въ мѣста̀ ими теперь занимаемыя — съ запада[2]. Весьма быть можетъ также что не лишена серьозныхъ основаній и гипотеза Тода о присутствіи скиѳскаго элемента въ раджпутскихъ колѣнахъ. Между многочисленными, разнообразными и далеко-раскинутыми колѣнами слывущими подъ именемъ Раджпутовъ очень легко могутъ найтись такія которыя, при ближайшемъ съ ними знакомствѣ, окажутся остатками, какъ Саковъ, такъ и другихъ до-мусульманскихъ завоевателей Индіи[3]. Но предметъ этотъ можетъ быть разслѣдованъ лишь на мѣстѣ. Издали и въ настоящемъ положеніи нашихъ свѣдѣній о національностяхъ сохраняющихся въ Индіи, большихъ и малыхъ, нѣтъ ника-

---

[1] Бимзъ, l. c. I, 99-102.

[2] Тамъ же, I, 101.

[3] Важнымъ указаніемъ на связь Раджпутовъ съ Саками служитъ, въ нашихъ глазахъ, *сака* (соотвѣтствующее французскому sac и англійскому sacking, по-нашему «сѣча»), ка̀къ, по Тоду, зовется у Раджпутовъ торжественное обрѣченіе себя и жѐнъ своихъ на смерть въ случаяхъ, гдѣ предвидится неминуемый иначе плѣнъ. См. Rajasthan, I, 70, прим.

кой возможности пуститься въ розысканія такого рода не подвергаясь опасности надѣлать на каждомъ шагу самыхъ грубыхъ и смѣшныхъ промаховъ. Такъ, напримѣръ, разсматривая великолѣпный сборникъ фотографическихъ портретовъ съ туземцевъ Индіи, изданный въ 1868-1869 годахъ Англійскимъ Правительствомъ подъ заглавіемъ The people of India[1], мы, по костюму, и отчасти по выраженію лицъ, охотно признали-бы за собратію нашу, Малороссіянъ — крестьянина и крестьянку изображенныхъ тамъ въ томѣ III-мъ подъ № 169, какъ образчикъ «Раджпутовъ русскаго колѣна» (belong by caste to a Rajpoot race known as the Rossia clan) живущихъ на истокахъ рѣки Джемны». Для насъ, доказывающихъ славянизмъ Саковъ, былобы пріятнѣйшимъ открытіемъ найти между настоящими обитателями Индіи не только потомство Славянъ вообще, а даже собственныхъ предковъ нашихъ — *Руси*; мы не считаемъ, однакоже, безопаснымъ предаваться ликованіямъ по поводу подобной находки: весьма можетъ послѣдовать за ними горькое разочарованіе. Нижняя губа у нашей раджпутской русачки что-то ужъ очень толста для женщины арійскаго племени, а цвѣты въ головномъ ея уборѣ, равно-какъ и

[1] Вотъ полное заглавіе этого рѣдкаго и дорогаго изданія: The people of India. A series of photographic illustrations of races and tribes of Hindustan, originally prepared under authority of the Government of India, and reproduced by order of the secretary of state for India in Counsil. With descriptive letterpress by Meadows Taylor. Edited by J. Forbes Watson and John William Kaye. London, 1868-1869, 4 vol. in 4°.

на шляпѣ у ея товарища, преимущественно передо всѣми другими подробностями придающіе имъ видъ хохла и хохлачки, оказываются, по объяснительному тексту при фотографическомъ ихъ снимкѣ, не какою-либо спеціальною принадлежностію головнаго убора этихъ Раджпутовъ, а любимымъ украшеніемъ всѣхъ тамошнихъ горцевъ, слѣдовательно являются характеристикою мѣстности, а не племенною. Серьознаго разъясненія вопроса о существованіи въ Индіи потомства Саковъ и другихъ племенъ древле туда вторгавшихся, можно, повторяемъ, достигнуть лишь путемъ долголѣтнихъ и повсемѣстныхъ тамъ этнографическихъ изысканій, въ родѣ тѣхъ, на-примѣръ, какія предприняты и совершены уже Фергюсономъ по части индѣйской архитектуры, или Конингэмомъ въ области буддійской археологіи.

IV.

Съ XIII столѣтія, когда Европейцы вновь стали знакомиться съ Среднею-Азіею, распространено было на нее имя Татаріи, вмѣстѣ съ представленіемъ что разные народы татарскіе составляютъ исключительное ея населеніе. Вслѣдствіе этого, когда, съ возрожденіемъ научныхъ занятій, вспомнили въ Европѣ что означенныя пространства Азіи занимаемы были въ древности народами скиѳскими, стали, естественно, считать за одноплеменниковъ съ Татарами и древнихъ Скиѳовъ.

Съ другой стороны, въ концѣ X-го столѣтія, когда Фирдоуси изъ Туса сшивалъ и склеивалъ въ одно стихотворное цѣлое сохранившіяся до его времени былины древней Персіи, въ Трансоксіанѣ Древнихъ или Мавараунагрѣ Арабовъ, т. е. странахъ къ сѣверу отъ Аму-Дарьи и далѣе за Сыръ, равно-какъ и на пространствахъ къ востоку отъ Памирской-Выси, давно уже господствовали разные народы Тюркскаго Племени. Мусульманину X-го вѣка, при отсутствіи у него не только основательныхъ этнографическихъ, но и всякихъ историко-хронологическихъ свѣдѣній, естественно было думать что Турки и въ древности играли такую же роль и занимали тѣ же самыя пространства что̀ и

въ его время. Потому термины *Туранъ* и *Туранцы*, которые встрѣчалъ онъ въ старыхъ былинахъ Персіи, какъ обозначеніе странъ и народовъ къ сѣверу отъ Аму-Дарьи, сдѣлались въ глазахъ его равносильны именамъ *Туркестанъ* и *Тюрки*, чему способствовала и самая созвучность Турана съ Туркестаномъ, Турокъ съ Туранцами. На томъ же основаніи современной ему знаменитости подкавказскаго народа Хазаровъ, и страха наведеннаго въ X-мъ вѣкѣ на всю Сѣверную-Персію морскими разбоями Руси по берегамъ Каспія, Фирдоуси нисколько не затруднился заставить Александра-Великаго воевать съ Русью, а Ферруxзада или Гюштаспа — съ Хазарами.

Такимъ образомъ когда, съ конца прошлаго столѣтія, ученая Европа стала знакомиться съ содержаніемъ Шахъ-намэ, взглядъ Фирдоуси на Туранцевъ какъ на Турокъ сошелся вполнѣ съ ея собственнымъ пониманіемъ предмета.

Туранъ, между-тѣмъ, и въ самой эпопеѣ Фирдоуси, противуполагается Ирану лишь въ географическомъ смыслѣ: Иранъ — это страны къ югу отъ Аму; Туранъ — страны къ сѣверу отъ нея. Тураномъ, выходитъ изъ Шахъ-намэ, прозвались эти-послѣднія страны по имени Тур'а, сына Феридунова, которому достались онѣ въ удѣлъ при раздѣлѣ послѣднимъ огромнаго царства своего, обнимавшаго одинаково зѐмли какъ по сю, такъ и по ту сторону Аму-Дарьи. Это вздоръ, конечно. Нѣтъ сомнѣнія что Иранъ и Туранъ, какъ термины географическіе, получили существованіе

независимо отъ именъ Ираджа и Тура, баснословныхъ сыновей миѳическаго Феридуна; но отношеніе родства въ которое легенда ставитъ Тура къ Ираджу, какъ братьевъ, какъ дѣтей одного отца, свидѣтельствуетъ что въ воззрѣніяхъ древнихъ Персовъ Туранцы нисколько не противуполагались Иранцамъ въ этнографическомъ смыслѣ, а, напротивъ, представлялись братьями имъ. Поэтому и безконечная борьба Иранцевъ съ Туранцами, составляющая содержаніе Шахъ-намэ, является вовсе не борьбою за существованіе двухъ чуждыхъ другъ другу племенъ, персскаго съ тюркскимъ, — какъ это вообразили себѣ европейскіе комментаторы Шахъ-намэ, — а борьбою между двумя отдѣлами одного и того же племени раздѣленнаго династическими, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, и религіозными интересами, борьба за первенство, за гегемонію, какъ, на-примѣръ, историческая борьба Руси съ Польшею. Подтвержденіемъ этому служитъ вся топографическая и гидрографическая номенклатура Турана по Шахъ-намэ, равно-какъ и личныя имена героевъ и героинь туранскихъ встрѣчающіяся въ этомъ произведеніи, особенно когда идетъ рѣчь о древнѣйшихъ временахъ: въ именахъ этихъ и названіяхъ рѣкъ и мѣстностей нѣтъ ничего «туранскаго» въ смыслѣ тюркскаго, монгольскаго, угорскаго; всѣ онѣ носятъ тотъ же самый характеръ что̀ и имена героевъ, героинь, рѣкъ и мѣстностей въ самомъ Иранѣ.

Все это, какъ оно ни ясно, не бросалось однакоже въ глаза̀ людямъ однажды навсегда убѣдившимъ себя

въ турчизмѣ Турана и Туранцевъ. Надо было подойти къ дѣлу совершенно съ другой стороны, чтобы разглядѣть его. Помогли этому сами Туранцы, настоящіе Туранцы (если терминъ этотъ принимать какъ противуположеніе Арійцамъ), именно китайскіе писатели. Ознакомившись съ извѣстіями ихъ о древнемъ населеніи Средней-Азіи, и Абель-Ремюза, и Клапротъ, обое изъ самыхъ блестящихъ знаменитостей западно-европейскаго орьентализма въ началѣ текущаго столѣтія, не усомнились, какъ видѣли мы, провозгласить во всеуслышаніе что страны въ бассейнахъ рѣкъ Аму, Сыра, Тарима и Или, вплоть до Китая на востокъ, заняты были до Р. Х. и даже нѣсколько позже, населеніемъ не того племени которое нынѣ въ нихъ преобладаетъ, а разными народами великой арійской семьи, праотцами европейскихъ Германцевъ и Славянъ. Оказывалось что Иранцамъ Фирдоуси не съ кѣмъ было воевать за Оксомъ, и даже за Памиромъ, какъ съ родственниками своими, Арійцами же, только другой, сѣверной вѣтви. Принятыя сначала, какъ и всякая рѣзкая новость, съ недовѣріемъ, съ глумленіемъ, означенныя утвержденія Клапрота и Абель-Ремюзы обращали однакоже мало-по-малу на сторону свою занимавшихся вопросами древней этнографіи. Въ послѣднія десятилѣтія, Скиѳы не только европейскіе, но и азіатскіе, признавались за несомнѣнныхъ Арійцевъ уже большинствомъ и притомъ самыхъ основательныхъ изслѣдователей, какъ вдругъ гипотеза о турчизмѣ Туранцевъ возникла опять, и еще съ бо́льшею противу прежняго

силой, ибо проводниками ея явились ученые отличавшіеся необыкновенною проницательностію и сообразительностію, оказавшіе огромныя и блистательныя заслуги передъ наукою, именно изъ лагеря кунеологовъ.

Склонило ихъ на сторону этой гипетезы то, весьма-уважительное по-видимому, обстоятельство что изъ трехъ системъ клинописи доселѣ извѣстныхъ, надписи изображенныя клиньями первой системы оказались писанными на древнемъ персскомъ языкѣ, изображенныя клиньями третьей системы — на ассирійскомъ, а изображенныя клиньями второй — на неизвѣстномъ, но объясняющемся, хотя и съ величайшими натяжками, изъ языковъ народовъ урало-алтайской семьи. Къ кому, спрашивается, обращались Ахемениды съ каменописными манифестами своими на этомъ загадочномъ языкѣ которому усвоенъ былъ особый видъ клинописи? Къ кому-же больше какъ не къ скиѳскимъ своимъ подданнымъ — рѣшили кунеологи; а какъ языкъ этой клинописи представляетъ сродство лишь съ языками народовъ урало-алтайскаго отдѣла, значитъ — Скиѳы принадлежали къ первобытной семьѣ народовъ давшей существованіе, съ одной стороны — народамъ тюркскимъ, съ другой — угорскимъ, и уже ни въ какомъ случаѣ Арійцами не были.

Такое возрожденіе прежней, за доказанною несостоятельностію отжившей вѣкъ свой, гипотезы о турчизмѣ азіатскихъ Скиѳовъ и было для насъ однимъ изъ поводовъ вновь обратить вниманіе на этотъ вопросъ, и постараться новыми доказательствами и сбли-

женіями подкрѣпить несомнѣнныя для насъ утвержденія Абель-Ремюзы и Клапрота относительно принадлежности къ Арійскому Племени осѣдлаго и кочеваго населенія Средней-Азіи до Р. Х. Славянизмъ Саковъ, избранныхъ нами центральнымъ пунктомъ предложеннаго изслѣдованія, обнаружился при этомъ самъ собою, безъ всякой предвзятой о томъ мысли. Мы и не настаиваемъ, впрочемъ, на принадлежности Саковъ къ Славянскому Племени: для насъ важно лишь то что были они Арійцами, и что цивилизація кочевыхъ Арійцевъ Средней-Азіи до Р. Х. вовсе не находилась на такой низкой ступени развитія, какъ это привыкли представлять себѣ западно-европейскіе ученые. Такимъ образомъ, въ заключеніе нашего труда остается намъ только возразить противу вывода дѣлаемаго кунеологами изъ языка клинописи второй системы.

Чтобы языкъ этотъ былъ языкомъ какого-либо древняго чудскаго племени, мы, на сколько доступно намъ пониманіе предмета, не считаемъ этого доказаннымъ. Но пусть даже будетъ это несомнѣнною истиною: гдѣ-же логичность въ выводѣ что языкомъ этимъ говорили именно Скиѳы временъ Ахеменидовъ? Не должно забывать, разбирая вопросъ, что клинопись второй системы признается тѣми же самыми кунеологами которые окрестили ее названіемъ «скиѳской», за древнѣйшую изъ трехъ извѣстныхъ системъ, такъ-сказать за первообразъ изъ котораго развились двѣ остальныя системы, ассирійская и персская. Народъ, слѣдовательно, которому принадлежитъ изобрѣтеніе

древнѣйшей клинописи, предшествовалъ въ развитіи не только Персамъ, но и Ассирійцамъ съ Вавилонянами. При этомъ, по самому свойству клинописи — письмà принаровленнаго къ изображенію знаковъ его на сырой глинѣ — долженъ онъ былъ сдѣлать это изобрѣтеніе живя въ странѣ гдѣ не представлялось лучшаго матеріала для письменнаго выраженія мысли, жилъ слѣдовательно въ тѣхъ же самыхъ низовьяхъ Евфрата и Тигра, гдѣ видимъ, позже, Вавилонянъ. Когда-же жили тутъ Скиѳы? Даже древнѣйшее вторженіе Скиѳовъ въ Переднюю-Азію, о какомъ сохранилось историческое воспоминаніе (у Діодора, кн. II, гл. 43; у Юстина, кн. II, гл. 3), приводитъ ихъ на берега Нила, а не въ низовья Евфрата и Тигра. Ясно что Чудь (въ смыслѣ первобытнаго, не только урало-алтайскаго, но и урало-финнскаго племени) сидѣвшая въ этихъ низовьяхъ, и сидя тамъ изобрѣвшая клинопись, пробралась туда съ сѣвера во времена предшествовавшія разселенію не только Арійцевъ, но и Симитовъ, пробралась и осѣла тамъ тогда же когда другая отрасль этой Чуди, отрасль которую Индѣйцы обозначаютъ именемъ Дравидовъ, спустилась съ Гималаевъ въ долины Джемны и Ганга, а затѣмъ населила и Деканскій-Полуостровъ. Какъ арійскія колѣна говорившія языкомъ Ведъ, вступая съ запада на равнины Инда и его притоковъ, нашли тамъ населеніе дравидское съ довольно-развитою уже цивилизаціею, такимъ же образомъ Симиты и Арійцы говорившіе языкомъ клинописи первой системы, спускаясь съ сѣвера къ Пер-

сидскому-Заливу, встрѣтили въ низовьяхъ Тигра и Евфрата населеніе чудское, издавна здѣсь поселившееся, и равнымъ образомъ успѣвшее уже сдѣлать значительные успѣхи въ цивилизаціи, плодами которыхъ и воспользовались впослѣдствіи Вавилоняне, Ассирійцы и Персы. Новѣйшія изслѣдованія антропологическія, лингвистическія и археологическія, въ общемъ ихъ объемѣ, показываютъ что прежде чѣмъ усилились и прославились народы симитскіе и арійскіе, господство на земномъ шарѣ и первые шаги на поприщѣ цивилизаціи принадлежали другимъ племенамъ, именно Хамитамъ и Чуди. Чудь, съ одной стороны, заселяла всю сѣверную часть Европы (на западѣ остатки ея видимъ въ пиринейскихъ Баскахъ), спускаясь на югѣ до Черноморья и Кавказа, а съ другой занимала всю сѣверную и верхнія части Средней и Южной Азіи, соприкасаясь здѣсь съ поселеніями Хамитовъ. Въ тѣ отдаленныя времена Симиты и Арійцы жались гдѣ-нибудь на Армянской Плоской Выси и по долинамъ Эльбурза и Гиндукуша, занимая въ мірѣ такое же жалкое положеніе какъ нынѣ остатки Чуди въ Европѣ. Къ этой-то древней Чуди, быть можетъ *Сумир*'амъ вавилонской и ассирійской клинописи, Чуди сохранявшейся еще въ Западной-Мидіи и Южной-Персіи во времена Ахеменидовъ, и обращались послѣдніе съ каменописными манифестами своими, а не къ Скиѳамъ, занимавшимъ тогда степи и плоскія нагорья Средней-Азіи отъ Китая до Дуная. Въ ахеменидскія времена, есть основанія полагать, южно-азіатская Чудь имѣла еще порядочное

значеніе, какъ по численности своей, такъ и по занимаемому пространству. Изслѣдованія Лассена показали что даже настоящее брагуйское населеніе Белуджистана принадлежитъ къ дравидской семьѣ народовъ; за пять-же вѣковъ до Р. Х. къ чудской семьѣ народовъ могли принадлежать значительныя массы населенія въ Мидіи, Халдеѣ, Сузіанѣ, равно-какъ и разные народы изъ причислявшихся, по Геродоту, къ XIV-й, XVIII-й и XIX-й Даріевымъ сатрапіямъ. Что означенная Чудь составляла древнѣйшее населеніе Вавилоніи, Сузіаны и Мидіи, и что ее именно имѣли въ виду въ каменописныхъ манифестахъ своихъ преемники Кира, съ этимъ согласны и нѣкоторые изъ кунеологовъ; но, къ-сожалѣнію, тѣже кунеологи связываютъ эту Чудь (называя ее Туранцами) со Скиѳами, считая тѣхъ и другихъ за единоплеменниковъ, тогда-какъ не представляется для того никакихъ, не только основаній, но даже и поводовъ, кромѣ того, развѣ, что, какъ Діодоръ, такъ и Юстинъ, не зная о существованіи древней Чуди, и на всемъ сѣверѣ зная однихъ только Скиѳовъ, приписывали послѣднимъ, столь же ошибочно какъ и современные кунеологи, то господство въ Передней-Азіи которое принадлежало Чуди еще до временъ Нина и Сезостриса.

Такимъ образомъ, за какой вопросъ ни взяться, всюду оказывается вѣрнымъ положеніе великаго Бэкона: citius emergit veritas ex errore quam ex confusione.

ОПЕЧАТКИ.

Стрн.	*строка*	*напечатано:*	*должно быть:*
3	27	Эѳоромъ	Эфоромъ
4	24	Skyten	Skythen
34	3	отъ	онъ
36	19	Фергайской	Ферганской
48	8	Туркистана	Туркестана
—	30	Туркистаномъ	Туркестаномъ
49	19	стороры	стороны
70	25	Го-	Гор-
93	20	au yeux	aux yeux
103	16	утверждаетъ	утверждать
116	21	mich	much
156	27	*obsequim*	*obsequium*
157	20	полигистиръ	полигисторъ
—	25	cà	çà
164	13	вѳерхъ	вверхъ

DS 328.4 .S35 G7 1871 C.1
O skifskom narodie Sakakh :
Stanford University Libraries
3 6105 040 954 039

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004